

ТЕЛЕСКОПЪ

I.

НАПОЛЕОНЪ,

ИЛИ

ТРИДЦАТЬ ЛѢТЪ ФРАНЦІИ.

(окончаніе).

ОТДѢЛЕНІЕ ШЕСТОЕ

Островъ С. Елены. 1831.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Долина Джемс - Тоунская. Съ этого мѣста, откуда Наполеонъ любилъ смотрѣть на гавань, видна цѣпь горъ, противоположная Лонгвуду, и обращенная къ Иланкешонъ - Геузу. Дорога, сначала широкая, суживающаяся и наконецъ исчезающая, соединилась съ наклоненной покатностью берега, у подошвы котораго нѣсколько строений. Это городъ Джемс-Тоунъ, за которымъ лежитъ море. Сцена сраженія и слѣва окружена крупными скалами, въ которыя упираются и исчезаютъ обѣ дороги: одна, по правую руку зрителей, ведетъ въ Лонгвудъ; другая, по лѣвую, въ Бриаръ. Наполеонъ съ вершинъ скалъ смотритъ на океанъ.

Сиръ Гудсонъ Ловъ (на авансценѣ, говоритъ ушерб - офицеру). Если Генералу Бонапарте угодно сегодня прогуляться верхомъ, то по

ТЕЛЕС. Ч. V.

30

полученнымъ мною новымъ приказаніямъ отъ Правительства, ты будешь прожогать его, ошпаривъ на десять шаговъ — не болѣе.

Унтер-Офицеръ. Yes, sir Hudson Lowe!

(Наполеонъ задумчиво сходитъ со скалы; и медленно удаляется вправо).

Гудсонъ Ловъ. Помни, что смерть ожидаетъ каждого, кто вздумаетъ споспѣшествовать побѣгу Генерала. Напоминаю тебѣ потому, что ты не болѣе мѣсяца прибылъ сюда на островъ.

Унтер - Офицеръ. Yes, sir!

(Гудсонъ Ловъ удаляется.)

Сантини (показываясь съ противоположной стороны, и прикладываясь ружьемъ въ Губернатора, но увидѣвъ унтер-офицера, опускаетъ). Dominio d'Inglese! (подходитъ, нагъвая пѣсню):

Ma tu chi sai

Si soverrai di me.

Унтер - Офицеръ (видѣвшій, какъ онъ прикладывался въ Губернатора). Охотишься, сударь?

Сантини. Да — Императору даютъ такую дурную пищу, что я хочу прибавить что нибудь къ его обѣду.

Унтер - Офицеръ. А по чемъ стрѣляешь!

Сантини. По пшичкамъ, по жаворонкамъ.

Унтер - Офицеръ. Yes! yes! по жаворонкамъ! славное ружье у васъ?

Сантини. Французское.

Унтер - Офицеръ. Позвольте взглянуть!

Сантини. Зачѣмъ?

Унтер - Офицеръ. Хочу посмотрѣть, ловокъ ли прикладъ... Я самъ охотникъ...

Сантини. Ага!

Унтер-Офицеръ. Yes, yes. (Прикладывается).
Хорошъ! (Спрѣлаетъ въ пень, который отъ пули дробился въ щелы. Потомъ идетъ къ дереву, и вынувъ пулю коженъ, возвращается къ Сантини). Этой то мѣлкой дробью изволите бить жаворонковъ? — Мастера же стрѣлять, коли будете безъ промаха.

Сантини. Что это значить?

Унтер - Офицеръ. А для кого принасе-на эта пуля?

Сантини. Для Губернатора — а другая — для меня!

Унтер - Офицеръ. Чѣмъ убишь Губернатора?

Сантини. Развѣ ты не Англичанинъ?

Унтер - Офицеръ. Глупецъ!

Сантини. Для чего жъ ты здѣсь?

Унтер - Офицеръ. Чѣмъ спасти Императора.

Сантини. А какія средства имѣешь?

Унтер - Офицеръ. Онъ о томъ узнаетъ.

Сантини. Да захочетъ ли тебѣ вѣряться?

Унтер - Офицеръ. Безъ сомнѣнн.

Сантини. Такъ онъ тебя знаетъ?

Унтер - Офицеръ. Знаетъ.

Сантини. Давно?

Унтер - Офицеръ. Прежде чѣмъ ты слы-халъ объ немъ.

Сантини. Я ужъ семь лѣтъ ему служу.

Унтер - Офицеръ. А я шридцать — понимаешь?

Сантини. А найдешь ли случай поговорить съ нимъ?

Унтер - Офицеръ. Я съ нимъ поѣду верхомъ.

Сантини. Онъ сегодня не будетъ прогуливаться.

Унтер - Офицеръ. Такъ я войду къ нему.

Сантини. Онъ не принимаетъ Англійскихъ офицеровъ.

Унтер - Офицеръ. Ты скажешь ему, что я знаю пароль.

Сантини. Онъ не отдастъ паролей.

Унтер - Офицеръ. А мнѣ даль.

Сантини. Какой?

Унтер - Офицеръ. Тулонъ и свобода.

Сантини. Слѣдственно ты Французъ?

Унтер - Офицеръ. Какъ ты, Корсиканецъ.

Сантини. Твое имя?

Унтер - Офицеръ. У меня нѣтъ имени.

Сантини. Ты солдатъ?

Унтер - Офицеръ. Нѣтъ.

Сантини. Да чтожъ ты такое?

Унтер - Офицеръ. Шпіонъ! — ступай!

Сантини. Прости.

Унтер - Офицеръ. До свиданія. (Расхаживаетъ; сценка перебивается).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Спальня Наполеона въ Лонгвудъ; во глубинѣ, съ лѣвой стороны, его желѣзная кровать. Вправо каминъ, надъ которымъ виситъ два портрета: одинъ, Императрицы; другой, Короля Римскаго. На каминѣ стоитъ также мраморный его бюстъ. Съ той же стороны диванъ, заваленный книгами, а за нимъ дверь. Въ ногахъ дивана подлѣ каминна, портретъ Маріи Луизы и Римскаго Короля. Надъ ними большіе серебряные часы Фридриха Великаго, а насупротивъ ихъ — часы Наполеона. Съ лѣвой стороны дверь, ведущая въ кабинетъ Императора. Посреди небольшой геральдъ.

Лас-Казъ (перелистывая книгу). Постыдное ругательство!

Маршанъ. Опять на Императора?

Лас-Казъ. И эшотъ Малинскій Архіепископъ, эшотъ милостыне - раздаватель Марса — описываетъ посольство въ Варшаву! — За то съ какой поспѣшностью Сиръ Гудсонъ Ловъ прислалъ намъ его книгу! . . . тогда какъ вчера удержалъ сочиненіе члена Англійскаго Парламента.

Маршанъ. Вспомните, Графъ, что на переплетѣ вышиснено было золотыми буквами: *Наполеону Великому.*

Лас - Казъ. Не ошиблись адресомъ!

Маршанъ. Отъ того-то Императоръ и не получилъ книги.

Лас - Казъ. Стыдъ и поношеніе!

Маршанъ. Императоръ! Императоръ!

Наполеонъ. Что ты прячешь, Лас - Казъ?

Лас - Казъ. Ничего. . . . новое ругательство на Ваше Величество.

Наполеонъ. Дай сюда, дай, сынъ мой! ужели думаешь, что мнѣ больно отъ этихъ булавокъ?.. А! это бѣдняжка Аббатъ! — Бранится, клеветаетъ!... Вотъ каково потерять мѣсто Посла!

Лас - Казъ. Государь. . .

Наполеонъ. Пусть ихъ стрѣляютъ холостыми зарядами и — грызутъ камень. Будутъ справедливы, если захотятъ, чтобъ ихъ читали; будутъ хвалить меня, если захотятъ быть изящными. . . . — подайте мнѣ Morning - Chronicle и Statesman.

Маршанъ. Губернаторъ запретилъ ихъ.

Наполеонъ. А!... хорошо!

Лас - Казъ. Ваше Величество прогуливались сегодня меньше обыкновеннаго?

Наполеонъ. Да! (Маршану). Вели. подать мнѣ кофе! — Свят. Елена съ ея осмью миллями пространства слишкомъ обширна! А мнѣ тѣсно было въ Европѣ!... Или, лучше сказать, горный воздухъ слишкомъ рѣдокъ. . . . Пусть выдадутъ мнѣ всю вредную для здоровья долину. . . . Для меня определено пространство; и Англичейскій создастъ прицѣливается въ меня, когда приближаюсь къ межѣ. . . . — Впрочемъ я не буду роптать; — я

свыше ропота по чувствамъ и по сану. — Повелѣваю или молчу.

Лас-Казъ. Вселенная отмститъ за васъ, Государь! Вы здѣсь больше, нежели какъ были въ Тюльери.

Наполеонъ. Знаю — и эта увѣренность дѣлаешь меня хладнокровнымъ ко многому! . . . Но если такою цѣною покупается мѣсто среди великихъ мужей Плутарха! . . . Регуль по крайней мѣрѣ сшрадалъ только три дня.

Маршанъ. Вотъ кофе, Государь. — Здѣсь докторъ Сира Гудсона Лова. . . .

Наполеонъ. А что мнѣ въ докторъ Сира Гудсона Лова?

Маршанъ. Онъ слышалъ, что Ваше Величество нездоровы.

Наполеонъ. И прислалъ мнѣ своего доктора? . . . (полюхавъ кофе, выливаетъ его).

Маршанъ. Развѣ онъ не хорошъ, Государь?

Наполеонъ. Нѣтъ . . . : но Корвизаръ всегда совѣтовалъ мнѣ беречься кофе, который пахнетъ чеснокомъ. — А мнѣ кажется, что нанишокъ эпонъ принесъ бы мнѣ пользу. . . . Съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь, разъ только удалось мнѣ выпить чашку хорошаго кофе, и въ продолженіе нѣсколькихъ дней мнѣ было гораздо легче. . . Маршанъ, чего бы ни стоило, доставь мнѣ хорошаго кофе.

Маршанъ. Государь, у насъ нѣтъ денегъ.

Наполеонъ. Продай что-нибудь изъ моихъ вещей. (Шумъ за дверями). Что тамъ такое? — Что за шумъ? Посмотрите. . . . Это голосъ Сантини. . . Узнайте.

Сиръ Гудсонъ Ловъ (за сценой). French dog!

Сантини. Verbone!

Наполеонъ. Ага! Сантини ссорится съ Губернаторомъ.

Маршанъ (у дверей). Не приказано впускать.

Сиръ Гудсонъ Ловъ. Я долженъ съ нимъ говорить.

Наполеонъ (Маршану). Впусти . . .пусти его. . . Я васъ слушаю; Сиръ Гудсонъ; но — говорите изъ дверей — это обыкновенное мѣсто слугъ моихъ.

Сиръ Гудсонъ Ловъ. Генераль Бонапарте. . .

Наполеонъ. Во первыхъ я для васъ не Генераль Бонапарте: я — Императоръ Наполеонъ! — Называйте меня, какъ слѣдуетъ, или вовсе не называйте.

Сиръ Гудсонъ Ловъ. Правительство приказало мнѣ звать васъ не иначе, какъ. . .

Наполеонъ. Да! Лордъ Кастельригъ, Лордъ Батурстъ! — Пусть они зовутъ меня, какъ имъ угодно! Не переименуйте меня; я останусь все — я! Они, и вы, Сиръ Гудсонъ Ловъ, будете забыты прежде, чѣмъ

черви испочають ваши трупы... — развѣ только одно спасетъ васъ отъ забвенія: недостойные ваши поступки со мною. — Между тѣмъ Императоръ Наполеонъ навсегда останется путеводной звѣздой для просвѣщенныхъ народовъ. — Говорите теперь — что вамъ угодно?

Сиръ Гудсонъ Ловъ. Прошу выдать мнѣ Корсиканца Сантини.

Наполеонъ. А въ чемъ провинился Корсиканецъ Сантини?

Сиръ Гудсонъ Ловъ. Онъ ударилъ одного изъ Англійскихъ солдатъ, рубившихъ деревья, на дорогѣ въ Плантешонъ-Гоузь.

Ласъ Казъ. А для чего рубили эти деревья?

Наполеонъ. Для чего, добрый мой Лас-Казъ? — Для чего? — Для того, что Императоръ Наполеонъ любилъ покоиться въ ихъ тѣни, которая одна только преломляла палящіе лучи тропическаго солнца. . . Они раскалилибы землю, еслибы могли.

Сиръ Гудсонъ Ловъ. Правительству неизвѣстно было. . . .

Наполеонъ. Вамъ было извѣстно, вамъ! Двадцать разъ видали вы меня подъ тѣнью этихъ деревь, напоминавшихъ мнѣ тополи моей Европы!

Сиръ Гудсонъ Ловъ. Я прикажу насадить другія.

Наполвонъ (встаъ). Несчастный! — А что вы сдѣлаете съ Сантини?

Сиръ Гудсонъ Ловъ. Отошлю его во Францію.

Наполеонъ. О! въ такомъ случаѣ выдаю вамъ его — выдаю охотно! Но хочу съ нимъ проститься.... Можете потомъ его обыскать.... Если это все, что вы хотѣли мнѣ сказать.... идите!

Сиръ Гудсонъ Ловъ. Мнѣ приказано отъ Правительства сократить издержки на вашъ столъ.

Наполеонъ. Я полагалъ; что до этого не дойдетъ. — Чтожъ мнѣ жалуютъ?

Сиръ Гудсонъ Ловъ. Съ сего дня, столъ вамъ будетъ накрываться на чешыре особы; по одной бутылкѣ вина на каждаго; и одинъ званый обѣдъ въ недѣлю....

Наполеонъ. Хорошо; можете еще убавить; если буду голоденъ, я пойду обѣдать съ 53 полкомъ: тамъ храбрые солдаты, пріившіе огненное крещеніе. Не отгоняютъ они стараго солдата Европы. — Кончили вы?

Сиръ Гудсонъ Ловъ. Позвольте спросить, почему не допустили вы моего доктора?... Ваши могутъ умереть или возвратиться во Францію — кѣжъ тогда будетъ печься о вашемъ здоровьи?

Наполеонъ. Я не принялъ вашего доктора — потому что онъ вашъ, а васъ я починаю ко всему способнымъ... Понимаете?

Ко всему? И покуда вы останетесь при своей ненависти, мы останемся при нашей мнѣнiи.

Сиръ Гудсонъ Ловъ. Вы несправедливы. Не я ли выпросилъ для васъ у Правительства деревянный дворецъ и мебель?

Наполеонъ. Не нужно мнѣ ни дворца, ни мебели вашей; нуженъ одинъ палацъ и саванъ. — Маршанъ, дай сапоги — я ѣду верхомъ.

Маршанъ. Извольте, Государь.

Наполеонъ. Это новые сапоги?

Маршанъ. Такъ точно.

Наполеонъ. Откуда ты взялъ?

Маршанъ. Государь —

Наполеонъ. Откуда взялъ ты ихъ? Надѣюсь, не унизился до того, чтобъ просить у Губернатора!

Маршанъ. Нѣтъ, Государь, нѣтъ, давно ужъ, безъ гѣдома Вашего Величества... пытаюсъ... учусъ... словомъ... я самъ сшилъ ихъ.

Наполеонъ (жиметъ ему руку). Другъ мой!... Забудьте это, Сиръ Гудсонъ Ловъ, и донесите вашему Правительству.

Сиръ Гудсонъ Ловъ. Вы непременно хотите ѣхать верхомъ?

Наполеонъ. Да.

Сиръ Гудсонъ Ловъ. Такъ я отдаю нужныя приказанiя унтер-офицеру, который будетъ провожать васъ...

Наполеонъ. А! мнѣ дають коннаго тюремщика! Маршанъ, сними съ меня сапоги; я не поѣду верхомъ. — Возьму лучше ванну.

Сиръ Гудсонъ Ловъ. Вы поуспру сегодня были ужъ въ ваннѣ, а мы здѣсь такъ нуждаемся въ водѣ. . .

Наполеонъ (помолчавъ). Пишите, Лас-Казъ! (Обращаясь къ Сиру Гудсону Лову) „Принесетъ вѣчный стыдъ Англійскому Правительству не то, что оно послало меня на островъ Св. Елены, но что поручило начальство надъ нимъ Сиру Гудсону Лову. . . Чтожъ касается до него. . . . ошнынѣ предаю имя его на позоръ народамъ. . . и кто захочетъ сказать: „немного побольше тюремщика, немного меньше падача. . . . скажетъ: *Сиръ Гудсонъ Ловъ!*“ (Сильно захлопываетъ дверь, за которой осматривается Губернаторъ) О! Я чувствовалъ, что принимаю видъ урагана; и не хотѣлъ унижить себя, изливая гнѣвъ на этого человека. . . . А вы бывало ропщете на честнаго Адмирала Георга Кокбурна! . . . Правда, онъ былъ немного тяжель, грубъ, недоступень! но этакъ. . . . бичъ, ужаснѣйшій всѣхъ золь, тягостѣющихъ надъ сей ненавистной скалою!

Лас-Казъ. Государь, все таки должно было вамъ ѣхать. — Докторъ О Меара приказалъ вамъ прогуливаться верхомъ.

Наполеонъ. Знаю, знаю, что должно: но можешь ли принести мнѣ пользу прогулка;

ограниченная — какъ въ сѣбѣхъ манежа?.. Мнѣ, который ежедневно ѣзжалъ верхомъ по пятнадцати и по двадцати миль? Мнѣ, котораго враги мои прозвали: *сотней тысячъ человекъ*!... Маршанъ, дай мнѣ шпоры. (Лас-казу) Вошь тѣ шпоры, Лас-Казъ, которыхъ были на мнѣ при Дрезденѣ и Шамп-Обертѣ; дарю ихъ тебѣ: мой другъ, береги ихъ! я не буду уже ѣздить верхомъ.

Лас - Казъ (на коѣнѣхъ). Ваше Величество производите меня въ рыцари, хотя я не заслужилъ сей чести...

Наполеонъ. Возьми, мой другъ; это на память. — А ты, я знаю, любишь памятники... Надо было видѣть меня въ то время, когда я имѣлъ въ рукахъ моихъ шпагу Франциска I и Фридриха Великаго!

Лас - Казъ. Мнѣ кажется, я на мѣстѣ Вашего Величества спалъ бы носилъ ту или другую.

Наполеонъ (уцѣпивъ его за ухо). Проспакъ! — у меня была своя!

Лас - Казъ. Простите, Ваше Величество! я по временамъ бываю чрезвычайно глупъ.

Наполеонъ (входящему Саншини). А, это ты, Саншини... (Весело) Какъ смѣешь ты, разбойникъ, бить Англійскаго солдата... и за то единственно, что онъ рубилъ дерево, подъ которымъ я любилъ отдыхать? Правда ли это?

Сантини. Государь, раздраженный на-
всими Губернаторомъ оскорбленіями...

Наполеонъ. Онъ признается. . . Види-
те ли ашаго злодѣя, который признается?

Сантини. О! еслибъ они не вырвали
изъ рукъ моихъ ружья!

Наполеонъ. Чщожъ бы тогда?

Сантини. Ябъ отпавиль эту собаку
Англичанина. . .

Наполеонъ. Послушай: если впередъ
придешь тебѣ подобная мысль; увидишь, какъ
поступлю съ тобою! . . . Господа, вотъ Сан-
тини, хотѣвшій убить Губернатора. . . Онъ
можешь мнѣ бѣдъ надѣлать! Негодай! . . (Ищетъ
приличнаго слова) Корсиканецъ!

Сантини. Да, надо было очистить ос-
тровъ или отъ Губернатора, или отъ меня. —
По несчастію я долженъ удалиться, Госу-
дарь! . . Я — надѣявшійся умереть при Ва-
шемъ Величествѣ! . .

Наполеонъ. Правда. . . ты ѣдешь, бѣд-
ный Сантини.

Сантини. Ахъ, позвольте только, и я
останусь на зло имъ! — Не иначе унесушъ
меня отсюда, какъ изрѣзавъ въ куски. . .

Наполеонъ. Нѣтъ, нѣтъ! Островъ Св.
Елены не такое зачѣдное жилище. . . Спѣши
удалиться изъ него, куда можешь. . . —
а я — они умирятъ меня здѣсь, въ этомъ
нѣтъ сомнѣнія!

Сантини. Ваше Величество спаслись же съ Эльбы!...

Наполеонъ. Но останусь на островѣ Св. Елены! — потъжай, мой другъ; чистъ морской воздухъ... необозримъ океанъ. — Сладко дышашь морскимъ воздухомъ и качаешься на волнахъ океана. — Чрезъ нѣсколько дней, небо, подернутое облаками, замѣнитъ для тебя это разкаленное небо... (Подходитъ къ окну) О облака, облака!

Сантини. Государь, не угодно ли чего препоручить мнѣ? — отправить со мной письма? — Я возвращаюсь во Францію.

Наполеонъ. Нѣтъ... отнимушь, хотябъ я и далъ... Одно только: если судьба приведетъ тебя въ Вѣну, постарайся видѣть моего сына — бѣдное дитя мое. Скажи ему: я оставилъ отца твоего умирающимъ; опечужденнымъ отъ міра, брошеннымъ на скалу, посреди океана. Изъ всѣхъ благъ, имъ утраченныхъ, онъ жалѣетъ объ одномъ тебѣ: тебя зоветъ, бесѣдуя самъ съ собою, твое имя произноситъ въ мечтахъ сновидѣній. Твои только портреты украшаютъ его комнату... И передъ смертью, велишь онъ принести твой бюстъ — и умретъ, вперивъ въ него взоры... Скажи это сыну моему, Сантини — потомъ, что я тебя любилъ и что ны уѣхалъ....

Сантини (обнимая Императора). Государь! вы его увидите....

Наполеонъ. Какъ?

Сантини. Въ прихожей стоитъ Англійскій офицеръ . . . поговорите съ нимъ.

Наполеонъ. Никогда.

Сантини. Онъ просилъ меня напомнить вамъ только два слова. *Тулонъ и свобода!*

Наполеонъ (созрогнувшись). Хорошо; я увижусь съ нимъ. — Другъ мой, есть ли у тебя деньги?

Сантини. Нѣтъ, Государь; но что нужды!

Наполеонъ. По крайней мѣрѣ какія-нибудь вещи?

Сантини. Я принужденъ былъ все распродать, живя на островѣ.

Наполеонъ (роясь въ карманахъ). Маршанъ, принеси мнѣ нѣсколько серебрянныхъ приборовъ.

Сантини. Для чего это, Государь?

Наполеонъ. Хорошо. — Теперь разломай ихъ. . . Пожалуй, скажутъ, что онъ меня обокралъ, и отнимутъ. (написавъ нѣсколько словъ) Мой другъ, возьми и эту записку. . .

Сантини. Пенсія! . . Ваше Величество. . .

Наполеонъ. Теперь прости . . . оставь меня. Не забудь о моемъ сынѣ. — Прости. — Идите съ нимъ, господа; и пришлите мнѣ Англійскаго офицера, находящагося въ прихожей. (Всѣ удаляющся, рыдая; шпіонъ входитъ) А! это ты! Я удивлялся, что до сихъ поръ тебя не вижу.

Шпіонъ. Благодарю. . . . Я награжденъ уже этимъ словомъ. — Не могъ, Государь. Когда Конгрессъ, въ 1815 году, осудилъ васъ

на изгнаніе, я хотѣлъ слѣдовать за вами; но меня не приняли на Беллерофонъ, не приняли на Норшумберландъ. Я шелъ въ матросы, въ солдаты, въ слуги — отказали. — Съ 1815 года не прошло дня, часа, минуты, въ которую не мучилабъ меня мысль о нашемъ освобожденіи. Я переселился въ Англію, вошелъ въ службу, отправился на Иль-де-Франсъ, въ Индію. — Однажды послали меня на островъ Св. Елены, и вотъ ужъ мѣсяць, какъ я нахожусь близъ васъ, хоша вы и полагать не могли, чтобъ подъ краснымъ мундиромъ билось сердце, преданное Императору и Франціи. . .

Наполеонъ. Чтожъ далѣе?

Шпіонъ. Государь, можетъ быть, вы замѣтили корабль, стоящій на якорѣ — такъ далеко, что паруса его кажутся разпростертыми крыльями.

Наполеонъ. Замѣтилъ, и дивился, что онъ такъ долго стоитъ на одномъ мѣстѣ.

Шпіонъ. Васъ ожидаетъ онъ, Государь.

Наполеонъ. Но какъ достигъ до него?

Шпіонъ. Въ лодкѣ, спрашанной на краю острова.

Наполеонъ. Со мной неразлученъ Англіійскій чиновникъ?

Шпіонъ. Не я ли этотъ неразлучный съ вами чиновникъ?

Наполеонъ. Правда. . . . Когдажъ могу отплыть?

ТЕЛЕС. Ч. V.

31

Шпіонъ. Когда произнесете слово: хочу. — Судно стоять будетъ, куда я не зажгу кучи хвороста на вершинѣ этой скалы, въ знакъ, что предпріятіе мое не удалось — тогда оно снимется съ якоря. — Но время дорого, Государь. Пять лѣтъ ждалъ я этаго мгновенія. . . . Воспользуйтесь имъ.

Наполеонъ. Ты мнѣ преданъ. . . Я это зналъ — (Подаетъ ему свою табакерку) Возьми на память. . . .

Шпіонъ. Золото!

Наполеонъ. Табакерку.

Шпіонъ. Но золотую!

Наполеонъ (начершавъ на ней шифръ свой булавкой). Смотри: на ней мой шифръ . . . мною начертанный. . . .

Шпіонъ. О! теперь. . . .

Наполеонъ. Теперь, возьми лодку и поѣзжай.

Шпіонъ. Безъ васъ?

Наполеонъ. Безъ меня.

Шпіонъ. За вами я прибылъ сюда, безъ васъ не поѣду; я долженъ возвратить васъ Франціи; возвратить міру! Высокая мысль одушевила меня, я долженъ ее исполнить; долженъ освободить Императора Наполеона, или умереть! — Въ обоихъ случаяхъ имя мое бессмертно; оно переживетъ. . . .

Наполеонъ. А! ты славолубивъ, а я почиталъ тебя приверженнымъ. — Я ошибся.

Шпіонъ. Однажды вечеромъ, въ Сен-Клу, кончилась моя приверженность, начавшаяся въ Тулонѣ. — Вы мнѣ подарили жизнь мою, я спасъ вашу; мы сочлиса. Со дня, въ который я заплатилъ мой долгъ, я пристрастился къ вамъ. Государь, вспомните островъ Эльбу: тамъ вы приняли меня благосклоннѣе и возвратились во Францію.

Наполеонъ. По тому-то именно теперь не хочу. Я повторю только то, что уже разъ было сдѣлано: къ чему это послужитъ?

Шпіонъ. Государь, вы продолжите вашу исторію.

Наполеонъ. А какую еще главу могу я къ ней прибавить? Поприще мое слишкомъ полно событій. . . . Выйдя отсюда, могу упасть; оставшись здѣсь, могу еще болѣе возвыситься. . . .

Шпіонъ. Понимаю тебя, внимаю тебѣ на колѣняхъ! Говори, говори!

Наполеонъ (смотря на него). Такъ, ты меня понялъ.

Шпіонъ. Правъ былъ Клеберъ: ты великъ, какъ вселенная.

Наполеонъ. Скрыться! бѣжать! избѣгнуть смерти для нѣсколькихъ дней, можешь

бышь, для нѣсколькихъ часовъ, которые проживу еще! . . . Зачѣмъ что здѣсь — понимаешь ли — здѣсь чувствую все, что чувствую передъ смертью. . . Скажи мнѣ, есть ли гдѣ могила, болѣе величественная? . . . Ужели островъ Св. Елены, изсѣченный изъ утесовъ, не великолѣпное подножіе для колоссальной статуи, которую народы нѣкогда мнѣ воздвигнуть?

Шпіонъ. Но сынъ вашъ! Сынъ вашъ!

Наполеонъ. Развѣ имя мое не богатое для него наслѣдіе?

Шпіонъ. Довольно — все сказано.

Наполеонъ. Куда жъ идешь?

Шпіонъ (уходя). Я возвращусь.

Наполеонъ. Человѣкъ эшотъ имѣлъ инстинктъ для великихъ дѣлъ; зачѣмъ шелъ онъ обокъ своей жизни? (Оборотившись) Чтò это! Огонь? Пожаръ?

Шпіонъ (возвращаясь). Ничего: я зажегъ сигнальный огонь.

Наполеонъ. И судно отплыветъ.

Шпіонъ. Да.

Наполеонъ. А ты?

Шпіонъ. Останусь.

Наполеонъ. Несчастный! Вотъ идетъ Губернаторъ. . . Чтò ты сдѣлалъ?

Сиръ Гудсонъ Ловъ (изъ дверей). Къ чему эшотъ огонь? Не сигналъ ли это?

Шпіонъ. Да.

Сиръ Гудсонъ Ловъ. Зачѣмъ?

Шпіонъ. Чтобъ подать вѣсть кораблю; стоящему въ морѣ, на якорѣ.

Сиръ Гудсонъ Ловъ. А зачѣмъ стояло это судно?

Шпіонъ. Ожидало Императора, еслибъ Императоръ согласился бѣжать.

Сиръ Гудсонъ Ловъ. А Императоръ?

Шпіонъ. Не согласился.

Сиръ Гудсонъ Ловъ (наумленный). Не согласился? . .

Шпіонъ, Да. — Вы не въ силахъ постичь. . .

Сиръ Гудсонъ Ловъ. А кто составилъ эпотъ заговоръ?

Шпіонъ. Я!

Сиръ Гудсонъ Ловъ. Ты? . . : . Англичанинъ? . .

Шпіонъ. Я! — Французъ!

Сиръ Гудсонъ Ловъ (помолчавъ). Ты знаешь законъ?

Шпіонъ. Знаю.

Сиръ Гудсонъ Ловъ. И мѣру наказанія?

Шпіонъ. Знаю.

Сиръ Гудсонъ Ловъ. Готовъ ли ты?

Шпіонъ. Готовъ.

Сиръ Гудсонъ Ловъ. Судъ надъ тобой недолго продолжится.

Шпіонъ. Знаю.

Сиръ Гудсонъ Ловъ. На мачту.

Шпіонъ. Пожалуй! . . Меня почтять залпомъ изъ пушекъ. (Наполеону) Прощай-

те, Государь. — Слышите... меня повѣ-
сятъ. — Вы отчасти причиной: — вы мог-
ли разстрѣлять меня въ Тулонъ... Простите!
(выходитъ съ Губернаторомъ),

Наполеонъ. До свиданія... скорого сви-
данія... чувствую..., Боже!.. О! О! (ложится
на диванъ и остается безъ чувствъ).

Маршанъ (изъ двери). Можно ли войти;
Государь? — Можно ли войти? — импера-
торъ лежитъ! Блѣденъ, не отвѣчаетъ! Док-
торъ! взгляните....

Антмарки. Онъ въ безпамятствѣ! —
Отнесемъ его въ постель; вечерній воздухъ
освѣжитъ его, (Наполеона уносятъ).

(Сцена перемѣняется).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Спальня Наполеона

Маршанъ (сшучивъ въ дверь). Господинъ
Лас - Казъ! — Господинъ Лас - Казъ!

Лас - Казъ. Что? Каковъ Императоръ?

Маршанъ. Все слабѣе и слабѣе. — Не
знаете ли чего о шпіонъ-Французъ, и почему
цѣлую недѣлю оплагаютъ его казнъ, тогда
какъ по закону Парламента каждый Фран-
цузъ, осмѣлившійся содѣйствовать побѣгу Им-
ператора, долженъ быть немедленно казненъ?

Лас - Казъ. Его должны были судить
военнымъ судомъ, какъ унтер-офицера Ан-
глійской службы — но это его не спасетъ.
Антмарки поѣхалъ въ городъ, чтобы провѣ-
дать о немъ.

Маршанъ. Его заточеніе было пагубнѣе для здоровья Императора, чѣмъ цѣлый годъ страданій.

Лас - Казъ. Ахъ! Маршанъ! Ужасно видѣшь, какъ онъ съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, гаснетъ, и не имѣешь возможности спасти его — цѣной жизни и крови! — Миѣ кажется, Европа скажетъ всѣмъ намъ: „вы тамъ были при немъ, и допустили его умереть!“

Бертранъ (въ дверяхъ). Императоръ требуетъ своей духовной; ему угодно прибавить нѣчто къ завѣщанію.

Лас - Казъ. Несу. — Маршанъ, постарайтесь узнать о судопроизводствѣ надъ Французомъ. — Я отдалъ бы десять лѣтъ жизни, чтобъ только донести Императору, что онъ спасенъ.

Маршанъ (слѣдуя за нимъ до дверей). О! Если Императору станетъ хуже, позовите меня. — Духовную! — Онъ боится забыть о комънибудь... Вседенная узнаетъ, добры ли онъ былъ!

Англійскій Солдатъ. Письмо отъ Губернатора къ Генералу Бонапарте.

Маршанъ. Хорошо. — Вручить ли ему? — Можетъ быть, какая нибудь новость изъ Франціи?.. — Но печать Гудсона Лова: это не общаетъ добра.

Бертранъ (пъзъ двери). Маршанъ! Императоръ видѣлъ въ окно Англійскаго солдата, несшаго письмо, и требуетъ его.

Маршанъ. Оно отъ Губернатора, Господинъ Маршанъ; отдавать ли?

Бертранъ. Онъ того желаетъ. (Возвращается).

Маршанъ. Вотъ докторъ Аншомарки! Что новаго?

Аншомарки. Приговоренъ.

Маршанъ. Къ смерти?

Аншомарки. Къ смерти.

(Въ кабинетѣ сильно звонятъ въ колокольчикъ).

Маршанъ. Ошчаяніе! — что это значитъ?

Лас-Вазъ (входя). Аншомарки! Аншомарки! Скорѣе, докторъ: съ Императоромъ ужасный припадокъ! — Письмо, ему врученное, заключало въ себѣ приговоръ военнаго суда....

Наполеонъ (за сценой). Оставьте, оставьте меня!

Аншомарки. Государь....

Наполеонъ. Прочь!

Лас-Касъ. Ахъ! Какъ онъ блѣденъ!

Наполеонъ. Услышьте, услышьте мое послѣднее завѣщаніе!... Я желалъ бы, чтобы вся вселенная могла внимать мнѣ.... завѣщаю позоръ моей смерти Англій!... И теперь — я разсчитался съ міромъ. — Приблизьтесь ко мнѣ, друзья мои, дѣти мои! Я уже не Императоръ... Я человѣкъ умирающій, страдающій... — отецъ,

который васъ благословляетъ. . . О! еслибъ былъ здѣсь Ларрей, мой честный Ларрей! Онъ не вылъчилъ бы меня, я это чувствую, но, можетъ быть перемѣстилъ бы мою боль. . . а страдать не туть, былобъ для меня почти не страданіемъ! — Меня жжетъ, грызетъ! Какъ будто остріе ножа переломилось въ тѣлѣ моемъ. — О! ужасно! — заприйте это окно. — Такъ Маршанъ, такъ — благодарю. — Пусть не вижу болѣе этого раскаленного неба; оно убиваетъ меня. — Друзья мои! гдѣ облака Шарлеруа? Дитя мое. . . .

Антонмарки. Положимъ Императора въ постель.

Наполеонъ. Нѣтъ! — мнѣ слишкомъ тяжело. Возмите этотъ плащъ: покройте меня этимъ плащомъ. — Мы ужъ съ нимъ не разстанемся: . . Я носилъ его при Маренго. . . Ахъ, друзья мои, какъ я васъ беспокою. . . . какъ больно умирать! . . .

Антонмарки. Что вы дѣлаете, Государь?

Наполеонъ. Молюсь! Не, всякой можетъ быть атеистомъ — или лѣкаремъ, докторъ. . . . Теперь хотѣлъ бы я увидѣть сына. . . Сынъ мой! Дитя мое! Еслибъ онъ зналъ, что здѣсь отецъ его умираетъ, подъ надзоромъ тюремныхъ стражей! . . . Но онъ ничего не знаетъ. . . Онъ счастливъ, онъ играетъ. . . бѣдный малютка! Однакожъ онъ услышитъ нѣкогда о моихъ страданіяхъ; услышитъ отъ васъ. . .

Не такъ ли, друзья мои? услышитъ отъ Лас-Каза, прочетъ въ моихъ запискахъ, если Англія ихъ не истребитъ. . . О! если онъ не захочетъ носить имени отца; если вдохнуть въ него ужасъ ко мнѣ. . . Боже! сынъ мой меня возненавидитъ! Ахъ, увѣрьте меня, что сынъ мой не будетъ меня ненавидѣть! Меня, отца своего! — (Губернаторъ входитъ) Чего хочетъ этотъ человекъ?

Ласъ - Казъ (Сиру Гудсону Лову). Удадитесь, сударь, удадитесь.

Сиръ Гудсонъ Ловъ. Мнѣ приказано отъ Правительства не ослушаться отъ Генерала Бонапарте, коль скоро жизнь его окажется въ. . .

Лас - Казъ (поднявъ валежъ). Молчи.

Наполеонъ. Оставь, оставь его! Лас-Казъ, я его не вижу, я смотрю на моего сына. . . Откройте окно, — Можетъ быть, вечерній воздухъ освѣжитъ меня. . . Солнце закатывается, меркнетъ — и я съ нимъ! Ахъ! облако, облако, пролетѣвшее надъ Франціей! . . . Франція, любимая Франція! — Дитя мое! . . . Дайте мнѣ его портретъ — тотъ, который вышитъ Маріей Луизой. . . Не могу ужъ видѣть его бюста, но ощупаю его руками. — Благодарю! . . . Ахъ, еслибъ онъ былъ здѣсь! Еслибъ я держалъ въ рукахъ моихъ его ручонки, видѣлъ его бѣлокурые волосы! . . . Но ничего нѣтъ, ничего! Двѣ

тысячи миль разстоянія! . . . О! грудь! . . . какъ будто клещами рвутъ ее. . . О! Монархи! . . . Пришли бы взглянуть на страдальца! — Эшотъ красный мундиръ меня мучитъ! — Гдѣ моя шпага? — дайте мнѣ мою шпагу! . . . Ко мнѣ, ко мнѣ, мои великія битвы! . . . Маренго, Аустерлицъ! Іена! — Ватерлоо! Ватерлоо! . . . (Падаешь на кровать).

Бертранъ. Помогите Императору, помогите, Г. Антомарки! Онъ умираетъ. . .

Наполеонъ. Сыну . . . мое имя . . . , одно только имя . . . (молчаніе) Авангардъ! . . . Боже! Боже! . . . Французскій народъ! . . . (умираетъ).

Антмарки (положивъ руку на сердце Наполеона). Императоръ умеръ. (Всѣ преклоняющъ колѣна).

Сиръ Гудсонъ Ловъ (посмотрѣвъ на часы). Шестъ часовъ безъ десяти минутъ, — Хорошо! (Пушечный выстрѣлъ).

Докторъ Арнольдъ (оборачиваясь). Что это?

Сиръ Гудсонъ Ловъ. Ничего! Шпіона повѣсили. . . .

съ Нѣм. А. Ш.

II.

СИЦИЛЛЯНКА.

(отрывокъ).

Тамъ Сицильянка молодая,
 Въ одеждѣ легкой и простой,
 Стихи Петрарки напѣвая,
 Идетъ съ веселою душой.
 Въ ней прелестъ все: румянецъ розы
 Играетъ нѣжно на щекахъ,
 Любви улыбка на устахъ
 И станъ прямѣ гибкой лозы.
 Въ ней дышетъ все молодой весной;
 И выразительныя очи
 Блещутъ таинственной красой,
 Какъ звѣзды южной тихой ночи.
 Сама, какъ утренняя цвѣтокъ,
 Разцвѣтшій въ тишинѣ дубравы,
 Она дорогой, для забавы,
 Цвѣты срываетъ въ свой вѣнокъ:
 И вотъ ужъ роза полевая,
 Съ молодой лилеей сплетена,
 И дѣвы локоны вѣнчая,
 Равно прелестна, какъ она!

Александръ Огильви.

III.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

ИЗЪ

ЗАПИСОКЪ МЕДИКА.

Мрачная тѣнь, обливающая страницы моего дневника а), не должна казаться удивительною. Онъ справедливъ во всѣхъ своихъ частяхъ. Это зеркало, въ коемъ съ

а) Дневникъ сей, печатавшійся въ *Blackwood's Magazine*, одномъ изъ извѣстнѣйшихъ Англійскихъ Журналовъ, возбудилъ всеобщее вниманіе истиною представляемыхъ въ немъ сценъ. Многія Англійскія фамиліи подали даже официальные жалобы на сочинителя, доказывая, что онъ разглашаетъ домашнія тайны, къ коимъ доступъ дала ему практика, и тѣмъ нарушаетъ законы, предписываемые нравственностью, преступаетъ *совѣсть врага*. Какъ бы то ни было, краски, употребляемыя имъ, дѣйствительно имѣютъ всю яркость истины. Мы избираемъ прелагаемый здѣсь отрывокъ, представляющій живую и шрогашельную картину злополучныхъ слѣдствій ненасытнаго честолобія, оправдываемыхъ въ Англіи безпрестанными примѣрами. Такъ знаменитый Чашамъ умеръ отъ чрезмѣрнаго изнуренія Парламентскими занятіями: онъ упалъ безъ памяти, произнося послѣднюю свою рѣчь въ палатѣ Лордовъ. Шериданъ и Бёркъ ослабѣли умомъ передъ смертью. Кастельригъ и Самуилъ Ромили сдѣлались самоубійцами. Каннингъ палъ жертвою напряженія за государственными дѣлами.

строжайшею вѣрностію повторяются сцены, смѣнявшіяся предо мной въ продолженіе моего врачебнаго поприща. Ремесло адвоката и ремесло медика ограничиваются одними страданіями человѣчества: что бы случилось съ ними безъ преступленій и безъ болѣзней?

Я стану продолжать свои записки, не смотря на то, что время отъ времени долженъ буду оскорблять и томить нѣжную чувствительность своихъ читателей. Предваряю ихъ, что мы опять пойдемъ путемъ горестей и скорбей: если иногда лучъ радости и искра блаженства мелькнутъ въ моихъ повѣствованіяхъ, то унылая мрачность фона картины тѣмъ будетъ ощутительнѣе. Не такъ ли устроена жизнь человѣческая?

Здѣсь изложена будетъ исторія человека, осыпаннаго всѣми благами природы, всѣми выгодами жизни общественной, и со всѣмъ тѣмъ — въ высочайшей степени злополучнаго. Честолюбіе — его тайныя томленія, его изнурительный блескъ, его победы, соблазнительныя и вмѣстѣ убійственныя, его неудачи, оканчивающіяся совершеннымъ уничтоженіемъ — вотъ что погубило Стаффорда! Исключая подложное имя а), все будетъ справедливо въ моемъ разсказѣ. Это

а) Можно догадываться, что первая часть этой картины относится къ Каннингу, а послѣдняя къ Лорду Кастельригу.

не что иное, какъ новая страница къ исторіи мучениковъ честолюбія, которую, не смотря на столько примѣровъ, общество непрестанно обогащаетъ. Желаніе превышать другихъ, потребность тяготѣть надъ всѣми, — рождаются отъ ревности и самолюбія, кои мы приобретаемъ еще въ училищахъ. Наше существованіе есть борьба суешности, начинающаяся съ первымъ нашимъ лепешкомъ. Такъ угодно нашимъ отцамъ, нашимъ наставникамъ, нашимъ руководителямъ. Не довольно того естественнаго чувства зависти, которое самой природой всѣяно въ сердца чловѣка: его возбуждаютъ, развертываютъ, принуждаютъ разгараться и кипѣть. Съ самаго рожденія нашего, источникъ самыхъ живѣйшихъ страданій готовится для насъ руками, пекущимися о нашемъ счастьи.

— „Слышали ли вы послѣднюю рѣчь Стаффорда?“ говорилъ одинъ изъ моихъ старинныхъ Кембриджскихъ товарищей пріятелю, котораго встрѣтилъ въ галлерейхъ коллегіи.

— Да — чудесная рѣчь!

— „Какая сила! Какая энергія! Какое краснорѣчіе! Это будетъ великій чловѣкъ!“

Цѣлую четверть часа они не преставали хвалить шалантъ Стаффорда и внушили мнѣ желаніе присутствовать при одномъ изъ его торжествъ. Зала была полна, когда я пришелъ, и всѣ взоры были устремлены на

оратора. Это былъ блѣдный молодой человѣкъ, съ безпрестанно мѣняющеюся физиономіею. Какая-то безпокойная энергія бродила въ его взорахъ. Какъ скоро я увидѣлъ его, то постигъ удивленіе, которое онъ внушалъ, и вліаніе, которое онъ долженъ былъ производить. Въ его движеніяхъ и произношеніи не было ничего принужденнаго: онъ не искалъ успѣха. Лице его не отличалось выраженіемъ кротости и любезности: напрошивъ, можно было легко обмануться и почестъ строптивостью или невѣжливостью, тягостную напугу, обнаруживавшую постоянное занятіе ума его. Безпрерывное, энергическое напряженіе его мыслей изобличалось опущенными бровями, сжатыми губами: и ничто не могло быть такъ непріятно, какъ бросающаяся въ глаза противоположность его машинальной улыбки и привѣтствій, вынуждаемыхъ приличіемъ, съ очевиднымъ погруженіемъ въ самого себя. Я совсѣмъ не ставилъ ему въ вину этой наружности, столь мало предрасполагающей въ его пользу: мнѣ напротивъ она казалась признакомъ его достоинства, свидѣтельствомъ внутренней силы, которая отдаетъ сама себя справедливости и не принимаетъ никакого участія въ мѣлочныхъ движеніяхъ вокругъ себя. Многіе ораторы принимались говорить: они были выисканны, надуты, неестественны: ихъ наградили нѣсколькими рукоплесканіями.

Стаффордъ, спокойный на своемъ мѣстѣ, не бралъ никакихъ нотъ и, казалось, слушалъ произносимыя рѣчи изъ одного снисхожденія. Наконецъ онъ всмалъ. Глубокое молчаніе воцарилось.

Онъ началъ просто: его волненіе, его болѣзнь были очевидны. Онъ ослепенился мало по малу: и, не прежде какъ черезъ четверть часа, завладѣвъ вполне своимъ предметомъ, овладѣлъ слушателями и сталъ двигать ими по произволу. Софизмъ былъ очень ему знакомъ. Всѣ указанія и ссылки его были невѣрны. Изъ множества началъ выводилъ онъ множество слѣдствій наудачу и не заботился слѣдовать цѣпи логическаго умозаключенія. Можно было подвергнуть сомнѣнію большую часть фактовъ, на которые онъ опирался. Но за то какая сила языка! Съ какой ловкостью, достойною самаго искуснаго казуиста, увершивался онъ ошъ всѣхъ затрудненій! Какая обширность мысли! Съ какою легкостью и съ какою силою сближалъ онъ самыя отдаленнѣйшія идеи и изъ столкновенія ихъ заставлялъ произникать блескъ, ослѣплявшій все собраніе! Стаффордъ родился краснорѣчивымъ. Правда, въ этомъ краснорѣчїи преглядывало честолюбіе. Это была поверхность, усыпанная блестками, кои ослѣпляли и скрывали ошъ глазъ мѣлкому и лживосшъ выводовъ. Но, въ заключеніе, трудно было произвестъ больше дѣйствія. Когда онъ кон-

чилъ, продолжительный ропотъ одобренія засвидѣтельствовалъ живой восторгъ, имъ внушенный: онъ поспѣшилъ выйти и спастись скромнымъ бѣгствомъ отъ рукоплесканій своихъ друзей.

Я сблизился съ Стаффордомъ, и привязался къ нему постепенно. Мнѣ видѣлась славная будущность для этого юнаго, пламеннаго энтузіаста. Но никогда не приходило мнѣ въ голову, чтобы онъ могъ когда-нибудь вращаться объими Палатами. Простой, открытый, но притомъ весьма раздражительный, въ обыкновенной жизни — онъ нравился мнѣ особенно своими свойствами, противоположными угрюмости, педантизму, спеси, коими знаніе и умственное превосходство запечатлѣваютъ обыкновенно своихъ любимцевъ и искателей. Я дивился въ будущемъ Государственномъ Секретарѣ — который въ глазахъ моихъ былъ еще не болѣе, какъ человекъ съ талантомъ — этой бѣглости отвѣтовъ на отвѣты, этой быстротѣ взглядовъ, этому презрѣнію къ посредственности, этой живости мысли, этой легкости краснорѣчія, которыя должны нѣкогда править судьбами народа. Я однако не зналъ, какое употребленіе сдѣлаетъ изъ столь блестящихъ преимуществъ тотъ, кто ими обладаетъ. Съ болѣею проникаемостью, я прочелъ бы ясно будущность Стаффорда.

Онъ относилъ все къ полиптикъ и ни чѣмъ не уважалъ кромѣ ея. Съ двадцати одного года, началъ онъ читать всѣ парламентскія пренія и составилъ, по новому плану, превосходную аналитическую таблицу матерій, при помощи коей легко было опыскать, въ эшомъ Вавилонскомъ столпошвореніи, все относящееся къ тому или другому предмету. Занятія чисто умозрительныя, разсужденія о наукахъ, внушали ему глубокое презрѣніе, которое онъ не стыдился обнаруживать. Онъ почиталъ талантъ не иначе, какъ орудіемъ къ приобрѣтенію власти. Для него могущество составляло цѣль, ученіе было средствомъ. Однимъ словомъ, честолюбіе, при самомъ рожденіи, опмѣшило своимъ перстомъ колыбель его и сказало: эшо мой!

Въ самомъ дѣлѣ, это юное чело было уже изрыто морщинами: Стаффордъ просиживалъ ночи напролѣтъ: въ шесть часовъ онъ всегда былъ за дѣломъ. Его болѣзненная чувствительность раздражалась ежедневно: съ жаромъ почти лихорадочнымъ онъ преслѣдовалъ ходъ и движеніе общественныхъ дѣлъ. Одиный, въ своей комнатѣ, упражнял онъ свою память, и безъ того столь сильную и швердую, декламируя громко отрывки изъ рѣчей Пипша и Бѣрке. Какое-то предчувствіе говорило при взглядѣ на него, что предъ нимъ должно открыться поприще бурное. Непокорный совѣшамъ, жадный къ от-

личію, онъ предавался съ пламеннымъ изступленіемъ занятіямъ, которыя ему такъ нравились. Здоровье его ослабѣвало: надобно было опасаться, чтобы эта честолобивая и неутомимая душа не пожрала преждевременно смертной оболочки, коею была покрыта. Мы были связаны очень тѣсно, когда Стаффордъ, оставивши Кембриджскую коллегію, опираясь на твердую землю. Тогда мы потеряли другъ друга изъ виду. Несчастіе отяготило на мнѣ свою желѣзную руку. Онъ занемогъ во Флоренціи. Такимъ образомъ всѣ сношенія между нами прервались. Между тѣмъ время текло; и въ одинъ прекрасный день, читая публичные листы, я встрѣтилъ, не безъ удивленія, выборъ Стаффорда въ Члены Нижняго Парламента отъ мѣстечка * * *. Мнѣ очень хотѣлось возобновить знакомство съ старымъ моимъ товарищемъ. Но столько времени уже прошло! У меня не доставало смѣлости. Спустя мѣсяць, *дѣвственная рѣчь* (maiden-speech) а) Стаффорда явилась въ томъ же журналѣ. „Не возможно“ — говорилъ журналистъ — „дать понятіе о впечатлѣніи, произведенномъ сею рѣчью.“ Всѣ фразы новаго оратора были устьяны словами: „слушайте! слушайте! . . . рукоплесканія. . . шумъ.“ . . и пр. и пр. Въ самомъ дѣлѣ, я

а) Такъ называется въ Англіи первая публичная рѣчь оратора.

узналъ въ этихъ страницахъ, болѣе красно-рѣчивыхъ и оболъстительныхъ, чѣмъ основательныхъ, пламенную рьяность и софистическую но блестящую порывистость, проническую рѣзкость и яркую бѣглость, ошлывавшую юнаго Кембриджскаго воспитанника. Вечеромъ я находился въ обществѣ: вездѣ только было и рѣчей, что о Стаффордѣ. Всѣ дамы хотѣли знать его: всѣ паршии оспаривали его другъ у друга. Меня спрашивали наперерывъ, что это за человѣкъ, и развѣдывали о всѣхъ подробностяхъ его юности. Какая слава, какое счастье — говорили всѣ. Ахъ! это было несчастье!

На другой день, рано поутру, я услышалъ стукъ у моихъ дверей. Стаффордъ бросился въ мою комнату и схватилъ съ живою моею руку.

— „Добрый, старый товарищъ“ — сказалъ онъ мнѣ — „я не забылъ васъ. Изъ всѣхъ Лондонскихъ медиковъ, я искалъ васъ: у васъ прошу помощи. Я боюсь скоро умереть. А мнѣ еще надобно сдѣлать столько вещей.“ . . .

Онъ съелъ. Ужасная блѣдность покрывала его лице. Онъ подносилъ платокъ къ своимъ губамъ, съ судорожнымъ трепетаніемъ. Я смотрѣлъ на него съ изумленіемъ и скорбію.

— Любезный мой Стаффордъ! сдѣлайте милость — что съ вами? Какая болѣзнь или печаль тревожитъ васъ?

— „Вы мнѣ скажете откровенно, безъ утайки, что вы думаете о моемъ положеніи — не правда ли? Я бы очень хотѣлъ продол- жать съ вами тѣ дружественныя отношенія, которыя мнѣ были такъ любезны. . . Но — чѣмъ вы сдѣлались — я не знаю!“

— Поговоримъ о вашемъ здоровьи!

— „Очень хорошо! Эта проклятая рѣчь меня убила. Я употребилъ всѣ усилія, чтобы нанести ударъ, который произвелъ бы сколько нибудь шуму. Энергія, дѣятельность, уче- ность, напряженіе ума и языка — я исто- щилъ все, что ни дала мнѣ природа.“

— И вы успѣли, другъ мой! Взоры всей Англіи обращены теперь на васъ.

— „Этотъ успѣхъ . . . я боюсь запла- тить за него жизнью. Не смотря на исто- щеніе, въ которомъ нахожусь, я имѣлъ не- благо разуміе на другой день явиться въ Па- лату. Лордъ Ф*** началъ говорить и пред- ставилъ мою рѣчь въ такомъ ложномъ свѣ- тѣ, навязалъ мнѣ столько нелѣпостей, чтобы имѣть удовольствіе на досугъ опровергать ихъ, что я не могъ воздержаться — всмалъ и отвѣчалъ ему. Всю ночь я прокашлялъ: у меня была лихорадка. Противникъ мой раз- дражилъ меня; и мой отвѣтъ былъ сильнѣе и продолжительнѣе, нежели какъ я предпо- лагалъ. Сдѣвши, я почувствовалъ сильное раз- драженіе въ груди и упорный кашель меня замучилъ. Я вышелъ изъ залы, ходилъ нѣ-

сколько времени по галлереймъ : ни что не облегчало кашля : топчась я послѣшилъ въ карету и , при свѣтѣ фонаря замѣшилъ , что платокъ мой весь въ крови . Другъ мой ; я боюсь , чтобъ глава жизни моей не кончилась . И такъ все . . . все . . . мои планы , мои проекты , мои идеи , мои желанія . . . все . . . все погибло !“ . . .

Онъ упалъ безъ памяти въ мои объятія . Я привелъ его въ чувство , развязавъ ему галстухъ и впрыснулъ лице водою . Онъ опаматовался ; сжалъ мнѣ руку сильно , съ живостию . Онъ былъ блѣденъ . Пораженный одною господствующею мыслию и увѣренный , что въ груди его порвался сосудъ , онъ слушалъ безмолвно мои утѣшенія и изъясняя свою недовѣрчивость легкимъ движеніемъ головы . Я зналъ , что страхъ сей былъ неоснователенъ , и употреблялъ всѣ усилія , чтобы его успокоить . Онъ позволилъ убѣдить себя не прежде , какъ выслушавъ отъ меня цѣлую анатомическую и патологическую диссертацию , въ малѣйшія подробности коей входилъ съ любопытствомъ . Я успѣлъ ему доказать , что строеніе его груди и ея звучность , неоспоримыя свидѣтельства крѣпкаго здоровья , должны истребить въ немъ всякое подобное опасеніе . Наконецъ я описалъ ему , съ мѣлочною профессорскою подробностію , причины и возможные или вѣроятныя слѣдствія случившагося съ нимъ припадка , равно

какъ и методу лѣченія, кошорой онъ долженъ слѣдовать: и когда кончилъ, онъ, казалось, вышелъ изъ глубокой мечтательности и возвратился къ жизни. Я предложилъ ему пустить кровь.

— „Очень хорошо“ — вскричалъ онъ — „пустишьжъ мнѣ сейчасъ.“

Такова была пылкость этой умной и дѣятельной головы. Я пустилъ ему кровь: и послѣ нѣсколькихъ дней укротительной діеты, которую предписалъ я ему, онъ оправился. Одно изъ спасительнѣйшихъ дѣйствій медицины есть успокоеніе страха. Я увѣренъ, что болѣзнь сама въ себѣ менѣе опасна, чѣмъ страхъ ею причиняемый, и что сей послѣдній похищаетъ гораздо болѣе жертвъ, чѣмъ первая. И какое счастье, какое безпримѣрное наслажденіе, призвать къ жизни и къ надеждѣ смятенное воображеніе, прогнать призракъ смерти, облегающій одръ больного, и, какъ бы нѣкоей волшебной силой пробудить довѣренность къ судьбѣ, силу жизни и энергію, необходимую для человѣка!

Но у Стаффорда, какъ трудно было возстановить равновѣсіе между способностями, которое безпрестанно разрушалъ онъ самъ, своимъ внутреннимъ волненіемъ? Какъ укрѣпить эту нервную систему, потрясаемую муками души, осуждавшей саму себя на добровольную пытку? Недовольный своимъ положеніемъ, жаждущій возвышенія, неспособ-

ный къ покою, онъ могъ подвергнуться опаснымъ припадкамъ отъ одной строчки журнала. Сколько соискателей! Сколько соперниковъ! Сколько враговъ! Боязнь смерти присовокуплялась ко всѣмъ этимъ страданіямъ государственнаго чловѣка. Если она постигнетъ его нечаянно, если, по Библейскому выраженію, подкрадется подобно тѣни — какимъ образомъ соединишь на себѣ два вѣща честолюбія: народность и силу? Какъ разрѣшить въ такое короткое время столь ужасную проблему? Я замышлялъ ему, что его безпокойство, вмѣсто укрѣпленія его здоровья, необходимо должно сократить дни его.

— „О! нѣтъ, нѣтъ!“ говорилъ онъ мнѣ. „Посмотрите! Духъ мой покоенъ . . . я не думаю ни о чемъ . . . даю отдыхъ своимъ силамъ.“

И между тѣмъ судорожное движеніе сжимало его брови: время отъ времени, мысли вырывались у него противъ воли. Чловѣкъ почтенный, благородный, исполненный любезности и доброты, не только въ частной жизни, но и въ жизни общественной, гдѣ его гений оказалъ Европѣ и народамъ блестящія услуги! Въ минуты политической горячки, его можно было счесть за Ричарда III раздираемаго угрызеніями. Тогда честолюбіе говорило его устами, и одному изъ честнѣйшихъ и добросовѣстнѣйшихъ людей,

какими можетъ гордиться Англія, внушало языкъ раскаянія и шоски. Наблюдая за нимъ наединѣ, въ минуты сердечнаго изліянія, можно было получить навсегда отъращеніе къ честолюбію и генію.

— „Я остаюсь сиднемъ . . . дураки идутъ впередъ . . . низкія страсти оспариваютъ другъ у друга пальму. . . Сойди на минуточку со сцены: публика тебя забудетъ. . . И между тѣмъ планы мои такъ обширны . . . такъ полезны. . . Ждать! . . . Это казнь Таншала! . . . И это глупецъ, который преслѣдуетъ меня въ журналахъ своими насмѣшками. . . Глупыя эпиграммы, наглыя каррикатуры. . . Перы не любятъ меня. . . Я теперь принадлежу къ народу. . . Когда достигну власти, народъ возненавидитъ меня. . . Что за жизнь! . . . Надобно имѣть алмазную душу въ мѣдномъ шлѣ, чтобы выдерживать.“ . .

— А если вы будете продолжать — сказалъ я прерывая его — то не выдержите, божусь вамъ!

Онъ отвѣчалъ недовѣрчивой улыбкой и сталъ снова опмѣчать карандашомъ въ журналѣ мѣста рѣчи, направленной противъ него, которую долженъ былъ опровергать. Карандашъ быстро вертѣлся въ его пальцахъ: неправильный пульсъ бился по сту разъ въ минуточку: я схватилъ карандашъ и журналъ и бросилъ прочь отъ него,

— Вы погибшій человекъ: припадокъ, который васъ напугалъ, возвратится гораздо ужаснѣе, если вы не будете имѣть бодрости бѣжать отъ него. Сступайте въ деревню; сбросьте полищическія кандалы; забудьте свои замыслы; укрѣпите свое разстроенное здорověе въ атмосферѣ, свободной отъ огорченій, распрей и трудовъ — или я не ошвѣчаю болѣе за васъ!

— „Ну! пусть такъ! хорошо. . . Пусть будетъ по вашему . . . враги мои воспользуются моимъ отсутствіемъ . . . жизнь моя отстанетъ двумя годами. . . Но вы требуйте . . . я повинуюсь.“ . .

Онъ отправился въ деревню, но черезъ восемь дней послѣ отъѣзда, этотъ покорный и послушный человекъ обнародовалъ огромный памфлетъ, составленный во время пребыванія въ деревнѣ, въ отвѣтъ прошивникамъ. Я отчаялся вылѣчить его. Между тѣмъ, новая страсть, овладѣвъ его сердцемъ, доставила ему разсѣяніе, въ которомъ онъ имѣлъ нужду. Старшая дочь одного благороднаго Пера, коего владѣнія примыкались къ загородному дому, имъ обитаемому, внушила ему любовь. Одинъ молодой Полковникъ, его соперникъ, имѣлъ виды на сердце прекрасной Эммы. Эта интрига, разнообразная, занимательная, оригинальная, имѣла довольно силы, чтобъ овладѣть нашимъ государственнымъ человекомъ и прогнать на минушу изъ головы

его честолобивыя мысли, составлявшія его муку и наслажденіе. Между тѣмъ любимая его склонность вмѣшалась и въ эту романтическую страсть весьма чуднымъ образомъ. Братъ Эммы нуждался въ голосахъ избирателей округа. Стаффордъ взошелъ на подмостки, увлекъ своимъ краснорѣчіемъ нерѣшительныхъ и слабыхъ, и, въ награду за свой политическій и ораторскій успѣхъ, получилъ руку той, которую любилъ.

Протекло десять лѣтъ; честолобіе Стаффорда снова распустило крылья, и его быстрый полетъ изумилъ самыхъ искреннихъ его друзей. Это былъ человѣкъ необходимый: его положительноя свѣденія, скорость труда, яркость слова, ловкость и умѣнье поддерживать самыя затруднительныя пренія, неисощимый рудникъ легкой и остроумной ироніи, примѣшивавшейся къ порывамъ его краснорѣчія; все обращало на него вниманіе начальниковъ партій и министровъ. Я не переставалъ дорожить его дружбою, и, не смотря на занятія, коихъ онъ былъ добычею, не видывалъ человѣка любезнѣе и радушнѣе.

Между тѣмъ расстройство его здоровья требовало самыхъ бдительныхъ попеченій. Однажды вечеромъ, въ субботу, я получилъ ездущую записку, имъ подписанную:

„Любезный мой! Я пишу къ вамъ на-скоро. Приезжайте завтра, прошу васъ: я самъ скажу, зачѣмъ. Прошу васъ пожертво-

вашъ мнѣ всѣмъ днемъ. Мнѣ это крайне нужно. Ваше присутствіе для меня необходимо. Мы опзавтракаемъ вмѣстѣ. Сдѣлайте милость, не показывайте вида, что вы приглашены мной; и чтобы Леди С. не подозрѣвала, что я вамъ писалъ. Весь вашъ, Стаффордъ.“

Это необыкновенное письмо и странный стиль, коимъ оно было написано, не допустили меня отказать или отложить до другого дня столь настойтельное приглашеніе. Я попросилъ одного изъ пріятелей исправить мои визиты, въ продолженіе дня, который рѣшился провести у Стаффорда, и отправился въ его виллу, находившуюся близъ Лондона.

Это было въ воскресенье, въ Іюль мѣсяцъ. Я поѣхалъ рано поутру, верхомъ, и съ наслажденіемъ видѣлъ, какъ пробуждался день; какъ утренняя роса свѣвалась съ деревьевъ легкимъ, прохладнымъ вѣтеркомъ; какъ вся природа развивалась постепенно. Глубокое безмолвіе, усыплявшее и какъ бы ошмелявшее ландшафтъ, мало по малу разрѣшалось въ дѣятельность, полную прелести и жизни: весла зашумѣли; Темза задрожала подъ челнокомъ, прорѣзавшимъ сонныя ея струи; люди принимались за свои работы: восхищительное зрѣлище! Я любовался имъ надосугъ. Вилла, построенная Стаффордомъ, есть одно изъ прекраснѣйшихъ зданій, украшающихъ берега царицы рѣкъ Британ-

скихъ. Ни кто еще не вставалъ въ ней, когда я прѣхалъ. Я обошелъ паркъ и садъ; Лондонъ, шюрма моя, казался мнѣ оп-
вратительнымъ, когда я сравнивалъ его съ
этой муравой, съ этой густой зеленою де-
ревъ, въ коей птицы, упоенныя собствен-
ною своею мелодіею, казалось, препирались
и соперничествовали въ живости своихъ
звуковъ и перелетовъ. Я вдыхалъ съ на-
слажденіемъ этотъ ароматическій воздухъ.
Вы, заключенники большихъ городовъ, вы
знаете это сладостное чувство, вдыхае-
мое цвѣтами и зеленою въ душу несчастнаго
торожанина! Это вмѣстѣ и грусть и упоеніе
и удивленіе и восторгъ. Долго стоялъ я на
берегу рѣки, прислушиваясь къ шепетанію
каждой волны, прибѣгавшей издыхать подъ
моими ногами. Я говорилъ самъ себѣ: какииъ
образомъ, въ уединеніи столь мирномъ, въ
убѣжищѣ столь очаровательномъ, съ состояні-
емъ такъ обезпеченнымъ, въ объятіяхъ любя-
щей жены, Стаффордъ могъ еще предаваться
пьянству заботамъ честолюбія? Очарованіе могу-
щества, потребности преобладанія — неужели,
могутъ прищипывать чувство семейственныхъ
чистыхъ наслажденій? Можноль мѣнять удо-
вольствія столь прочныя, столь глубокія,
на мечту безпокойную, неугомонную, испол-
ненную горечи?

Я погруженъ былъ въ эти думы, когда
Стаффордъ, ударивъ меня по плечу сняшю

съ руки перчаткою, вывелъ меня изъ задумчивости.

— „Докторъ... вы очень любезны... благодарю васъ.“ ..

— Любезный Стаффордъ, скажите мнѣ, ради Бога, что могло быть предметомъ...

— „Тс!... объ этомъ послѣ.“ ..

Леди Стаффордъ стояла у окна и слышала насъ. Мы пошли къ ней.

— Что за очаровательное жилище! вскричалъ я.

— „Да! настоящій эдемъ!“ отвѣчалъ Стаффордъ тономъ равнодушія и ироніи! „Кстати, Лордъ *** оставилъ министерство!“

— Вчера вечеромъ разнесся объ этомъ слухъ.

— „Что говорятъ о его преемникѣ?“

— Будто Лордъ Л* * * ..

Онъ не отвѣчалъ ни чего, задумался, потеръ себѣ лобъ и казался взволнованнымъ. Мы вошли, Леди Стаффордъ была также прекрасна, также плѣнительна, какъ въ день своей свадьбы. Воздушная прелесть и дѣвственная чистота соединялись въ ней съ достоинствомъ женщины. Ея длинное бѣлое платье, ея волосы просто завязанные; ни уборовъ, ни кружевъ; лице, запечатлѣнное благородствомъ и чистосердечіемъ; тонъ естественный и скромный; ни какого принужденія, ни какихъ вычуръ: я былъ восхищенъ, распроганъ, очарованъ; я спрашивалъ у себя, чего еще въ свѣтѣ могъ

желать счастливецъ, любимый эшимъ ангельскимъ твореніемъ. Онъ также любилъ еѣ, по крайней мѣрѣ столько, сколько можеть любить сердце, пожираемое честолюбіемъ.

Мы позавтракали: мужъ казался безпокойнымъ. Его отвѣты были коротки и отрывисты. Леди Стаффордъ бросала на него, по временамъ, печальные взгляды. Казалось, его давила тяжесть; кошторой онъ не могъ свергнуть. Леди Эмма встала и подошла къ окну.

— Прекрасное утро! сказала она.

— И превосходный видъ! продолжалъ я.

— „Я понимаю васъ обоихъ“ — прервалъ Стаффордъ — „я угадываю ваши мысли. Вамъ хотѣлось бы меня переманить въ идиллію и оторвать отъ политики.“

— Въ вашей политикѣ очень много волковъ, сказала улыбаясь Леди Эмма: это самая печальная Аркадія!

— „Да“ — отвѣчалъ Стаффордъ шепотомъ — „вы хотѣли бы, чтобъ я ударился въ элегіи, какъ Лордъ Роскоммонъ, блаженной памяти.“

И Стаффордъ, одинъ изъ превосходѣйшихъ декламаторовъ Англіи, прочелъ намъ пираду изъ одной прекрасной пастушеской элегіи, съ прелестію, съ силою, даже можно было сказать съ внутреннимъ убѣжденіемъ, еслибъ я не зналъ его. Но когда онъ кончилъ, выраженіе ироніи изобличавшееся въ его шонѣ, манерахъ и лицѣ, показывало до-

вольно явственно, сколь мало чувства его соглашались съ тѣмъ, кои выражались въ стихахъ поэта. Леди Стаффордъ замѣтила э́тотъ контрастъ, коего необычайность и меня поразила также. Между тѣмъ настала часъ Божіей службы; и молодая супруга, коей крошкая и спокойная фізіономія выражала тайную грусть, покинула насъ. Я остался одинъ съ моимъ стариннымъ товарищемъ: мое любопытство, признаюсь, было очень раздражено. Чтò онъ имѣлъ мнѣ доверить? Откуда эта меланхолическая задумчивость? Зачѣмъ скрывалъ онъ отъ жены своей тайну, въ которой мнѣ хотѣлъ признаться?

— „Любезный докторъ“ — сказалъ онъ мнѣ, когда мы обошли нѣсколько разъ вокругъ парка — „сколько уже лѣтъ, какъ я имѣю къ вамъ довѣренность! Вы конечно не измѣните ей въ важномъ обстоятельстве!“

— Полагайтесь смѣло на меня: но о чемъ дѣло?

— „Я буду имѣть нужду въ вашихъ услугахъ, нынѣшній вечеръ, въ семь часовъ.“

— Какъ! дуэль! возможно ли! вы?

— „Вы отказываетесь?.. Нѣтъ, я увѣренъ въ васъ! Докторъ, полно ребячиться! Это должно необходимо: общество того желаетъ, честь моя требуетъ. Славный хирургъ Г*** уже предувѣдомленъ: вы ему пособите. Васъ особенно я пригласилъ, какъ друга. Если случится со мной несчастіе, увѣдомьте жену

мою о томъ, что случится . . . вамъ поручаю я утѣшать ее, другъ мой !“

Я молчалъ : меня , какъ громомъ , оглушило. Онъ принялъ тонъ высокомерія, который меня огорчилъ.

— „Очень хорошо , любезный ! Если я обманулся, почитая васъ достойнымъ такой довѣренности, то скажите мнѣ. Это совершенно оставляется на вашу волю. Замѣьте только, что услуга сія , трудная конечно , но достойная друга , есть первая , которой я у васъ пребоvalъ . . . и вы отказываетесь !“

— О нѣтъ ! нѣтъ ! . . не думайте этого . . . Участіе , которое вы мнѣ внушаете , слишкомъ живо . . . ваше поприще слишкомъ блистательно . . . не лзя не испугаться и не огорчиться вашимъ намѣреніемъ. Другъ мой , позвольте мнѣ употребить это выраженіе . . . а ваши дѣти . . . а Леди Сшаффордъ . . . подумали ль вы объ нихъ ?

— „Я думалъ обо всемъ . . . это неизбежно.“ . .

— Но наконецъ . . .

— „Не я начинщикъ. Лордъ Порденъ , эшотъ молокососъ , застѣвшій въ Палатѣ Перовъ, смѣшной фанфароникъ — задѣлъ меня въ присутствіи всего Парламента : я заплатилъ за его дерзость. Я долженъ былъ это сдѣлать : мой сарказмъ заставилъ его провалишься сквозь землю. Онъ прислалъ мнѣ вызовъ. Я не могъ отказаться. . . Думаете ли

вы, что я иду на праздникъ? Пастъ подѣ пулею негодя, нищebroда, игрока, глупца, неимѣющаго ни какой личной самостоятельности, презираемаго всѣми, по уши въ долгахъ, разореннаго!.. Ахъ! Никто не знаетъ лучше меня, чего стоить мнѣ поступокъ, на который рѣшаюсь. Лордъ Порденъ стрѣляетъ мѣпко: пуля его никогда не давала промаха!“

— Это ужасно!

— „Бѣдная Эмма! Останься вдовой — и ошь руки бездѣльника, который ничего не умѣетъ сдѣлать, кромѣ зла... О дыпи мои!“..

Государственный человѣкъ плакалъ; и рукою, которую, держалъ на лбу, старался скрыть слезы.

— „Когда я женился, я говорилъ Эммѣ ты выходишь за человѣка, обреченнаго на долговременную пытку. Поприще, на которое я вступаю, есть поприще честолюбія: на немъ все — терны, горести, печали, обманутыя надежды, лютыя страданія... Ахъ! пророчество мое не испугало ее. Я сдѣлалъ ее несчастіе!“

— И это рѣшено... сегодня вечеромъ?

— „Непремѣнно. Я дожидаясь Лорда Алькока, который будетъ моимъ секундантомъ. Зачѣмъ онъ не является?... Но вы — на что вы рѣшились?“..

Я сжалъ ему руку и мы остались на нѣсколько времени безмолвными. Его пульсъ,

который я допросилъ; былъ неправиленъ. Я это сказалъ ему.

— „Тѣмъ лучше!“ вскричалъ онъ: „у меня рука будетъ вѣрнѣе. Между тѣмъ я провелъ всю ночь, поправляя корректуру моей большой рѣчи и устроилъ свое завѣщаніе... Ксташи, читали ль вы рѣчь Лорда Вилліамса? Что за наглость! Фразы, образы, даже слова — взяты изъ моей рѣчи; которую я говорилъ, назадъ тому три года, о томъ же предметѣ... Вы не отвѣчаете ничего... Ну, полно, докторъ, смѣйте! Вы приуныли болѣе, чѣмъ я... будьте спокойны... дѣло это уладится.“...

Я думалъ объ ужасѣ дуэли, которая должна предать жизнь такого человѣка, каковъ Стаффордъ, въ руки негодая и бездѣльника, каковъ его соперникъ. Мои размышленія были глубоки и тягостны. Какія несчастныя слѣдствія могло имѣть это приключеніе! Что за безуміе играть своею жизнію, въ честь или нечесть, противъ жизни болвана! Между тѣмъ Стаффордъ продолжалъ говорить довольно свободнымъ тономъ: и наша бесѣда была не что иное, какъ монологъ, прерываемый отрывистыми, короткими отвѣтами, какъ вдругъ курьеръ, запыхавшійся отъ усталости и облитый потомъ, остановился у рѣшетки, соскочилъ съ лошади и отдалъ камердинеру Стаффорда министерскую допешу. Стаффордъ сорвалъ конвертъ, прочелъ

и отдалъ мнѣ бумагу. Первый Министръ предлагалъ ему портфейль и немедленно требовалъ отъ него отвѣта, Бумага была подписана въ Уит-Галль: курьеръ имѣлъ приказъ не дожидаться и ворошиться во всю прыть съ отвѣтомъ Стаффорда.

— „А!“ сказалъ онъ мнѣ: „вотъ послѣдній ударъ! Въ ту минуту, какъ я уже касаюсь цѣли, когда награда трудовъ моихъ почти въ рукахъ, я долженъ . . . ахъ! какая пытка! . . . Я долженъ умереть! Понимаете ли вы подобныя вещи, другъ мой?“

Онъ блѣднѣлъ и краснѣлъ попеременно. Больно было видѣть внутреннюю борьбу, его раздиравшую. Между тѣмъ, какъ онъ мая судорожно въ пальцахъ депешу, веселая толпа мѣщанъ и ихъ кумушекъ, набившись въ одну изъ лодокъ, которыя каждое воскресенье возятъ ихъ въ сельскія харчевни въ окрестностяхъ Лондона, промчалась мимо насъ, при звукѣ пѣсней. Радость этихъ добрыхъ людей, коихъ мысли не простирались далѣе ихъ прилавка, и отчаяніе счастливѣйшаго человѣка въ Англіи — поразили меня своимъ необыкновеннымъ контрастомъ. Это зрѣлище вырвало у меня невольно странное восклицаніе:

— Видите ли вы этихъ дураковъ! Какъ они забавляются! Счастливыя животныя!

Въ самомъ дѣлѣ, къ чему служитъ умъ; кредитъ, величіе, сила? Этого человѣкъ, богатый, остроумный, любезный, честоло-

бивый и уже увѣнчанный лавромъ, котораго добивалось его честолюбіе — теперь, подобно Прометею на скаль, преданъ горькой, безотрадной скорби! . . Онъ сѣлъ, облокотился на столъ, и, сжавъ кулаки, поднявъ глаза къ небу, вскричалъ:

— „Что теперь дѣлать! Отказаться; не принять . . . уничтожить всю свою будущность . . . потерять всѣ плоды столѣтнихъ мукъ?“ . .

— Попросишь отсрочки у Министра!

— „Это человѣкъ, который никогда не дожидается!“

— Откройте ему обстоятельство, въ которомъ вы находитесь!

— „Я . . Мнѣ требовать у него помощи!.. Онъ пришлетъ полицейскихъ на мѣсто поединка. Тогда я человѣкъ погибшій навсегда. . . Ахъ! ума не достаетъ!“ . .

— Попросите его дать вамъ отсрочку до девяти часовъ вечера — не болѣе! . . Вы выиграете время и все можете уладиться. . .

— Курьеръ не дожидается — сказалъ лакей, отворяя дверь. — Ему дано, говоритъ онъ, строгое приказаніе!

— „Къ чорту онъ и всѣ его приказанія! — Пусть дожидается . . . нѣтъ, одну минуточку только: вотъ отвѣтъ!“

Онъ послѣдовалъ моему совѣту и просилъ у перваго Министра краткаго срока, кото-

рый я назначилъ. Вскорѣ Лордъ Алькокъ, долженствовавшій быть секундантомъ Стаффордъ, вошелъ въ комнату. Это былъ обстрѣленный солдатъ, которому подобныя убійственныя забавы были столькожъ знакомы, какъ и пріятны. Стаффордъ представилъ насъ другъ другу.

— Здорово, пріятель. Мнѣ прискорбно, что я долженъ тебѣ сдѣлать визитъ и услугу шакого рода. До расплаты однако!

— „Надѣюсь не имѣть случая плашить вамъ тѣмъ же.

— Этотъ болванъ, эта ничтожная пылинка, этотъ батюшкинъ сынокъ: вы зададите ему хорошій урокъ, не правда ли?

— „Два или три свинцовыя доказательства, можете быть, убѣдятъ его!“

— Да — это единственное краснорѣчіе, которое можетъ добраться до его свинцоваго мозга!

— „Все ли вы приготовили?“

— Все! Шестъ шаговъ разстоянія!.. О! вы уходите этого пріятеля; по крайней мѣрѣ, пустите его безъ руки!

— Шестъ шаговъ! вскричалъ я. Да это смертоубійство!

— „Наши оба черепа полетятъ къ чорту“ — вскричалъ Стаффордъ. „Я не хотѣлъ бы однако путешествовать въ шакомъ сообществѣ!“

— Вотъ еще! А, можешь быть, оба промахнешься!

— „Промахнувшись, въ шести шагахъ!“

— Именно! Когда такъ близко находишься отъ смерти, рука непременно дрогнетъ. Даже въ штабу тревожились бы нервы!

— „Любезный Алькокъ, правду ли вы говорите? точно ли эти мѣры взяты вами?“

— Честное слово! Да и что вы хлопчете? Шестъ шаговъ! шестьдесятъ шаговъ! Когда дѣло идетъ объ удовлетвореніи, это все одно!

— „Вы встрѣтили курьера верхомъ?“ спросилъ Стаффордъ Лорда Алькока, послѣ нѣкотораго молчанія и смущенія.

— Встрѣтилъ. Это курьеръ министерскій: я узналъ его. Развѣ вы имѣете какія-нибудь сношенія съ этимъ первымъ Министромъ, котораго вы, года два назадъ, такъ отдѣляли?

— „Сношенія самыя тѣсныя. Мнѣ предлагается министерство. Курьеръ, котораго вы встрѣтили, привозилъ мнѣ портфейль!“

— Чортъ возьми! . . Въ ту минуту, какъ вы идете стрѣляться . . . удивительное положеніе! . . Ваша слава, ваша будущность . . Тфу къ чорту! . . Еслибъ я былъ на вашемъ мѣстѣ, я думаю, что голова моя не управилась бы съ собой . .

— „Ударъ ужасный, любезный Алькокъ!“

Секундантъ прохаживался вдоль и поперекъ, между тѣмъ какъ Стаффордъ, въ сильномъ волненіи, оканчивалъ прибавленіе къ своему завѣщанію.

— Еслибъ я могъ встрѣтить этого мальчишку, этого негодяя, этого фанфароннишку, встрѣтить на дорогѣ и имѣть съ нимъ предварительное минутное изъясненіе... я былъ бы въ восторгѣ: но это невозможно!"

Стаффордъ улыбался, слушая этотъ характеристическій монологъ. Между тѣмъ Леди Стаффордъ возвратилась изъ церкви: намъ должно было употребить ложь, чтобы обмануть ее и увѣрить, что мы всѣ трое приглашены обѣдать къ одному изъ моихъ пріятелей.

— Но ты меня удивляешь, сказала Леди: твой костюмъ такъ небреженъ: да и вы, господа, также...

Она обратила взоры на насъ. Меланхолическая наша важность не менѣе платья противорѣчила мнимому обѣду, который служилъ намъ предлогомъ.

— „Ничего, милая!" отвѣчалъ Стаффордъ съ видомъ совершенной безпечности: „тамъ будутъ одни только молодые люди..."

— Но мнѣ кажется, что вы ужъ не мальчикъ, прервала его Леди.

— „Это будетъ мужской обѣдъ!"

Онъ обнялъ Леди; и двѣ прекрасныя дѣвочки, его дочери, повисли у него на шеѣ. Я вспомнилъ прогнательное мѣсто въ Еврипидѣ, гдѣ Медея въ слезахъ наслаждается послѣднею улыбкою дѣтей и ихъ послѣднею ласкою. Принужденіе, которое наблюдалъ Стаффордъ, дабы не измѣнить себѣ, терзало мое сердце.

— „Возвращайтесь пораньше, другъ мой! сказала Леди,

— „Какъ только будетъ можно.“

— Не позже одиннадцати часовъ, не правда ли?

— „Не позже, не позже!

Голосъ его дрожалъ, произнося эти слова. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ одиннадцати часовъ, еслибъ онъ не воротился, его бы уже не было на свѣтѣ. Одна изъ дѣвочекъ подбѣжала къ нему, въ ту минуту, какъ онъ садился въ коляску, и закричала ему изъ всѣхъ силъ:

— Папа! дожидаться ли мнѣ васъ! Я останусь съ маминькой, пока вы прїѣдете, не правда ли?

— „Пошелъ!“ крикнулъ онъ громкимъ голосомъ кучеру; и, бросившись въ глубину коляски, залился слезами.

Бѣдный Стаффордъ!

Лордъ Алькокъ смотрѣлъ на него съ видомъ жалости.

— Ну полно, Стаффордъ, полно: это ничего, право, ничего! Чтò скажутъ наши

друзья! Полно! оботри свои слезы. Вѣдь ты человѣкъ!

— „Потому-то я и плачу, что я человѣкъ!“

Скоро онъ оправился; и мрачная преданность судьбѣ заступила мѣсто умиленія.

— Позвольте мнѣ дать вамъ маленькій совѣтъ. Только что скажу я: пали! вы должны поднять вашъ пистолетъ, и, не цѣлясь, не медля ни четверти секунды, стрѣлять. Помните это хорошеенько.

— „Да! да! понимаю!“

— Все зависитъ отъ вашего проворства.

— „Я знаю, что мой противникъ не пропуститъ миллионной частицы минуты: я это знаю!!..“

— То-то и есть! Если вы сдѣлаете малѣйшее размышленіе, вы погибли. Не останавливайтесь. Ваша пуля пролетитъ на два дюйма отъ его головы или отъ плеча. Дѣлайте, какъ я вамъ говорю. Вы опущете по крайней мѣрѣ хоть одно крыло у этой птицы, столько надушой своими перьями...

— „Да развѣ вы считаете меня новичкомъ? Развѣ вы не знаете, что я видывалъ огонь, и что мой противникъ Д*** знаетъ какъ я стрѣляю?“

Между тѣмъ мы встрѣтили хирурга Г*** и вышли изъ коляски. Вечеръ былъ превос-

ходный. Природа тихая, веселая, роскошная приглашала людей только бы наслаждаться ея благодатными прелестями. Я рассказал Г*** свои опасенія и грусть, которую мнѣ причинило это несчастное обстоятельство. Онъ отвѣчалъ мнѣ тономъ грубой ироніи, которую употребляетъ закоснѣлый мапрось, когда непривычный пассажиръ жалуется на морскую болѣзнь, его терзающую.

— Я видывалъ много подобныхъ.

— Но такой человѣкъ, какъ Стаффордъ?

— Это будетъ конечно потеря. Но родъ человѣческій безпрестанно теряется, возобновляется и разрушается.

— А его жена?

— О! да они будутъ беречь другъ друга! Жизнь дорога обоимъ! Высырѣялъ, да промахнулся: вотъ и все!

Я оставилъ его, говорить одного. Мы достигли поля сраженія. Лордъ Алькокъ пришелъ первый.

— Наши противники весьма аккуратны. Посмотрите-ка — вотъ этотъ диковинный данди, вашъ соперникъ на нынѣшній вечеръ. Что за принужденное положеніе! Что за смѣшный видъ! Какъ такой мальчишка отваживается играть жизнью и смертью! О! я не дождусь удовольствія видѣть его наказаннымъ!

Солнце спускалось за горизонтъ. Символъ шрогательный и печальный, въ коемъ

дружба моя къ Стаффорду видѣла гибельное предзнаменованіе. Стаффордъ отвелъ Лорда Алькока въ сторону, и, разстегнувъ свое платье, вынулъ изъ бокового кармана золотую табакерку.

— „Пусть этотъ болванъ будетъ имѣть всѣ выгоды на своей сторонѣ!“ вскричалъ онъ.

— Дурачество! перервалъ Лордъ Алькокъ.

Съ одной стороны стоялъ спокойно, важно, задумчиво, Стаффордъ, ораторъ, государственный мужъ, человекъ съ головою могущественною и дѣлательною: съ другой, молодой Лордъ, который, палочкой, безпечно вертѣвшейся въ его рукѣ, сбивалъ головки съ дикаго мака и осота, на лугу, вокругъ себя. Это былъ совершенный контрастъ. Презрительная улыбка показалась на губахъ Стаффорда: его врагъ, не смотря на свою принужденную безпечность, изобличалъ въ себѣ явно труса, старавшагося придать себѣ бодрости. Въ ту минуту, какъ жизнь его подвергалась опасности, онъ, казалось, занимался только одною вещію — разрушеніемъ бѣдной маковки, предъ нимъ находившейся.

— „Какой ребенокъ!“ сказалъ мнѣ тихо Стаффордъ.

Между тѣмъ разстояніе было вымѣряно: оба противники стали такъ близко другъ къ другу, что не лзя было смотрѣть на нихъ безъ ужаса.

— Пали ! вскричалъ Лордъ Алькоксъ.

Раздался выстрѣлъ : это былъ молодого Лорда. Пули просвистала надъ ухомъ Стаффорда. Сей послѣдній , который не успѣлъ даже поднять пистолета , вымѣривъ глазами соперника своего съ ногъ до головы, выстрѣлилъ на воздухъ и вскричалъ :

— „Стоишь онъ труда!“

Молодой человекъ бросился въ бѣшенствѣ:

— Развѣ вы это называете удовольствіемъ? Я требую начать снова . . . въ эту же минуту, въ это же мгновеніе!“

Мы возстали противъ этого новаго боя; но напрасно. Оба того требовали.

— Смотрите же , не мышкайте ! сказалъ Лордъ Алькоксъ тихонько своему другу.

— „Не безпокойтесь ! Глупецъ ищетъ своей смерти. Онъ найдетъ ее!“

Секунданты зарядили снова пистолеты : и противники , блѣдые отъ ярости , стали въ томъ же разстояніи. Оба выстрѣлили въ одно время : только одинъ ударъ и былъ слышенъ : оба вмѣстѣ упали. Я бросился къ Стаффорду. Его противникъ плавалъ въ своей крови : пуля Стаффорда раздробила ему челюсть. Лордъ Алькоксъ удерживалъ платкомъ свою кровь , лившуюся изъ широкой раны, нанесенной въ правый бокъ Стаффорду. Молодой Лордъ былъ унесенъ. Стаффордъ открылъ на минуточку глаза и привѣтилъ меня :

— „Ахъ! докторъ! . . Боже мой! . .
Леди Стаффордъ! . . Вспомните!“ . .

Онъ не могъ продолжать. Я дождался первой перевязки: и вскочивши тотчасъ на лошадь хирурга Г***, пустился во весь опоръ. Леди Стаффордъ пила кофе, когда ей сказали обо мнѣ. Этотъ печальный пріѣздъ изумилъ ее. Она встала, посмотрѣла съ минутой безмолвно на мою встревоженную фізіономію, въ которой выражалось живѣйшее волненіе: потомъ угадавъ какъ будто внезапнымъ вдохновеніемъ всю истину, упала безъ памяти ко мнѣ на руки. Долго оставалась она въ такомъ положеніи. Я разсказалъ ей, сколько возможно легче и утѣшительнѣе, это несчастное приключеніе: она выслушала меня не поморщившись. Принесли Стаффорда домой: она не показала желанія его видѣть. Какая-то апатическая безчувственность овладѣла ею и подавила всѣ ея способности, всю дѣятельность ея души.

Г*** успѣлъ вынуть пулю, которая повредила четвертое и пятое ребро, но не прошла до легкихъ. Рана не была смертельна. Что касается до врага его, онъ получилъ совершенное *удовлетвореніе*, говоря языкомъ дуэлистовъ. Его челюсть закрылась: не лзя было пропустить въ нее никакой пищи, никакого лѣкарства; и несчастный погибъ въ ужасныхъ мукахъ. Какое зрѣлище представлялъ теперь этотъ домъ, прежде

столь мирный! Леди Стаффордъ не выходила изъ оцѣненія безчувственности, въ которое повергло ее первое извѣстіе. Я испыталъ всѣ средства, даже испугъ, чтобы извлечь ее изъ этого безумія. Усилія мои были бесполезны. Только разъ, примѣтивъ Лорда Алькока въ паркѣ, она вскочила на опшоманъ, гдѣ лежала, и захохотала громко: эшотъ хохотъ былъ ужасенъ: горестъ въ слезахъ, отчаяніе съ своими протяжными стопами, не имѣетъ ни чего подобнаго. Я прописалъ ей пріемъ лавдана, который ее успокоилъ. Всю ночь провелъ я въ этой великолѣпной виллѣ, коей поуипру удивлялся спокойствію и восхищительной красотѣ. Когда Стаффордъ пришелъ въ состояніе говорить, онъ прошепталъ тихо слова: „министерство! министерство!“ Мы предписали ему молчаніе. О честолубіе! нелѣпость! химера! дурачество! Не всѣ ли способности, доставляющія блаженство человѣку, соединены въ этомъ несчастливцѣ, жертвѣ предразсудковъ общества и честолубія, теперь почти въ трупъ превратившейся? Не всѣли помыслы, зачинаемые могущественнымъ разумніемъ, имѣли доступъ къ этому обширному, всеобъемлющему челу? Эти глаза, сверкавшіе умомъ, блиставшіе жизнію и благодушіемъ, теперь угасли — и можетъ быть навсегда! Онъ хотѣлъ владычествовать надъ подобными себѣ: хотѣлъ, какъ слѣдуетъ об-

разованному человѣку, отразить обиду невѣжи: и этотъ невѣжа, посредствомъ нѣсколькихъ зернышекъ пороха, набишаго въ трубку, поставилъ на два пальца отъ смерти человѣка, одареннаго столь высокими преимуществами! Дуэль! позорное пятно на щипѣ образованнаго общества! Преступный обычай! Безумная глупость, предающая геній, добродѣтель и честность, во власть безстыдства, порока и несмысленности! Дурачество, не доказывающее даже мужества въ дуэлистѣ и имѣвшее смыслъ только въ тѣ времена фанатизма, когда единоборство считалось судомъ Божиимъ!

На третій день, къ огорченію моему я былъ разбуженъ разнощиками аффишъ и новостей, которые кричали по улицамъ: „вотъ подробное описаніе всего происходившаго при дуэли, между Г. Стаффордомъ и Лордомъ Порденомъ, съ рѣчью, которую Г. Стаффордъ произнесъ передъ смертію и возраженіемъ его противъ клеветъ министерства — цѣна два пенса!“ Я купилъ этотъ прекрасный историческій документъ, коего сочинитель утверждалъ, что оба противника начинали шесть разъ сраженіе и что, когда порохъ весь вышелъ, дѣло кончилось ножовымъ рѣзаньемъ. И такъ вотъ до чего доводитъ насъ иногда слава! Журналы представили публикѣ почти вѣрное повѣствованіе поединка, при которомъ я находился: но каково было мое при-

скорбіе, когда я въ одномъ министерскомъ висткѣ прочелъ слѣдующія слова:

„Послѣднія новости: Министерство * * * дано окончательно Лорду Вилліаму. Г. Стаффордъ искалъ его, но не могъ получить.“

Я поспѣшилъ предупредить о томъ Лорда Алькока, который нѣсколько зналъ перваго Министра и отправился къ нему, чтобы уведомить его объ обстоятельствахъ, принудившихъ Стаффорда требовать отсрочки.

— Намъ невозможно ждать, отвѣчалъ Глава Кабинета. Я уважаю Г. Стаффорда. Это человѣкъ, способный ко всему. Но — дѣлать нечего — опредѣленіе кончено и перемѣнить не лзя!

Это происшествіе конечно не могло споспѣшествовать выздоровленію моего друга. Надобно было слышать, какъ Леди Стаффордъ возставала противъ этихъ замысловъ честолюбія, разрушителей ея счастья: не лзя было не подивиться могущественному краснорѣчію этой женщины, клявшей политику.

— „Ахъ! докторъ! говорила она мнѣ: „какъ вы могли меня такъ обманывать! . . . Мои дѣти . . . думали ли вы объ нихъ? . . . Я всегда предполагала, что Стаффордъ будетъ избѣгать этихъ ужасныхъ и презрѣнныхъ глупостей, которыя честь прикрываетъ обольстительнымъ именемъ. Честь! Но его увлекло честолюбіе политики. Оно бросило его въ эшотъ гибельный бой. О! какъ я не-

навижу эту политику! Какъ скоро алчность могущества возьметъ верхъ, нѣтъ уже болѣе ни отца, ни мужа, ни сына, ни брата! . . Все мое счастье погибло, навсегда погибло. Еслибъ я могла его воротить къ мирнымъ семейственнымъ наслажденіямъ, къ тихой домашней жизни, я согласилась бы отъ всего сердца работать, терпѣть, осудить себя на совершенное заточеніе. Нѣтъ пожертвованія, на котороебъ я не рѣшилась! — Его дни проходятъ въ волненіи и горячкѣ: ночи пожираются работою. Я его почти не вижу: или если вижу, то онъ такъ занятъ, такъ не доволенъ! . . Ахъ! я сожалею, что узнала его. . . Я боюсь, чтобъ онъ не потерялъ совѣсть головы. . . Я страшусь.“

— О! сударыня! Не говорите такъ! . .

— „Докторъ, я знаю, чѣмъ говорю: мнѣ извѣстна пылкость его воображенія, изступленіе его идей.“ . .

Въ эту самую минуту камердинеръ вошелъ въ комнату и прервалъ Леди Стаффордъ.

— Извините, сударыня! Я не знаю, что дѣлать. Баринъ изволилъ помѣшаться. Онъ непремѣнно хочетъ, чтобы впустили къ нему въ спальню перваго Министра: ему чудится, что Его Превосходительство пріѣхалъ къ нему съ визитомъ. Я не могъ ни какъ разувѣрить его.

— „Это что еще!“ вскричала Леди Стаффордъ съ ужасомъ.

— О! ничего! сказалъ я. Такъ — причуды больного. Я сейчасъ пойду къ нему.

Едва удалось мнѣ успокоить несчастнаго Стаффорда. Онъ сидѣлъ на своей постелѣ, съ пылающими глазами, съ изстуженнымъ видомъ, и кричалъ:

— „Докторъ! докторъ! Я хочу, чтобъ допустили ко мнѣ перваго Министра... Мнѣ должно говорить съ Его Превосходительствомъ — непременно должно.“ . .

— Да онъ уѣхалъ уже, любезный Стаффордъ. Онъ оставилъ карточку, сказавъ, что будетъ опять завтра. . .

— „А! . . Это очень хорошо . . . это очень любезно. Я восхищенъ этимъ . . . Но онъ ворошилъ. . . Я слышу, что онъ ворошилъ . . . Луи! Луи! Впусти Его Превосходительство . . . отказывать Главѣ Кабинета . . . и другіе это будутъ видѣть . . . переметчики . . . интриганты . . . изм! . . .

Онъ произнесъ эти слова медленно полуснувши, и повторилъ ихъ нѣсколько разъ. Потомъ упалъ на подушку, усыпленный, изнеможенный; я увидѣлъ, что онъ заснулъ совсѣмъ. Потъ лилъ съ него. Черезъ нѣсколько дней, ему стало лучше. Я позволилъ ему читать журналы и принимать своихъ друзей, будучи увѣренъ, что это странное средство, возбуждая его способности, подстрекая сильнѣйшую его страсть, ускоритъ его выздоровленіе. Журналы однако не были къ нему

слишкомъ снисходительны: и въ нѣкоторыхъ друзьяхъ онъ видѣлъ соперниковъ, то есть, самыхъ ненавистнѣйшихъ враговъ.

Не прошло еще восьми дней, какъ онъ сталъ на ноги, и Нижній Парламентъ уже былъ свидѣтелемъ его блистательнѣйшаго торжества. Онъ явился вооруженный красноярчіемъ, ругательствами, сарказмами, и, обрушился на министра, занявшаго его мѣсто, какъ громоносный орелъ на робкую овцу. Онъ сокрушилъ, уничтожилъ въ прахъ его.

Бѣдный министръ, осужденный играть самое жалкое лице въ рѣчи нашего друга и обращавшій на себя всѣ взоры, пытался ошвѣчать. Но при каждомъ новомъ усиліи, онъ только что больше и больше запутывался. Его дородная тучность, паръ, валившій съ него клубомъ, въ продолженіе пытки, на которую осуждало его ядовитое краснорѣчіе Стаффорда, дѣлали изъ этого эфемернаго вельможи жалкое посмѣшище. Скамья, на которой онъ сидѣлъ, была для него роковымъ позорнымъ столбомъ, къ коему привязала его рука палача. Онъ хотѣлъ возражать, но опляжелѣвшій языкъ отказывался ему служить; онъ заикался нѣсколько времени, взялъ шляпу и ушелъ, посреди всеобщаго смѣха. Посрамленные друзья его слѣдовали за нимъ: и, черезъ восемь дней, Стаффордъ, вспомоществуемый своей ироніей, своимъ шалан-

шомъ и изблнченною неспособностію своего противника, явился въ газешахъ съ именемъ Министра * * * хъ Дѣль.

Моя дружба къ нему возрасла и скрѣпилась еще болѣе. Здоровье его, которое становилось все хуже, требовало самаго бдительнаго надзора и самыхъ тяжкихъ попеченій. Посреди мятежнаго океана бурной помышки, онъ бился подобно пловцу, посреди волнъ, воздымаемыхъ бурей: всегда жалкій, всегда безстрашный, всегда добыча клеветы и козней. Осень, зима, весна, лѣто, прощали такимъ образомъ. Дни и ночи поглощались этой борьбой. Она сдѣлалась необходимою для существованія Стаффорда.

Личная репутація его увеличивалась: но правительство, котораго составлялъ онъ часть — этотъ корабль, полуразбитый безчисленными погрѣшностями, продолжительными бурями — стремился къ своей гибели и разрушался ежедневно. Несогласіе и разстройство въ немъ царствовали. Дѣла твердой земли, сомнительныя и грозныя; состояніе Англіи, становившееся опаснѣе и мрачнѣе по мѣрѣ того, какъ происшествія твердой земли дѣлались важнѣе; безпрестанно новыя приключенія, новыя препятствія, новыя клеветы: положеніе было таково, что едва можно было держаться. Самъ Кабинетъ былъ позорищемъ разногласія и дѣйствовалъ не заодно. Народная довѣренность оставила

министровъ: Нижній Парламентъ , котораго Стаффордъ былъ душею, увлекся къ движенію неправильному , судорожному , изобличающему сокровенный недугъ общественнаго тѣла, подобно тому, какъ пульсъ больного изобличаетъ, своимъ частымъ и неправильнымъ біеніемъ , пожирающую его горячку. Буря копилась медленно: нападенія журналовъ , отъ буйства , опличавшаго ихъ , перешли къ бѣшенству; малое количество голосовъ , коимъ располагало министерство, уменьшалось поспешенно. Стаффордъ , принужденный защищать отчаянное дѣло , спалъ на проломъ и истощилъ всѣ средства своего краснорѣчія: ораторъ неутомимый, онъ не давалъ ни малѣйшаго отдыха своимъ противникамъ; и потеря голоса была слѣдствіемъ его непреодолимаго упорства. Надлежало однако уступить силѣ обстоятельствъ. Оппозиція образовалась въ плотную массу. Армія министерская состояла изъ разбитыхъ солдатъ. Стаффордъ отказался отъ портфейля: подобно толікому множеству министровъ , онъ цалъ подъ ужасною плетью бюджета.

Посредствомъ ясности , простоты , прямодушія , и благодаря энергической прозорливости ума своего , Стаффордъ пролилъ нѣкоторый свѣтъ въ смутный хаосъ администраціи и финансовъ: но предводитель оппозиціи всталъ, объявилъ политическимъ шарлатанствомъ все , что говорилъ Стаффордъ,

выставилъ его, какъ обманщика, пускающаго въ глаза пыль, какъ софиста ловкаго и надменнаго своимъ вѣроломнымъ талантомъ; наконецъ умѣлъ такъ искусно польстить всѣмъ слабосиимъ зависти и духа партіи, что первый членъ бюджета, отвергаемаго приготовительнымъ комитетомъ съ жаромъ и ожесточеніемъ, рѣшилъ судьбу Стаффорда и отнявъ у него портфель, сокрушилъ весь составъ министерства.

На другой день послѣ этого разлученія, или лучше расторженія со всѣмъ тѣмъ, что было для него любезно на свѣтѣ, я навѣстилъ его: какая жестокая переменна съ нимъ сдѣлалась! Какое ужасное зрѣлище представлялъ онъ! Эти блестящіе глаза издавали мутное и шуское мерцаніе: эпотъ звучный голосъ отдавался слабыми и глухими отголосками. Онъ лежалъ на софѣ въ своей библіотекѣ.

— „Это проклятое засѣданіе меня убило!“

— Но оно сдѣлало вамъ много чести; невозможно показать болѣе твердости и таланта.

— „Ахъ! не говорите мнѣ ни о чемъ: не ласкайте моей суешности: я гнушаюсь жизнью: я не могу преодолѣть глубокаго отъвращенія, которое она мнѣ внушаетъ!“

— Конечно, вы оскорблены. . .

— „Оскорбленъ? Скажите — истерзанъ!“ . .

— Васъ связали по рукамъ и по ногамъ и говорятъ: иди!

— „Они произнесли мнѣ смертный приговоръ! Они осудили меня на адскую муку!“ . .

— Ваши товарищи. . .

— „Мои товарищи пожертвовали мной. Ихъ проклятое малодушіе, ихъ глупость, ихъ эгоизмъ, скопили общую ненависть на министерство. Я не переживу этого. Все для меня погибло. Мои корни, мои вѣтви — все, что привязываетъ дерево къ землѣ и человѣка къ жизни — все поражено громомъ, сокрушено, уничтожено!“ . .

— Повѣрьте, что нѣсколько времени, проведеннаго въ уединеніи и спокойствіи, возвратитъ васъ самому себѣ и друзьямъ вашимъ!

— „Да — вы говорите правду. Я самъ намѣреваюсь бѣжать отъ города и отъ Парламента!“

— Такъ поѣзжайте въ деревню!

— „Бѣду, бѣду въ самоскорѣйшемъ времени: мнѣ теперь все равно — уединеніе, хижина, пещера — лишь бы только удалиться отъ этого проклятаго города, отъ этой столицы лжи, отъ этого несмысленнаго Парламента, отъ всего, что я презираю.“ . .

— Ради Бога, успокойтесь, любезный Стаффордъ!

— „Вы можете говорить, что вамъ угодно; вы ни когда неспрадали такъ, какъ я теперь. . . Нѣтъ — невозможно представить человѣка несчастнѣе того, кто, въ нынѣшнія времена, мѣшается въ правленіе! Сколько трудовъ! Сколько безпокойствъ! И враги мои собираютъ ихъ плоды! Я обманушъ, обруганъ, опозоренъ. Глушцы смѣются надо мной; мое отчаяніе и моя ярость смѣшавъ моихъ враговъ. . . Ахъ! докторъ! воля твоя, . . . это слишкомъ, слишкомъ,“ . . .

Спустя три дня, я опять съ нимъ увидѣлся.

— Ну что! спросилъ я его, смѣючись; читали вы журналы?

— „Нѣтъ. . . Журналы! . . . эти скопища корыстной лжи, продажныхъ ласкательствъ, подкупной брани! . . . Нѣтъ . . . я усталъ! . . . Ихъ переметчивость, ихъ подлость, ихъ безпрестанныя противорѣчія, ихъ вѣроломство, внушаютъ мнѣ одно презрѣніе!“

— Теперь они васъ утѣшилибъ, можете быть?

— „Какъ такъ?“

— Они выставляютъ теперь ваши заслуги и увѣряютъ, что народъ имѣетъ въ васъ нужду, что государственный механизмъ находится въ опасности, съ тѣхъ поръ какъ вы его оставили, что если вы опять не возьмете въ руки власть, ни чего не будетъ хорошаго. . .

— „Пусть ихъ кричатъ; я не хочу ни чего объ нихъ слышать!“

— Но еслибъ вамъ предложили опять...

— „О! я бѣ отказался. . . Пусть ихъ ждуть! Пусть раскаются! Пусть научатся цѣнить меня, какъ должно!“

Тайная мысль о будущемъ возвращеніи скрывалась подъ этими словами: и я видѣлъ очень хорошо, что честолюбіе, корень всѣхъ его золъ, не исчезло въ немъ. Вошелъ лакей: онъ принесъ визитныя карточки, оставленныя различными членами Парламента у Стаффорда.

— „Меня нѣтъ дома! Нѣтъ дома!“ вскричалъ онъ. „Я не принимаю никого — не хочу никого видѣть — я боленъ! . . слышите ли? я боленъ! . . Эти члены Парламента . . . которые меня обманули, покинули, бросили — теперь пріѣзжаютъ смѣяться моему несчастію!“ . .

— Ожесточеніе, которое дышешь во всѣхъ вашихъ словахъ, вредитъ вамъ.

— „Моя душа полна имъ. Презрѣніе и отверженіе — вотъ что осталось у меня плодомъ упражненія въ дѣлахъ и свѣденія въ людяхъ! Еслибъ вы знали, какъ они подлы предъ человѣкомъ, имѣющимъ силу! Что за низость! Что за неблагодарность! Что за дживость! Безъ сомнѣнія, изъ всѣхъ постыдныхъ торговъ, нѣтъ ни одного, въ коемъ бы чело-вѣчество представлялось безчестіе. Поли-

щическая торговля превышает все гнусностью. Развратница торгуешь своимъ тѣломъ. Но въ этой шинѣ, изъ которой я намѣренъ выкарабкаться, только и есть, что мерзавцы, торгующіе душою: она у нихъ продается съ молотка — тому, кто больше дастъ; и когда вы заплашите деньги, эти молодцы спараются опять ее спроворить: это явное воровство, отвратительное мошенничество: гнусно видѣть!.. Повѣрите ли, что Лордъ Б*** цѣлые три мѣсяца приходилъ ко мнѣ продавать свой голось и что я торговался съ нимъ, какъ торгуются объ лошади. Наконецъ мы стакнулись: дѣло было слажено: я обѣщалъ ему пенсіонъ въ 800 фунтовъ стерлинговъ и вскорѣ исполнилъ обѣщаніе; но при подачѣ голосовъ, къ изумленію, увидѣлъ его въ числѣ моихъ прошивниковъ. Онъ писалъ ко мнѣ и извинялся тѣмъ, что получаемый имъ пенсіонъ состоялъ изъ 790, а не изъ 800 фунтовъ стерлинговъ, какъ было условлено!“

— Поступокъ достойный того, кѣмъ сдѣланъ! Изрядно спроворено!

Вскорѣ между тѣмъ былъ составленъ новый кабинетъ. Личные враги Стаффорда, тѣ, которые преслѣдовали его самыми ядовитѣйшими ругательствами, вошли въ составъ его и не замедлили объявить, что они избираютъ дорогу, совершенно противоположную той, по которой шелъ другъ мой. Этого было слишкомъ много. Стаффордъ не могъ

перенести сего послѣдняго удара. Онъ удался, въ сопровожденіи своей жены, которая все была также предана, также печальна и несчастна. Она знала, что страшная соперница, политика, царствовала въ сердцѣ ея мужа: но, отождествляясь съ супругомъ, котораго сама выбрала, раздѣляя всѣ его мысли, жертвуя собой ему, она успѣла наконецъ пріобидиться къ его страданіямъ и горестямъ и позабыть отвращеніе, которое внушали ей всегда замыслы и интриги честолюбія.

Здоровье Стаффорда укрѣпилось: двѣнадцать лѣтъ — (я не пишу здѣсь полной исторіи государственнаго человѣка) — двѣнадцать лѣтъ протекло. Другъ мой занялъ снова мѣсто въ Парламентѣ и началъ задирать своихъ противниковъ. Внимательный наблюдатель легко бы открылъ цѣль, къ которой онъ стремился: я не скрылъ отъ него вывода моихъ собственныхъ заключеній о его поведеніи.

— Любезный Стаффордъ,“ сказалъ ему я: ваши рѣчи производятъ большое дѣйствіе!

— „А какое именно?“

— Онѣ представляютъ вашихъ аягистовъ и вашихъ преемниковъ въ самомъ жалкомъ и смѣшномъ видѣ.

— „Я говорю, что виды ихъ ограничены; идеи ложны.“

— Точно такъ: и вы искусно напоминаете о благѣ, которое бы сдѣлали и которое хотѣли сдѣлать.

— „Это бездѣлица, которою я хочу отмстить за себя.“

— О! вы не только мстите за прошедшее, но и готовите себѣ будущее!

— „Вы такъ думаете.“

— И не сомнѣваюсь. Ваши партизаны становятся многочисленнѣе день ото дня; вы вкрадываетесь болѣе и болѣе въ благосклонность къ народу и ко Двору. Вы вкореняете поспешенно ваши понятія и начала въ эту неблагодарную массу, которая вамъ уже развѣзмѣнила.

— „Да — я пробую привить ихъ къ моему отечеству!“

Прививаніе удалось; и вскорѣ звѣзда Стаффорда засіяла новымъ блескомъ. Онъ явился опять главою Правительства, смѣясь надъ досадою и уничиженіемъ своихъ враговъ и отмщая за презрѣніе, коимъ они его осыпали. Я навѣстилъ его.

— „Побѣда!“ сказалъ онъ мнѣ. „Я пустился опять!“

— Въ океанъ, обильный кораблекрушеніями.

— О! я не буду спорить объ этомъ. Противъ меня составляетъ исполинская оппозиція. Она имѣетъ начало свое въ высшихъ слояхъ и должна найти опору въ народѣ: я

знаю. Есть чего испугаться самому отважнѣйшему герою. Я окруженъ подводными каменьями. Положеніе государства ужасно !“

— Но вы управляете кабинетомъ по произволу : Нижній Парламентъ привѣтствовалъ васъ рукоплесканіями восторга. Ваше превосходство признають. . .

— „И ненавидяшь !“

— Какъ скоро вы появляешься, васъ принимаютъ самымъ лестнымъ шопотомъ : это единогласной хоръ похвалъ и одобреній.

— „Зависть всегда скрывается : ненависть шипитъ тихо, выжидая случая уязвить. О ! не думайте, чтобъ я самъ себя обманывалъ !“

— Полно-те ! Спокойствіе ! Хладнокровіе ! Вы устоите противъ грозы.

— „Такъ конечно ! . . Но здоровье мое разрушается. Способности слабѣють. Мои чувствительность, раздражаемая ежедневно болѣе и болѣе, подвергаетъ меня новымъ страданіямъ, новымъ убійственнымъ мукамъ.“

— Но говоря правду, любезный мой, самая раздражительнѣйшая чувствительность не наша бы ни чего, кромѣ источниковъ радости и блаженства, въ этихъ выраженіяхъ почтенія, уваженія, удивленія, простирающихся почти до идолопоклонства. Посмотрите ! Всѣ лавки купцовъ, торгующихъ эстампами, наполнены вашими портретами, къ коимъ при-

совокупаются эпитеты самые благосклонные, самые лестные. Ваше имя во всѣхъ устахъ!

— „Нынѣ Капитолій! Завтра Гемоніи!“

Стаффордъ мужественно продолжалъ свое дѣло и шелъ впередъ: оппозиція, которую онъ предвидѣлъ, составила; множество стрѣлъ брошено было въ него, онъ отразилъ ихъ побѣдоносно. Всѣ спрашивали другъ друга, можетъ ли онъ держаться. Между тѣмъ его здоровье не переставало истощаться: онъ сдѣлался лунашикомъ, говорилъ громко во снѣ, удивлялъ своихъ служителей странными капризами, изумлялъ слушателей выходками краснорѣчія, приближавшимися къ изступленію. Одинъ упреннѣйшій журналъ замѣтилъ это съ злобнымъ лукавствомъ. Ужасное подозрѣніе проникло въ мою душу: неужели умъ его повредился или началъ колебаться? Я поспѣшилъ увидѣть Леди Стаффордъ, которая рассказала мнѣ множество подробностей о сумасбродствахъ своего мужа.

— „Знаете-ли вы“ — спросила она меня — „что случилось съ Леди Амсліей Вильфордъ?“

— Ничего не знаю.

— „На послѣднемъ балѣ у *** скаго Посланника, ей сдѣлалось дурно: я бросилась подать ей помощь; и такъ какъ мы очень коротки между собой, то я проводила ее домой. Она сказала мнѣ, что взглядъ мужа моего такъ напугалъ ее, что, не зная, какая могла быть причина неудовольствія, выража-

едаго этимъ страннымъ взглядомъ, и сверхъ того весьма утомившись, потеряла чувства.“

— Ея мужъ не принадлежитъ ли къ полищическимъ друзьямъ Стаффорда?

— „Да — и въ эти послѣдніе дни они имѣли между собой какія-то пренія. Муж мой, опершись на баллюстраду одного балкона, къ которому шла Леди Вильфордъ, встрѣтилъ ее съ видомъ мрачнымъ, страшнымъ, изступленнымъ, который сдѣлалъ на нее столь болѣзненное впечатлѣніе. Ахъ! докторъ! этотъ взглядъ я замѣтила еще прежде: онъ заставляетъ меня трепетать объ умъ Стаффорда!“

— Какая мысль!

— „Ахъ! я боюсь, чтобы это не было слишкомъ справедливо, хотя вамъ и кажется мечтою!“

— Голова Стаффорда крѣпка.

— „Скажите лучше — дѣтельна! У него высокія способности: онъ еще можетъ работать, очень много работать; но ему недостаетъ спокойствія. Боже мой! ахъ! еслибъ я обманулась! еслибъ эти признаки сумасбродства не означали разстройства ума его!“

Я почувствовалъ глубокую скорбь, когда подумалъ, что этотъ благородный и высокій геній, пможденный честолюбіемъ, могъ дѣйствительно предаться разрушенію. Поистинно отправился я къ Стаффорду, котораго на-

шелъ одного въ библіотекѣ. Увы! роковое несчастье уже началось. На его лицѣ, подѣ свѣдомъ этого всеобъемлющаго чела, изображалось какое-то неистовое, изступленное раздраженіе, которое угрожало разрушить весь организмъ Стаффорда.

— „Ахъ, мой любезный докторъ!“ вскричалъ онъ, предлагая мнѣ стулъ: „вы находите меня изнуреннымъ, изможденнымъ.“ . .

— Стаффордъ! Не давалъ себѣ никакого покоя, вы себя убиваете, губите. Мозговая горячка должна быть слѣдствіемъ признаковъ, которые меня очень пугаютъ. Ради Бога! повоздержись.

— „Да — я дѣйствительно истощился!“

— Что это у васъ въ бушлукѣ?

— „Опіумъ. На ночь, я беру довольно значительный пріемъ, чтобы заснуть.“

— Но это можетъ разстроитъ совершенно всю экономію вашихъ способностей. . . Ахъ, Стаффордъ! это ужасно!

— „У меня не достаетъ мужества ни одѣться, ни раздѣться. Все меня тяготитъ. Ахъ, докторъ, докторъ! Я не знаю, поймете ли вы ужасное чувство, мною испытываемое. Мнѣ кажется, что все вокругъ меня смотритъ на меня, уставивъ сверкающіе глаза. Все одушевлено: всѣ предметы живутъ какою-то чудною и ужасною жизнью. . . Мнѣ тяжело. . . атмосфера, которою я дышу, такъ рѣдка.“ . .

— Ваша первая система въ разстрой-
ствѣ.

— „Наконецъ все существованіе мое пре-
вращается въ сонъ; сознаніе моего человѣче-
скаго я изрѣдка во мнѣ мелькаетъ. Все сдѣ-
лалось для меня призракомъ, обманомъ. Пред-
меты и идеи растутъ и получаютъ ложный
видъ въ моихъ глазахъ, надѣваются надъ мо-
имъ обманывающимся воображеніемъ. Состоя-
ніе мое спрашно, неизъяснимо!“

— Неизъяснимо? Напротивъ! Можете
ли вы удивляться этому? Съ вами должно
случиться еще хуже: и все это есть неизъ-
бѣжное слѣдствіе вашихъ дурачествъ.

— „Моихъ дурачествъ!“ . .

— Да, да! Прекратите ваши полипи-
ческія занятія: или природа ошмститъ за
себя!

— „Какъ! Я! . . Отказаться среди
засѣданій! . . Бросить все, что начато. . .
Это невозможно! . . Я пошлалъ себя несче-
тую . . . и лажу на ней! . .

— Но вы уже не живете!

— „Точно нѣтъ! Признаюсь даже, что
не могу дать себѣ вѣрнаго ошчета во всемъ,
что происходитъ въ этой головѣ. О! Боже
мой! Боже мой! Неужели я не избавлюсь
отъ этого помѣшательства!“

— Лѣкарство въ вашихъ рукахъ!

— „Не довольно ли я испытываю стра-
даній, чтобы потерять самую твердую го-

лову?.. Какъ! Я ухаживалъ столько за толпою дураковъ: я расточилъ столько низостей для приобрѣтенія голосовъ, находящихся въ распоряженіи у этихъ животныхъ, съ самаго начала заведеній!.. Чтобы спасти билль мой на счетъ хлѣба, я ихъ ласкаю, зову къ себѣ обѣдать, обѣдаю самъ у нихъ. Я ихъ слушаю; кажусь веселымъ, любезнымъ, остроумнымъ; наконецъ сношу ихъ, всѣхъ этихъ скучныхъ болвановъ, коихъ презираю отъ чистаго сердца. И когда мнѣ надобно спустить эту парламентскую свору, она вдругъ срывается, даетъ шагъ... всѣ разбѣгаются одинъ послѣ другаго и оставляютъ меня на посмѣяніе съ сорока тремя голосами.“

— Но такова участь всѣхъ министровъ: какъ же вамъ домогаться ея избѣгнуть!

— „Я это знаю, я это чувствую“ — продолжалъ онъ, ходя взадъ и впередъ большими шагами. „Но... отъ чего государственные люди не имѣютъ ни признательности, ни чувствительности, ни правилъ, ни совѣсти? отъ чего?...“

— Засѣданіе скоро кончается, вы прошли сквозь самые опасные подводные камни. Не отчаивайтесь: я увѣренъ, что двѣ недѣли мирнаго сельскаго уединенія возвращатъ вамъ здоровье и счастье.

— „О нѣтъ, нѣтъ! Все кончилось для меня. Мои безпокойства только что увеличиваются. Я вижу только одинъ препятствія во-

кругъ себя и предъ собой. Праведное небо! Какъ выпутаться? Всѣ движенія правительства спутаны. Мы окружены, осаждены, обхвачены со всѣхъ сторонъ . . . вообразите корабль, вокругъ котораго непроходимые льды толпятся, громоздятся другъ на друга, готовы рухнуть . . . Такъ, я брошу правительство, вы справедливы, другъ мой! Это должно. На примѣръ, я истощилъ всю свою опытность и все умѣнье, чтобъ заключить трактатъ, примиряющій выгоды Испаніи и Франціи. Большая часть державъ твердой земли дали свое согласіе. Вдругъ проклятый курьеръ изъ Доунинг - Стрита, приноситъ мнѣ учтивую ноту отъ Вѣнскаго Кабинета, которая, подъ всѣми ласковыми формами Австрійской дипломатіи, извѣщаетъ меня, что будто замышленный мною планъ значить для него тоже, что объявленіе войны!“ . . .

— Это огорчительно, я согласенъ!

— „Мештернихъ! о этотъ Мештернихъ! . . . Онъ останавливаетъ меня, ниспровергаетъ всѣ мои планы! . . . Какая адская хитрость! . . . Чтобъ ни зашевелилось въ Европѣ, будьте увѣрены, что онъ сидитъ на днѣ мятежей и бѣдствій. . . Но теперь . . . что дѣлаешь? . . . Этотъ билль на счетъ хлѣба, который я общалъ поддержать, котораго успѣхъ приготовилъ я съ такимъ трудомъ . . . три фамиліи Верхняго Парламен-

та объявили мнѣ вчера, что отказываютъ отъ него: Нижній Парламентъ весь противъ: у насъ въ Тайномъ Совѣтѣ ножевое рѣзание. Его Величество разошелся со мной очень холодно. Допивая спокойно свой послѣдній стаканъ шипучаго вина, Король не поспешилъ для меня нѣсколькими язвительными словами.“

— Вотъ еще! Завтра доутру, вы будете опять въ милости.

— „Я вамъ доверяю только часть моихъ страданій. Вообразите — самая жизнь моя въ опасности! У меня на шеѣ двѣ или три дуэли почти неизбежныя. Разъ, когда я проходилъ Гид - Паркомъ, пуля просвистала на два пальца отъ моей головы. Нѣтъ дня, когда бы почта не привозила мнѣ угрозы убійствомъ. . . Какъ быть! Что дѣлать!“

— Успокойсья!

— „Но могу ли я? Ахъ! зачѣмъ я не отказался отъ этого проклятаго портфейля? Скажите мнѣ, докторъ, безъ лести, не считая меня дуракомъ, который можетъ повѣрить глухостямъ, коими вы медики убаюкиваете обыкновенно своихъ больныхъ — скажите мнѣ, можете ли вы что-нибудь для меня? Укрошите ли вы эту горячку? Возвратите ли моей головѣ мирное употребленіе своихъ способностей! Что вы мнѣ предложите? Кровопущеніе Ванны?“

— И то и другое!

— „Я могу уделить очень мало времени на лечение. Мне надобно диктовать въ часъ двадцать писемъ. Завтра я открываю засѣданіе . . . бой будетъ самый жаркій.“ . . .

Лакей отворилъ двери и сказалъ :

— Полковникъ О'Морвенъ !

— „Ахъ ! этоъ негодяй ! Я знаю, за чѣмъ онъ ! Вотъ ужъ при педѣли, какъ онъ торгуешь собой и предлагаетъ мнѣ купить свой голосъ. Не хочу его видѣть. Дома нѣтъ.“

Лакей ушелъ. Стаффордъ кликнулъ его.

— „На минуту ! Жоржъ, на минуту ! . . Попроси Полковника войти. Этоъ человѣкъ располагаетъ пятью голосами : завтра вечеромъ я буду имѣть въ немъ нужду.“

— Вы мнѣ жалки !

— „Охъ ! . . Прощай, любезный докторъ ! . . я былъ очень откровененъ, очень безразсуденъ : сберегите тайну. Прощайте, прощайте ! — Ну что, любезный мой Полковникъ !“ перервалъ онъ съ веселостію актера, играющаго свою роль : „какъ ваше дорогое здоровье !“

И государственнй человѣкъ сжалъ улыбая руку человѣка, коимъ гнушался. Что за жизнь ! вскричалъ я, сходя съ лѣсницы. Изъ вѣхъ моихъ больныхъ, наибольшее сожалѣніе внушаетъ мнѣ этоъ счастливый, этоъ великій, этоъ могущественный Стаффордъ !

Скоро сверкнули послѣднія искры пламенника, гошоваго угаснушъ. Замѣчательная рѣчь, произнесенная Стаффордомъ, успокоила его жену на счетъ здоровья ея мужа. Журналы замѣтили, что сочинитель, произнося ее, показывалъ необыкновенное здоровье и силу: но никто лучше меня не зналъ сокровенныхъ шайнъ Стаффорда, этой несчастной жертвы, кошую любовь къ славы и могуществу закалала на алтарѣ политики. Стаффордъ, прежде прибышій въ Нижній Парламентъ, выпилъ большой пріемъ водки: безъ этого подкрѣпленія, у него не досталось силъ; но едва успѣлъ онъ кончить, какъ эта поддѣльная бодрость истощилась: его унесли домой полумертваго. Мало по малу эта свѣтлая и твердая голова помутилась: его лакей принужденъ былъ однажды остановить его, когда онъ собрался ѣхать въ Парламентъ въ своемъ буназейномъ шлафроктѣ. Веселость, показываемая имъ внутри семейства, имѣла что-то ужасающее въ своемъ буйномъ излишествѣ. Однажды, рано утромъ, явился ко мнѣ его кучеръ и, по довѣренности, подъ печатью шайны, открылъ мнѣ, что господинъ его дѣлалъ тысячи дурачествъ.

— Разъ вечеромъ, говорилъ онъ мнѣ, Г. Стаффордъ приказалъ мнѣ везти себя въ Темзу. Третьяго дня, велѣлъ онъ мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ собой въ кабакъ подъ вывѣской

Красной Головы. Я не знаю, что дѣлать, сударь, и пришелъ съ вами посоветоваться.

— Не говори объ этомъ никому, Джонъ! Вотъ тебѣ гиней: молчи, пожалуйста!

Я снесся съ его несчастною подругою: мы успѣли уговорить его ѣхать въ свой Дербиширскій замокъ. Двѣ или три важныя мѣры, имъ предложенныя, имѣли успѣхъ по его желаніямъ. Болѣе тихій, болѣе покойный, удовлетворенный сими послѣдними обстоятельствомъ, окруженный прекрасною улыбающеюся природою, онъ, казалось, началъ возрождаться. Эта несвязность, это колобродство мыслей, которое насъ такъ напугало, мало по малу исчезало: мы стали надѣяться. Я потѣхалъ съ нимъ въ деревню и думалъ, что здоровье его можетъ позволить ему возобновленіе политическихъ занятій безъ всякой опасности. Спустя нѣсколько дней послѣ возвращенія, Стаффордъ снова явился на политической сценѣ: и двѣ или три рѣчи, исполненныя дѣльных, основательныхъ доводовъ, чуждыя изступленія, ознаменовали его возвращеніе. Онъ стоялъ грудью, оспаривалъ побѣду шагъ за шагомъ, и, не смотря на всѣ усилія враговъ, вопреки собственнымъ своимъ предсказаніямъ, одержалъ ее.

Но, по странности, повторяющейся очень часто, эта сила умозаключенія, которой мы дивились и которая, казалось, оп-

равдывала наши надежды, была предвѣстиемъ пагубной минуты, въ которую умъ Стаффорда долженъ былъ навсегда рухнуть. Возпротившись домой, онъ захотѣлъ иллюминировать свой домъ, свѣтъ разставлялъ свѣчки по всѣмъ окнамъ, ужиналъ въ кухнѣ съ лакеями и утащилъ камердинера съ собою въ паркъ, чтобы растолковать ему истинныя начала политической экономии. Его семейство, услащенное и обаянное скорбью, не смѣло противиться этимъ сумасбродствамъ. Къ полуночи онъ напился допьяна съ лакеями: его отнесли въ постель. На другой день, я пришелъ къ нему очень рано: онъ сидѣлъ уже и диктовалъ одно письмо своему молодому секретарю.

— „Садитесь, докторъ!“ сказалъ онъ мнѣ. „Я хочу остаться одинъ съ докторомъ. Ступайте!“

Онъ придвинулъ стулъ свой къ моему и залился слезами.

— „Вчера,“ сказалъ онъ мнѣ, „вчера я былъ пьянъ, мертвецки пьянъ: повѣрите ли? мои лакеи были свидѣтелями: я не смѣю теперь взглянуть на нихъ.“

— Великая вещь! отвечалъ я, стараясь улыбнуться: ну что за важность. Вы помните стихъ Горация:

Semel insanivimus omnes?

— „Докторъ, докторъ, не оставляйте меня!.. они всѣ въ заговоръ противъ меня..“

всѣ . . . всѣ меня ненавидятъ.“ Онъ сжалъ мнѣ руку , плакалъ , рыдалъ и устремлялъ на меня самые печальные взоры. „Народъ хочетъ разорвать меня въ куски ! Нижній Парламентъ , Перы . . . ахъ ! неблагодарные ! . . . Что я сдѣлалъ ! . . . Богу извѣстно , люблю ли я свое отечество ! Богу извѣстно , какъ я хотѣлъ служить ему ! . . . Тс ! Тс !“ . . .

Онъ всталъ , заперъ дверь и сѣлъ опять подлѣ меня.

— „Повѣрите ли , что секретарь , котораго я сейчасъ выслалъ . . . этотъ злодѣй . . . въ сношеніяхъ съ Меттернихомъ. Онъ подбилъ къ Королю: Нижній Парламентъ за него : онъ хочетъ занять мое мѣсто : Леди Стаффордъ хлопочетъ сдѣлать его Министромъ.“ . . .

— Вы вѣрно успѣли опохмѣлиться ? перервалъ я его холодно и сурово.

— „О ! нѣтъ ! Это правда . . . сущая правда . . . А ! . . . позвольте ! . . . у меня есть секретъ , важный политическій секретъ. Европейскія Державы клонятся всѣ къ республиканской конституціи . . . Я . . . я . . . (говоря потихоньку) . . . хочу ихъ соединить , сосредоточить , сдѣлать изъ Европы одну республику , съ двѣнадцатью Президентами . . . Вы меня понимаете ? . . . Безсмертіе . . . будущность . . . признательность народовъ . . . Надѣюсь , что вы мнѣ не измѣните.“ . . .

— О ! конечно !

— „Возвратимсяжъ къ дѣлу. . . Я хочу вамъ объяснить, за чѣмъ я посылалъ за вами.“

— Вы забываете , что я пришелъ къ вамъ самъ безъ зову.

Онъ не слушалъ меня и продолжалъ.

— „Я всегда былъ расположенъ къ вамъ, старинный повариха : вы никогда ничего у меня не просили , вы оставались всегда искреннимъ моимъ другомъ.“

Слезы градомъ лились изъ глазъ его : мнѣ больно было смотрѣть на несчастнаго. Этотъ благородный, этотъ остроумный Стаффордъ ! вотъ что онъ теперь ! какое зрѣлище ! Наконецъ онъ предложилъ мнѣ посольство въ Петербургъ , началъ молоть всякой вздоръ , увидѣлъ , что я ничего не отвѣчаю , остановился : потомъ , поблѣднѣвши вдругъ , подобно мертвецу , вскочилъ , покраснѣлъ опять , началъ бѣгать по комнатамъ и вскричалъ :

— „А ! докторъ ! я очень вижу. . . Я вижу это !“ . . .

Онъ упалъ безъ памяти. На другой день, журналы сообщили мнѣ ужасное извѣстiе о его самоубийствѣ. Я увѣренъ, что, пришедши на минушу въ чувство, онъ не могъ безъ ужаса видѣть печальныя развалины своего ума и рѣшился лучше убить, чѣмъ пережить себя. Несчастный ! . .

Пусть сіи , описанныя мной , подробности , послужатъ урокомъ и наставленіемъ !

Такъ жилъ въ самыхъ лютейшихъ мукахъ, такъ умеръ отъ собственной руки, одинъ изъ блистательнѣйшихъ мужей нашего времени! Чуждый всякаго другаго преступленія, кромѣ презрѣнія мирныхъ радостей домашней жизни, всякаго другаго порока, кромѣ желанія возвышаться, идти всегда далѣе и далѣе, преобладать, торжествовать безпрестанно — Стаффордъ, коего славное имя повторяется Европою, осудилъ самъ себя на существованіе, несравненно мучительнѣйшее томленія, представляемаго преступникамъ и злодѣямъ. Не ослабными, сверхчеловѣческими усиліями пріобрѣсть и сохранить роковую палму политическаго честолюбія, онъ истощилъ свою жизнь, надорвалъ умъ, и, попирая представлявшееся ему счастье, для того чтобы домогаться мнимаго воображаемаго блаженства, палъ съ высоты своей славы, подобно какъ птица, опаленная громомъ, падаетъ безъ жизни на землю. Торжественный и страшный урокъ, запечатлѣнный въ моей памяти буквами огненными и кровавыми! Честолюбцы, не одаренные отъ природы талантами Стаффорда! — вѣдь что заключаетъ и скрываетъ въ себѣ народность столь упоминательная, слава столь очаровательная, могущество власти столь обольстительное для смертныхъ! . . .

(BLACKWOOD'S MAGAZINE).

IV.

ЗВѢЗДОЧКА.

Много звѣздъ на небесахъ,
 Въ бриллиантовыхъ лучахъ,
 И сверкають и горятъ,
 Исчезають и блестящъ.
 Часто, часто съ вышины
 Блескомъ звѣздъ озарены
 Въ заповѣдные часы
 Дѣвъ плѣнительныхъ красы.
 И когда на ложе сна
 Дѣва бросится одна,
 Съ тайной горестью въ мечтѣ
 О сердечной пустотѣ,
 Часто, часто золотитъ
 Блѣдность дѣвственныхъ ланитъ,
 Отражаясь въ капляхъ слезъ,
 Лучъ притѣшливый съ небесъ.
 Часто воинъ на часахъ.
 Топитъ взоры въ небесахъ;
 Съ неперпѣніемъ онъ ждетъ,
 Скоро-ль ша звѣзда взоидетъ?
 Лишь бы ша звѣзда взошла,
 Смѣна-бъ воину пришла.
 Звѣзды! средь ночной тиши,
 Вы поэзія души!
 Вы во тьмѣ среди морей
 Вѣрный спутникъ кораблей!
 Но люблю слѣдить одну
 Я прекрасную звѣзду.
 Лучъ зашпанный, лучъ златой,

Мнѣ знакомъ , онъ мнѣ родной !
 Онъ когда-то съ высоты
 Падъ на двѣу красоты :
 Онъ сіялъ въ ея очахъ ,
 На покровѣхъ , на ушахъ ,
 Какъ лучъ набожныхъ огней
 Свѣтитъ въ блескъ алтарей !
 Вдругъ красавицей плѣненъ ,
 Свой предѣлъ покинулъ онъ ;
 Полетѣвши къ ней съ небесъ ,
 Въ чистомъ воздухѣ исчезъ ! . . .
 Много звѣздъ на небесахъ
 Въ брилліантовыхъ лучахъ
 И сверкаютъ и горятъ ,
 Исчезаютъ и блестятъ :
 Но люблю слѣдить одну
 Я прекрасную звѣзду !
 Лучъ заѣтннй , лучъ златой ,
 Мнѣ знакомъ , онъ мнѣ родной !

Константинъ Бахтуринъ.

V.

ВОСПОМИНАНІЯ О ЛЕНЦѢ.

Несчастливаго, почти исчезнуващаго уже въ
 памяти современниковъ , Германскаго поэта
Ленца, снова воскресилъ недавно Людвигъ Тикъ,
 коему Германская Словесность обязана обно-
 вленіемъ многихъ прекрасныхъ цвѣтень сво-
 ихъ. Онъ собралъ и связалъ въ одинъ букетъ
 разсыпанные , равно важные въ психологи-

скомъ и въ поэтическомъ отношеніи, листочки, кои столькожъ богаты тернами, какъ и розами. Поэзія *Ленца* представляетъ собой достопримѣчательный памятникъ того искрометнаго и раскаленнаго періода Германской Литературы, который разсвѣнулъ съ появленіемъ Гёте. Въ ней обнаруживается сія любопытная эпоха во всей своей силѣ и во всемъ своемъ безсиліи: это ея прекрасный, благодатный, и вмѣстѣ судорожный, исковерканный образъ. Но между множествомъ медвѣдей, стучавшихъ своими лапами по лирь Гёте, возмывается побѣдоносно геній *Ленца*. Его поэзія не была черной немочью, бессмысленнымъ обезьянствомъ, но роскошнымъ воспламененіемъ духа, радостнымъ объятіемъ того, что было ему родное, свое, и что звуки Гёте только что пробуждали въ его сердцѣ.

Слѣдующія извѣстія будутъ занимательны для психологовъ и для литераторовъ: въ нихъ содержатся любопытныя воспоминанія изъ жизни поэта, особенно во время пребыванія его въ Рейнскихъ краяхъ, гдѣ онъ видѣлъ много радости и много печали, и гдѣ поэтический талантъ его получилъ свое полное образованіе.

Яковъ Михайль Рейнгольдъ Ленцъ родился въ Зесвигенѣ, въ Лифляндіи, 12 Января 1750 года. Онъ учился 1768 въ Кенигсбергѣ, и оттуда отправился въ Берлинъ, гдѣ завелъ нѣкоторыя литературныя связи.

Въ 1771 году, онъ сопровождалъ одного молодого дворянина, фон - Клейста, въ старый Стразбургскій Университетъ, бывший тогда въ славѣ. Тамъ онъ сдружился весьма тѣсно съ своимъ „добрымъ Сократомъ“, радужнымъ, веселымъ актуариусомъ *Зальцманномъ*, о которомъ Гёте и Юнгъ Штиллингъ съ такимъ восторгомъ говоря въ своихъ жизнеописаніяхъ. У Зальцманна собирался кружокъ молодыхъ людей съ талантами, коихъ онъ руководствовалъ въ литературныхъ занятіяхъ. Свѣтлая практическая философія, соединенная съ богатыми, многосторонними свѣденіями, вѣрнымъ взглядомъ и тонкимъ вкусомъ, приобрѣтала ему всѣ сердца. Особенно *Ленцъ*, коего душа, въ этомъ кругу, отворилась для всѣхъ впечатлѣній изящнаго, полюбилъ его на всю жизнь. Здѣсь онъ также познакомился съ Гердеромъ, Штиллингомъ, Лерсе, и напослѣдокъ, что имѣло на него особенное вліяніе, съ Гёте. Тогда открылся для него изящный міръ. Шекспиръ былъ обща изучаемъ, переводимъ, обрабатываемъ: и *Ленцъ*, который по выраженію Гёте, иконоборчески возставалъ противъ всѣхъ театралныхъ традицій и хотѣлъ всюду вводить Шекспира, былъ охраненъ отъ многихъ заблужденій. Отъѣздъ Гёте изъ Стразбурга былъ для него очень прискорбенъ: онъ сохранилъ память объ немъ въ слѣдующихъ стихахъ:

Телес. Ч. V.

36

Zhr stummen Bäume, meine Zeugen,
 Ach! kám' er ohnefähr!
 Hier, wo wir saßen, wieder her,
 Könnst ihr von meinen Thränen schweigen

Льшомъ, 1772, *Ленцъ* самъ покинулъ Стразбургъ, который однако не переставалъ иногда посѣщать, и съ фон-Клейстомъ отправился въ Фор-Луи, прежде важную крѣпость на одномъ островку Рейна. Въ Зегенгеймъ, недалеко отшуда, познакомился онъ съ прекрасною *Фридерикою Бріонъ*, младшею дочерью тамошняго Пастора, о которой прежній ея возлюбленный, Гётте, говоритъ: „она глядитъ свѣтло въ свои ясныя, голубыя очи, и ея прелестный носикъ свободно допрашиваетъ воздухъ, какъ будто ей ни до чего въ свѣтѣ нѣтъ дѣла.“ Пламенную, вѣчную любовью поклялись оба другъ другу. Ленцъ испилъ полную чашу сладчайшихъ утѣхъ, которыя однако въ послѣдствіе должны были отозваться для него горчайшею скорбію и отправить всю жизнь его ядовитою желчью, коей онъ наконецъ сдѣлался плачевною жертвою. Мысль о любезной поглотила все существо его: онъ не могъ болѣе думать ни о чемъ. Только изученіе Плавта и Шекспира, его любимыхъ поэтовъ, возвращало его иногда въ себя. Все состояніе его души, и свѣтъ и тѣма, объясняются явленіями тогдашняго времени. Осенью, 1772, переехалъ онъ въ Ландау и отшуда воротился въ Стразбургъ, кажется,

съ обновленнымъ духомъ, гдѣ, исключая нѣкоторыхъ небольшія путешествія, пребылъ до Марта 1776.

Въ Январѣ, 1775, Зальцманнъ особенно по желанію своихъ молодыхъ друзей, основалъ новое Общество Обработыванія Нѣмецкаго Языка. Изъ него вышло много отличныхъ людей. Извѣснѣйшими и замѣчательнѣйшими изъ нихъ, кромѣ Зальцманна и Ленца, были: Магистръ *Лейпольдъ*, глубокій филологъ, образовавшійся въ старой Голландской школѣ, объ оригинальныхъ странностяхъ коего ходятъ по сю пору тысячи любопытныхъ анекдотовъ и которому Общество обязано было занимательными извѣстіями о Себастианѣ Брандтѣ и его *Кораблѣ Дураковъ* (*Narrenschiff*); Докторъ *Блессингъ*, Профессоръ Богословія (умер. 1816), коего Альзасъ получилъ безсмертнымъ именемъ „*мужа любви*“; ученый, остроумный, замысловатый Докторъ *Гаффнеръ*, бывшій послѣ Деканомъ Философскаго Факультета въ Стразбургѣ (умер. 1831); *Іоаннъ фон-Туркгеймъ*, извѣстный своею *Исторіею Гессена*, въ трехъ частяхъ; *Отто*, сотрудникъ филолога *Брунка*, имѣвшій политическую важность и бывшій напослѣдокъ Французскимъ посланникомъ въ Лондонѣ; *Шенфельдъ*, компонистъ, забавлявшій Общество юмористическими стихами; *Графъ Рамондъ*, изъ Кольмара, умершій Государственнымъ Совѣтникомъ и Префектомъ Верхнихъ

Пирепеевъ, извѣстный своею *Альзасскою Войною* (*Guerre d'Alsace*), подражаніемъ Гецу Фон-Берлихингену, и своими *Альзасскими любовными приключеніями* (*Amours Alsaciennes*) которыя посвящены *Ленцу*. Надворный Советникъ *Шлоссеръ* съ Эммендингентъ и *Михаэлисъ* въ Геттингентъ были Почетными Членами Общества. *Ленцъ*, какъ видно изъ протоколовъ Общества, былъ ревностнѣйшимъ его членомъ и исправлялъ должность Секретаря до отъѣзда изъ Спразбурга. Онъ сообщалъ ему многіе опыты о Плавтѣ и Шекспирѣ, также письма о нравственности Страданій Молодаго Вершера, рѣчи о Нѣмецкомъ Языкѣ, смѣшанныя сочиненія и стихотворенія, изъ коихъ нѣкоторые находятся въ Тиковомъ собраніи его твореній.

Лѣтомъ, 1776, *Ленцъ* оставилъ Спразбургъ и жилъ въ Веймарѣ и окрестностяхъ, гдѣ проводилъ время съ Гёте и короче познакомился съ Гердеромъ и Виландомъ. Но, какъ бы влекомый неизбѣжной судьбой, возвратился въ концѣ слѣдующаго года въ Альзасъ. Здѣсь наклонность его къ задумчивости и тихой мечтательности превратилась почти въ безуміе, доходившее по временамъ до бѣшенства. Среди зимы, по колѣна въ снѣгу, обуреваемый непогодой, блуждалъ онъ по Вогезскимъ горамъ; и такимъ образомъ, въ 1778 году, пришелъ къ почтенному пастору Оберлину

въ Штейншаль, что на Вальдбахъ, гдѣ достойный пастырѣ и его жена въ печеніе нѣсколькихъ недѣль нѣжно пеклись о незнкомомъ больномъ юношѣ. Ва ихъ домѣ, сумашествіе *Ленца* принимало различныя, ужасныя виды. Оберлинъ съ фізіологической вѣрностію описалъ малѣйшія подробности сего дивнаго, печальнаго явленія. Извлекаемъ достопримѣчательнѣйшее :

„Онъ пришелъ сюда 20 Января 1778 года. Я его не зналъ. Сначала, по разпущеннымъ на плечи волосамъ, я принялъ его за нищаго. Но вскорѣ его свободное обращеніе показало мнѣ мою ошибку. — „Милости просимъ, хоть я и не знаю васъ.“ — „Я другъ Кауфмана, и принесъ вамъ отъ него поклонъ.“ — Позвольте узнать ваше имя?“ — „Ленцъ.“ — „Кажется есть книги сочинителя, носящаго это имя?“ — (Я вспомнилъ, что читалъ нѣсколько драмъ, сочиненія *Ленца*). — „Точно, только сдѣлайте милость, не судите обо мнѣ по нихъ.“ — Оберлинъ съ ангельскимъ терпѣніемъ сносилъ бремя, коимъ отяготилъ его злополучный. „Въ ясныя минуты“ — говоритъ онъ — „когда истерзанная душа его, улыбаясь сквозь слезы, отдыхала, онъ становился простосердечнымъ ребенкомъ, оказывалъ такія высокія, теплыя чувства, что не возможно было смотрѣть на него безъ глубокой скорби; въ болѣзненномъ же состояніи тѣло и

душа его подвергалась судорогамъ , а наружность представляла нѣчто дикое, страшное. Нѣсколько разъ покушался онъ заколоться ножами , бѣгалъ ночью по полямъ , по снѣгу, полуобнаженный , кидался изъ окна на дворъ или купался въ холодныхъ волнахъ проруби. Въ сіи минуты впрочемъ весьма кратковременныя , произносилъ онъ имя Фридрики! Наконецъ Оберлинъ принужденъ былъ представить къ нему трехъ сильныхъ людей для надзору : ибо въ припадкахъ бѣшенства , онъ изыскивалъ всевозможныя средства , умертвить себя. Однимъ утромъ , въ отсутствіе Оберлина, провѣдалъ онъ, что въ Будаѣ, на Вальдбахѣ, умерла дѣвушка, по имени Фридрика; тутчасъ вытащилъ онъ какой-то старый мѣшокъ, вымаралъ себѣ пепломъ лице и волосы, и вознамѣрился возвратить усопшую къ жизни. Однажды вошелъ онъ къ Оберлину съ поникшей головой, и ломая себѣ руки, вскричалъ: „О! небесная отрада... небесная , божественная! . . . я молюсь, молюсь!“ . . . Потомъ , успокоясь немного , продолжалъ : „не можете ли сказать мнѣ, почтенный пасторъ , что , спалось съ женщиной , которой участь , какъ сподудовая тяжесть , лежитъ у меня на душѣ?“ Оберлинъ отвѣчалъ, что онъ ни чего о ней не знаетъ. „Ахъ!“ вскричалъ *Ленцъ* : „умерла ли она? живали еще? — Ангелъ! она меня любила — я любилъ ее — она была достойна любви — Ан-

гель! Проклятая ревность, я принесъ ее на жертву! Она любила не меня одного, но любила и меня нѣжно! Я погубилъ ее обѣщалъ жениться на ней, потомъ покинулъ О! проклятая ревность! Добрая мать! . . . И она меня любила! Я убійца!

Нѣсколько дней спустя, вошелъ онъ съ необыкновенною ласковостію и сказалъ: „Та женщина, почтенный Насторъ, о которой я вамъ говорилъ, умерла; да, умерла . . . Ангель!“ — Почемужъ вы знаете? — „Гіероглифы, гіероглифы! . . умерла!“ И глаза его были устремлены къ небу.

Въ минуты спокойствія, онъ рисовалъ сельскіе виды Швейцаріи, Русскіе костюмы, или бѣгло читалъ Библію и сочинялъ проповѣди: даже, по словамъ Оберлина, проповѣдывалъ иногда весьма хорошо, только съ нѣкоторой робостію. Замѣшивъ, что зимній холодъ, царствовавшій въ уединенной долинѣ, вреденъ для *Ленца*, Оберлинъ отправилъ его въ Стразбургъ подѣ надежнымъ присмотромъ; и несчастный обливаясь слезами простился съ нимъ, какъ съ вѣрнѣйшимъ другомъ и благодѣтелемъ. Пробывъ тамъ нѣсколько недѣль, отправился онъ въ Эммендингенъ, гдѣ узналъ о смерти Шлоссеровой жены, сестры Гёше, и извѣстіе сіе снова сильно его поразило. „*Ленцъ* у меня“ — пишетъ Шлоссеръ къ Оберлину — „и незвѣстнымъ меня бременить. Увѣрив-

шись, что болѣзнь его есть настоящая ипохондрія, я сегодня предлагалъ ему средство, которымъ навѣрное надѣюсь его вылѣчить. Но онъ точно дитя; не можешь ни на что рѣшиться; не вѣрить ни Богу, ни людямъ. Два раза приводилъ онъ меня здѣсь въ большой страхъ; впрочемъ бываетъ покоемъ. Я бы свободнѣе объяснился въ этомъ письмѣ, если бы его шутъ не было. Онъ бьетъ меня кулаками и крушитъ бѣдное мое сердце.“

Шлоссеръ отдалъ несчастнаго на руки башмачнику, у котораго онъ началъ учиться башмачному ремеслу и полюбилъ какъ брата одного изъ подмастерьевъ, по имени Конрада. Тикъ сохранилъ для насъ трогательныя письма къ Саразениу, въ Базель, въ коихъ *Ленцъ* говоритъ объ этой дружбѣ.

Ленцъ провелъ также нѣсколько мѣсяцевъ въ Верхнемъ Альзасѣ, преимущественно въ Мюнстерѣ, гдѣ познакомился съ добродушнымъ патріархомъ Пасшоромъ Люке, такъ какъ, въ Колмарѣ, съ Пфэффелемъ.

Несчастный, оставленный и безпомощный, блуждалъ еще нѣсколько времени кругомъ верхняго Рейна, былъ неоднократно въ Фрейбургѣ у поэта Якоби, для Ирисы коего перевелъ нѣсколько мѣстъ изъ *Оссіана*, и въ Базель у Саразениа, до тѣхъ, поръ пока лѣтомъ, 1779 года, старшій братъ его, Карлъ Гейнрихъ Гошлибъ Ленцъ, нашелъ его и отвезъ на родину.

Леницъ умеръ въ Москвѣ, 24 Мая 1792 года, оплаканный весьма немногими. Сей злополучный ученый, при самомъ развигнн духовныхъ способностей, постигнутый умственныи недугомъ, сокрушившимъ силу и окрвавшимъ полетъ его генія, или по крайней мѣрѣ давшимъ ему ложное направление, провелъ лучшую часть жизни своей въ безполезной дѣятельности, безъ опредѣленной цѣли. Всѣи отверженный, борющійся съ нуждой и бѣдностію, отторгнутый отъ всего драгоценнаго, онъ никогда не забывалъ собственнаго достоинства; многія претерпѣнныя имъ оскорбленія еще болѣе раздражили его гордость, превратившуюся наконецъ въ высокоуміе, всегда сопутствующее честной бѣдности. Онъ жилъ милостыней, но не отъ всякаго благодѣтеля принималъ ее, и оскорблялся; когда непрощенно предлагали ему деньги или другую помощь, хотя наружность его показывала нищету въ высшей степени. *Леницъ* похороненъ иждивеніемъ одного богатаго Русскаго вельможи, въ домѣ коего жилъ долгое время.

М. В.

VI.

БИБЛІОГРАФІЯ.

— логика, *выбранная изъ Клейна А. Галтемъ. С. П. Б. въ тип. А. Смирдина, 1831.* — система логики, *сочиненіе Фридриха Балмана, переводъ съ Нѣмецкаго. Часть I. С. П. Б. въ типогр. Карла Края, 1831.* — Издревле логика считалась первою, вступительною частью философіи; и пошому въ систематическихъ ея изложеніяхъ занимала первое мѣсто. Это видимое преимущество имѣло однако невыгодныя для ней слѣдствія. Почишая логику введеніемъ въ философію, мыслили пробѣгали ее, какъ пробѣгаютъ введеніе; изучали, какъ учашъ букварь, для того чтобы, выучивши, бросишь. Отсюда ея, такъ сказать, стереотипная неизмѣняемость и неподвижность, среди всѣхъ перевороговъ, волновавшихъ философію, сохранявшаяся неприкосновенною, въ продолженіе тысячелѣтій. Со времени Аристотеля, по показанію Канпа, она не сдѣлала ни одного шага ни взадъ ни впередъ. Въ безпрестанномъ круговращеніи ума человѣческаго, различныя метафизическія системы безпрестанно смѣняли другъ друга, какъ въ калейдоскопѣ: но логика сохраняла нерушимое одцообразіе. Ее и не заботились прилаживать къ измѣненіямъ, происходившимъ въ цѣломъ составѣ системъ философическихъ. Иногда только распространяли прибавленіями и вставками, кои, не принадлежа къ ея сущности, обезображивали ее, но не преобразовали. Корошко сказать, логика, состав-

ляя *первую* часть философіи, *последняя* обращала на себя вниманіе философовъ.

Сія неподвижность прекратилась великою революціею, произведенною въ философіи Кантомъ. Не боясь противорѣчія между словами и дѣломъ, сей знаменитый Коперникъ любомудрія, признававшій закоснѣлую недвижимость логики слѣдствіемъ крайняго совершенства, до котораго она будто доведена Аристотелемъ, произвелъ въ ней великое потрясеніе, признавъ чистую преждеопытность формъ и законовъ мышленія, составляющихъ ея содержаніе. Это имѣло важное вліяніе на судьбу логики: ибо съ тѣхъ поръ она потеряла права свои на достоинство первой части философіи, обратившись въ одну изъ многихъ отраслей Критики Чистаго Разума. При напряженномъ трансцендентализмѣ Фихте и Шеллинга, она упала еще ниже, и, осужденная быть только подробнымъ анализомъ метафизическихъ выводовъ, едва совсѣмъ не потеряла самобытности. Но за то позднѣйшіе философическіе перевороты, коихъ главнѣйшимъ двигателемъ должно признавъ Гегеля, вознаградили ее съ избыткомъ: такъ что теперь логика, обосновавшись и утвердившись въ правахъ своихъ, получила, кажется, полное значеніе и важность.

Логика Клейна, представленная на Русскомъ языкѣ, въ сокращенномъ извлеченіи, извѣстнымъ нашимъ мыслителямъ, *Г. Галилемъ*, принадлежитъ къ школѣ Шеллинговой. Но *Г. Галиль* исключилъ изъ ней все, что ознаменовано печатью трансцендентальнаго Тождествословія. Въ

ней остались однѣ только голыя понятія и положенія, составляющія обыкновенный скарбъ логики, безъ всякой особой ошмѣтки и штемпеля; пакъ что, кромѣ нѣкотораго измѣненія въ планѣ и пополненія въ подробностяхъ, едва можно примѣтитъ различіе, между ней и логикой Карпе или Якоба. Слѣдовательно явленіе ея — не богатая находка для нашей философической лишературы!

Не сто должно сказать о *Системѣ Логики Бахмана*. Творецъ ея также былъ прежде за-
клятымъ Шеллингистомъ, какъ видно изъ его *Эстетики* извѣстной у насъ по опривкамъ, печатавшимся въ журналахъ. Но *Система Логики*, коей первая часть является теперь въ переводѣ, показываетъ, что онъ сблизился болѣе съ видами и понятіями Гегеля. Хотя, по какой-то странной застѣчивости, господствующей во всемъ тонѣ его изложенія, онъ не изъясняется положительно и опредѣленно: можно однако замѣтить, что между различными опредѣленіями логики, преимущество отдаетъ онъ Гегелеву, гдѣ содержаніемъ ея полагается „мысль, покуда она есть вещь сама въ себѣ, система чистаго разума, царство истины, какъ она есть сама въ себѣ, безъ покрова“ (с. 9). Сіе опредѣленіе, утверждающее вещественность и самобытность логики, есть, и по нашему мнѣнію, самое справедливое. Оно сообщаетъ ей высокую важность, возводя ее на степень „всеобщаго формальнаго наукоученія, науки о методѣ всѣхъ наукъ“ (с. V). Такова дѣйствительно должна

быть логика въ своемъ идеалѣ : такъ и старался представить ее Бахманъ !

Вышедшій теперь переводъ содержитъ въ себѣ только *первую часть Системы Логикъ Бахмана*, въ коей заключается *Элементарное Ученіе* о понятіяхъ, сужденіяхъ и силлогизмахъ, какъ о первыхъ актахъ мыслительнаго процесса. Сіе *Элементарное ученіе*, по мнѣнію Бахмана, которое мы вполнѣ раздѣляемъ, составляетъ *Нижшую Логикъ*, за которою должна слѣдовать *Логика высшая*, или „*Методологія* — истинная Алгебра вѣхъ Наукъ — научающая правильно размѣщать сіи первоначальные элементы мышленія, для составленія истиннаго организма науки, именуемаго системою“ (с. VII). Въ ожиданіи сей *второй части*, мы не можемъ не отдать полной справедливости *первой*. Она отличается полнотою содержанія, стройностію состава и ясностію изложенія. Бахманъ воспользовался вѣми трудами и открытіями своихъ предшественниковъ, смесая съ нихъ схоластическую пыль и переплавлявая ихъ въ систематическое единство. У него все имѣетъ свое мѣсто, свою значительность, свое употребленіе : и Аристотелевы фигуры и Ламбертовы линіи и Эйлеровы круги и Кантовы категоріи. Съ особенною удовлетворительностію обработано имъ отдѣленіе *объ основныхъ законахъ мышленія* (с. 46—87), гдѣ каждое, изъ извѣстныхъ четырехъ началъ мыслительнаго процесса, представлено исторически, критически и аналитически. Замѣчательно также, по своей изобразительной вѣрности, раздѣленіе силлогизмовъ на

умозаключенія *первой, второй и третьей степени*. Но ожесточеніе Бахмана противъ Кантовой четверичной таблицы категорій кажется намъ уже излишнимъ. Четверичность ея мы и сами не одобряемъ, не столько по пристрастію къ тройственности, сколько по тому, что такъ называемая *образность*, составляющая четвертый членъ ея, опирается не до формы, а до матеріи мышленія, и слѣдовательно выходитъ изъ круга чисто формальныхъ условій, составляющихъ содержаніе логики. Но остальные три члена категорической таблицы Канта: *количество, качество и отношеніе*, не смотря на противорѣчія Бахмана, естественно и необходимо выводятся изъ тройственного состава всякой мысли. Что касается до подраздѣлительной проецируемости каждой изъ категорическихъ схемъ, то и она нисколько не ослабляется возраженіями Бахмана. Вопреки ему, утверждаемъ мы, что „сужденіе *единичное* не можетъ быть соединено съ *частнымъ*“ и что „*безпредѣльное* сужденіе есть непременно *особая форма*“ (с. 153).

Явленіе *Логики Бахмана* тѣмъ болѣе важно и драгоцѣнно для нашей философической литературы, что она доселѣ наводилась, подъ именемъ *Логикъ*, произведеніями уродливыми и безобразными, которыя, по младенчеству нашего философическаго образованія, имѣли ходъ и удачу. Нигдѣ нѣтъ такого приволья шарлашанству, нигдѣ не лѣзъ легче прослыть мудрецомъ и философомъ, какъ у насъ, на Руси. Мы такъ мало еще знакомы съ сущностію истиннаго любомудрія,

что всякая дичь, приправленная новыми заморскими словами и фразами, идешь у насъ за философію. До метафизики, благодаря Бога, пока еще не доходило: но логика нашерпѣлась уже довольно. Ее тиранили не на живопись, а на смерть: и за то получали благодарность, славу и громкое шипло философа!

Назадъ тому лѣтъ десять, сколько шуму произвели такъ называемыя *Натальныя Основанія Логики*, пзданныя для благородныхъ воспитанниковъ Университетскаго Пансіона, бывшимъ тогда ихъ наставникомъ и начальникомъ, почтеннымъ *И. И. Давыдовымъ*! Читаемъ — и дивимся! . . Эти *Натальныя Основанія* — не иное что, какъ собраніе самыхъ разнороднѣйшихъ и разнороднѣйшихъ лоскушковъ, сшитыхъ кое-какъ, на живую нитку! Можноль повѣрить, что *введеніе* въ нихъ составляешь *Танерова* начертаніе философической системы *Шеллинга*, выписанное слово въ слово изъ *Исторіи Философскихъ Системъ Гамма* — а самыя *Основанія Логики* набраны клочками изъ *Кондильяка*, *Локка*, *Дежерандо*, *Вейсса* и иныхъ прочихъ? . . Почтенный собиратель, устройвъ эшотъ разнохарактерный диверсисманъ, говорилъ, что онъ старается примирять „опышныя начала съ благоразумнымъ идеализмомъ.“ Конечно, *блаженіи миротворцы*! Но подобныя вещи легче говорятся, чѣмъ дѣлаются. Чтобы помѣрить двѣ враждебныя стороны, должно изучить ихъ вполнѣ, какъ въ самихъ себѣ, шакъ и во взаимныхъ другъ къ другу отношеніяхъ. Но собиратель *Натальныхъ Основаній* не понималъ

даже того, что выписывалъ изъ *Галлеа* о *Шеллинге*. Вотъ любопытный примѣръ, относящійся непосредственно до науки, коей основанія предлагать онъ намѣревался. „Имѣя три рода понятій: о конечномъ, безконечномъ и вѣчномъ“ — такъ говорится во *введеніи* — „раздѣлить можемъ Теоретическую или Умозрительную Философію на теорію *конечнаго*, *безконечнаго* и *вѣчнаго*. Въ первой подлежатъ изслѣдованію нашему: 1) ощущенія, 2) чувствованія и 3) представленія ума; во второй: 1) пространство, служащее образованіемъ чувствованій души внѣшнихъ; 2) время, образующее чувствованія души внутреннихъ; и 3) взаимное соединеніе явленій и представлений. Въ послѣдней теоріи разсматриваются: 1) понятія, 2) идеалы и 3) умственные созерцанія. Отсюда науки: *Психологія*, *Логика*, *Метафизика*“ (с. 8, 9). И такъ чтожь теперь должно составлять предметъ и содержаніе *Логики*, которая очевидно соотвѣтствуетъ теоріи *безконечнаго* (!)? Явно, что три вещи: 1) пространство, служащее образованіемъ (?!) чувствованій души внѣшнихъ; 2) время, образующее (!) чувствованія души внутреннихъ; и 3) взаимное соединеніе явленій и представлений (!!!). Это — логика, наука мышленія! . . . Спрашивается теперь: по какомужь праву въ *Натальяныхъ Основаніяхъ Логики* не говорится ни слова ни о *пространствѣ*, ни о *времени*, ни о *соединеніи явленій и представлений*, а отведено нѣсколько главъ для *понятій* (Гл. III, IV, V), кои, по изложенной выше галиматіи, должны

опиосясь, вмѣстѣ съ идеалами и умственными созерцаніями, къ *Метафизикѣ*! . . Возьмемъ другой примѣръ! „Въ третьей части *Идеальной Философіи, Эстетической*“ — говоритъ то-же *введение* — „гдѣ красота есть вѣнчающее изображеніе внутренней, совершенной и всеобщей гармоніи, къ первой степени теоріи принадлежатъ искусства: 1) ваяніе, 2) архитектура и 3) живопись; ко второй: 1) мелодія, 2) размѣръ и 3) гармонія; къ третьей степени: 1) танцованье, 2) мимика и 3) вообще драма. Отсюда науки: *Теорія Изящныхъ Искусствъ, Поэзія и Красноречіе*“ (с. 9, 10). Что изъ этого слѣдуетъ? Что предметъ и содержаніе *Теоріи Изящныхъ Искусствъ* составляютъ *искусства: ваяніе, архитектура и живопись* (не дурно!); что предметъ и содержаніе *Поэзіи* составляютъ: *мелодія, размѣръ и гармонія* (хорошо!); и что наконецъ предметъ и содержаніе *Красноречія* составляютъ: *танцованье, мимика и вообще драма* (превосходно!)! . . Какова классификація! Истинно Шеллинговская! . . Что, еслибы Университеты вздумали принять ее въ основаніе образованія *факультетовъ*? Какое пріятное занятіе досталось бы тогда каведръ *Красноречія*? . . Ео безпрестанно бы оглушали рукоплесканіями, какъ театральное игрище! . . И это все отъ Шеллинизма, выписаннаго изъ Галича! . . Бѣдная *Логика*! . . Бѣдный *Шеллингъ*! . . Бѣдная *Философія*! . .

Заклучимъ о *Системѣ Логики Бахмана*. Переводъ ея отличается удивительнымъ изящест-

помъ философическаго языка, которому въ нашей словесности рѣдко видны примѣры. Мы не согласны однако на техническое употребленіе нѣкоторыхъ словъ, въ немъ принимаемое. Такъ, по нашему мнѣнію, *intuitio* не точно выражается *созерцаніемъ*, которое означаетъ актъ продолжительный и напряженный, соотвѣствующій тому, что называется *contemplatio*: не лучшебы ли было перевести это слово *взираніемъ* или *воззрѣніемъ*? Равнымъ образомъ *reflexio* не совсѣмъ вѣрно изображается словомъ: *вниканіе*, хотя слово это само по себѣ очень недурно.

На книгѣ выставлена Санктпетербургская Духовная Ценсура. Это заставляетъ предполагать, что переводъ сей сдѣланъ духовною особою. Честъ и слава нашему Духовному Просвѣщенію, которое, приглашая Философію на служеніе Религіи, укореняетъ и воспитываетъ ее на родной нашей почвѣ!

— ВЕЧЕРА НА ХУТОРѢ ВЛИЗЬ ДИКАНЬКИ. *Повѣсти, изданныя Писатникомъ Рудымъ Панькомъ. Первая Книжка. С. П. Б. въ типогр. Декартъ. Нар. Просв. 1831.* — Какъ ни тягостно намъ оскорблять вниманіе нашихъ читателей, упоминая о *Московскомъ Телеграфѣ* не для смѣха, мы не можемъ однако скрѣпиться теперь и удержавъ справедливое негодованіе, которое безсомнѣнно всѣ раздѣлять съ нами. Находящаяся передъ нами книжка принадлежитъ къ пріятнѣйшимъ явленіямъ нашей словесности. И между тѣмъ съ этою литературною каланчи, веющая и разваливающейся очевидно, груда мусора обрушилась на нее.

и на доброго *Паситника Рудого Пацька*! За чщож? спростать иные, не знакомые съ людскоу ожесточенію, до кошораго можеть доходить литературная злоба. Опывъсь скрывается въ мрачныхъ сплетняхъ нашей журналистики, коихъ книжка *Гсія* сдѣлалась невинною жертвою. Конторъ *Московского Телеграфа* почудился въ *Паситникѣ Рудомъ Пацькѣ* непріязненный врагъ, щекотавшій ее не разъ павздническимъ копыемъ своимъ: она признала въ немъ *Москала* и даже *горожанина* — примѣты важныя и роковыя!.. Но — несчастная обманулась: она вклепалась поназрасну!.. Увы! И журнальное чутье прищупляеться наконецъ сшаросыю!..

Мы, съ своей стороны, не приглядываемся и не ищемъ никакой нужды приглядываться къ лицу доброго *Паситника*. Кшо бы онъ ни былъ, для насъ все равно. Издавна имъ книжка у насъ предъ глазами: съ одной и ограничиться наше сужденіе.

Ветера на Хуторѣ близъ Диканьки сообщаютъ изъ прекрасныхъ отрывковъ народной Украинской жизни. Кшо не знаеть, по крайней мѣрѣ, по наслышкѣ, что наша Украина иметь въ своей физиономіи много любонимнаго, интереснаго, поэшическаго? Какое-то тайное согласіе признаеть ее Славянскій Авзоніей и предчувствуетъ въ ней обильную жатву для вдохновенія. Наши поэты улашаютъ въ нее мечтатъ и чувствоватъ: наши разсказчики питаются кроками ея преданій и вымысловъ. Даже Историкъ Русскаго Народа, захотѣвъ олицетворить свои нелѣпыя и дикія мечты,

избралъ Малороссію позорищемъ, на которое смѣло выпустилъ жалкихъ своихъ маріонетокъ. И дѣйствительно, какъ географическое положеніе, такъ и историческія обстоятельства, расположили Малороссію быть торжественнѣйшимъ выраженіемъ поэзіи Славянскаго духа. Разстилаясь, подъ благодатною сѣнію южнаго неба, по широкому коврау степей, окаймленныхъ струями Дуная и Дона, хребтами Кавказа и Карпата, волнами Эвксина и Каспія, она представляла привольное раздолье, гдѣ Славянская флегматическая косность естественно могла разгуляться до Козачаго удалства и молодечества. Сосѣдство съ неугомонными, но неопасными горцами, поддерживало въ ней кругообращеніе жизни, не подавляя чуждою примѣсью. Такимъ образомъ Малороссія естественно должна была сдѣлаться зачатнымъ ковчегомъ, въ коемъ сохраняются живѣйшія черты Славянской фізіономіи и лучшія воспоминанія Славянской жизни. Ея народный бытъ, огражденный пока отъ чуждаго вліянія, дѣтской привязанностью къ родной старинѣ, сохраняетъ понынѣ сіе достоинство. Тѣмъ занимательнѣе посему должны быть для насъ ея картины. Но никто еще донынѣ не умѣлъ представлять ихъ такъ вѣрно, такъ живо, такъ очаровательно, какъ добрый *Писателъ Рудый Панько*.

Изданная нынѣ книжка содержитъ въ себѣ четыре народныхъ Малороссійскія повѣсти. Содержаніе ихъ составлено изъ Украинскихъ преданій, обставленныхъ приключеніями, взятыми изъ дѣйствительной жизни. Отсюда ихъ высочайшая ис-

тинность, убеждающая сама въ себя невольно. Изложеніе ихъ возвышаетъ прелесть очарованія. Онѣ разцвѣчены Украинскими красками, освѣщены Украинскимъ свѣтомъ. Въ отношеніи къ языку, писавшіе Малороссійскія каршины обыкновенно впадали въ двѣ противоположныя крайности: или сглаживали совершенно все мѣстные идіошизмы Украинскаго нарѣчія, или сохраняли его совершенно неприкосновеннымъ. Первое видимъ мы въ романахъ *Нарѣжнаго*, послѣднее въ мастерскихъ произведеніяхъ автора *Дворянскихъ Выборовъ*. Но тамъ очевидно терпится точность, здѣсь ясность. Нашъ *Писатникъ* умѣлъ стоять на золотой срединѣ. У него національный мошивъ Украинскаго нарѣчія переведенъ, такъ сказать, на Москальскія ноты, не теряя своей оригинальной фізіономіи. Описанія, которыми онъ обставлялъ изображаемыя сцены, иногда отзываются напряженностью: но и отъ нихъ всегда пахнетъ Украиною.

Для примѣра выпишемъ отрывокъ изъ повѣсти: *Майская ночь или Утопленница*, которой, въ художественномъ отношеніи, отдаемъ рѣшительное преимущество предъ тремя прочими. Ея герои, молодой парубокъ Левко и прекрасная козачка Гавна, разговариваютъ полюбовно другъ съ другомъ, подъ навѣсомъ прелестной Украинской ночи:

— „Да тебѣ только стоить, Левко, слово сказать и все будетъ по твоему... Посмотри, посмотри!“ продолжала она, положивъ голову на плечо ему и поднявъ глаза вверхъ, гдѣ необъят-

но синѣло теплое Украинское небо, заѣшенное снизу кудрявыми вѣтвями стоявшихъ передъ ними вишенъ. „Посмотри, вонъ-вонъ далеко мелькнули звѣздочки: одна, другая, третья, четвертая, пятая. . . Не правда ли, вѣдь это Ангелы Божіе поощворяли окошечки своихъ свѣтлыхъ домиковъ на небѣ и глядишь на насъ? Да, Левко? Вѣдь это они глядишь на нашу землю? Что еслибы у людей были крылья какъ у пшпцъ — тудабы полѣтѣшь, высоко-высоко, . . . Ухъ страшно! Ни одинъ дубъ у насъ не достанешь до неба. А говорятъ однакоже, есть гдѣ-то, въ какой-то далекой землѣ, такое дерево, которое шумитъ вершиною въ самомъ небѣ и Богъ сходитъ по немъ на землю ночью передъ Свѣтлымъ Праздникомъ.“

— „Нѣтъ, Галю: у Бога есть длинная лѣсница отъ неба до самой земли. Ее становяшь передъ Свѣтлымъ Воскресеніемъ Святые Архангелы; и какъ только Богъ ступитъ на первую ступень, всѣ нечистые духи полѣзятъ спремглавъ и кучами попадаютъ въ пекло (адъ), и отъ того на Христовъ Праздникъ ни одного злаго духа не бываетъ на землѣ.“

— „Какъ тихо колышется вода, будто дыша въ люльки!“ продолжала Ганна, указывая на прудъ, угрюмо обставленный темнымъ кленовымъ лѣсомъ и оплакиваемый вербами, потопившими въ немъ жалобныя свои вѣтви. Возлѣ лѣса, на горѣ, дремала съ закрытыми ставнями старый деревянный домъ; мохъ и дикая трава покрывали его крышу; кудрявыя яблони разрослись передъ его окнами; лѣсъ, обнимая своею стѣною, бросалъ на него

дикую мрачность; орѣховая роща сплалась у подножія его и скатывалась къ пруду.“ (с. 135-138).

Это не Украина? . .

Еще рѣзче ознаменована печатью мѣстности *Пропавшая Грамота*. Замѣчательно, что *Ветеръ на кануны Ивана Купалы* содержаніемъ своимъ удивительно сходенъ съ одной повѣстью Тика: *Чары Любви*. Это можешь подать поводъ къ любопытнымъ соображеніямъ.

Въ предисловіи къ первой книжкѣ, *Рудый Панько* говоритъ: „лишь бы слушали да читали, а у меня пожалуй, лѣнь только проклятая рыться, наберется и на десять такихъ книжекъ“ (с. XIV). Слушаемъ и читаемъ: такъ не лѣнишься жь! . .

— Странникъ. *Согиненіе А. Вельмана. Часть II. Москва, въ тип. С. Селивановскаго, 1831.* — Разбирая *первую часть Странника* (Тел. N. 6), мы откровенно и добросовѣстно совѣщивали Г. Вельману обуздать свою неумолчную многорѣчивость, на которую ни у кого не станешь шерпѣнія. Не сердимся, но сожалѣемъ, что эпошъ искренній совѣтъ, внушенный радушнымъ участіемъ къ таланту Г. Вельмана, остался вшуне. *Вторая часть Странника* есть уже совершенное суесловіе. Не смѣемъ думать, чтобы Г. Вельманъ самъ находилъ удовольствіе въ этой несвязной и нелѣпой тарабарщинѣ: намъ кажется, что онъ хотѣлъ помистифицировать публику и попробовать, до какой степени можешь простирается ея добродушная доверчивость ко всему печальному. Это доказываешь чистосердечный эпилогъ, приложен-

ный нмъ, въ довольно затѣдливыхъ виршахъ, *на второй части Справника*:

Хотѣлось знать бы вамъ весьма,

И продолженіе письма,

Любезные чишасели!

Но продолжашъ вѣшь слѣзъ и словъ;

Такихъ уродливыхъ стиховъ

Изборъ рекрушскій, къ смѣху-ли?

Мое житье, мое былье,

Ты пушешесшвіе мое;

Моя Энциклопедія!

Пусть свѣтъ тебя возьметъ, прочтеть,

И отъ души произнесетъ:

Ей-Богу-ну комедія! (153, 154)

Да! Ей Богу! Ну комедія!...

— начальныя правила французскаго языка, собранныя, съ приложеніемъ собственныхъ замѣтаний, трудами Гейнриха Веплера. Часть I. Одесса, въ Город. Типогр. 1829. Часть II. СПб. въ тип. Крап., 1830. — начальныя правила италіанскаго языка, въ пользу Русскаго юношества, изложенныя трудами Гейнриха Веплера. Тетрадь I. Одесса, въ Город. Типографіи, 1831. — Г. Веплеръ, Содержатель Одесскаго Благороднаго мужскаго Пансіона, заслуживаетъ вниманіе къ похвальному усердію, съ коимъ занимается пользою юношества. Труды его вообще ознаменованы печашью пансіонской легкости. Они раздѣлены на шестради, главы и параграфы. Замѣчательна мысль, высказанная Г. Веплеромъ въ предисловіи къ *Правиламъ Французскаго языка*. „Знаніе природнаго своего языка“ — говоритъ онъ — „много облегчаетъ изученіе иностранныхъ языковъ — Въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже необходимо

нужно знать правила онаго.“ Ахъ! еслибы хотя для этихъ *нѣкоторыхъ слугаевъ* мы Русскіе старались узнавать правила отечественнаго языка своего! *Г. Веллеръ*, какъ первый податель столь благотѣтельнаго совѣта, заслужилъ бы тогда великую благодарность!

VII.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛѢДОВАНІЕ

ДОЛГОТЫ ЖИЗНИ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ

ВЪ ГЛАВНѢЙШИХЪ СТРАНАХЪ ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ.

(о *о к о н г а н і е*).

Не рѣдко случается слышать обвиненія успѣховъ гражданственности и производимаго ею благоденствія, въ размноженіи числа новыхъ болѣзней, влекущихъ за собой рядъ другихъ бѣдствій, кои подрываютъ основаніе человѣческаго здоровья: но исторія медицины опровергаетъ сіи обвиненія. Если въ новѣйшія времена замѣчаются нѣкоторыя болѣзни, не описанныя древними, то за то гораздо большее число гораздо ужаснѣйшихъ недуговъ почти совершенно теперь исчезло.

Однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ къ усовершенію медицинскихъ свѣденій была бы основательная исторія происхожденія, успѣховъ и революцій, испытываемыхъ болѣзнями, во всѣ времена и во всѣхъ странахъ; исторія, въ коей отдавалась бы надлежащая справедливость вліянію политическихъ и нравственныхъ произшествій на ихъ при-

ливы и отливы и изъ которой посему естественно можно было извлекать, по аналогіи, домашнія и полицейскія мѣры для уничтоженія или отъсращенія ихъ гибельнаго хода. Этой важной спирали еще не достаетъ въ философіи медицины. Геберденъ и Бланкъ одни собрали и обнародовали отъносительно сего предмета нѣсколько фактовъ и соображеній, коихъ важность спустя нѣсколько вѣковъ будетъ оцѣнена лучше. Вотъ результаты ихъ трудовъ, ограничивающихся по несчастію одной почти Англіей.

Изъ болѣзней, неизвѣстныхъ древнимъ, многія исчезли, другія еще существуютъ; нѣкоторыя подверглись измѣненіямъ и переворошамъ; наконецъ не многое число, кажется, принадлежитъ собственно временамъ новѣйшимъ. Между первыми особенно замѣчательны: проказа и пошвая горячка. Проказа явилась въ Европѣ въ одиннадцатомъ вѣкѣ, занесенная, говорятъ, Крестоносцами. Съ тѣхъ поръ во всѣхъ городахъ находились больницы, собственно для ней предназначенныя. Она исчезла въ Европѣ въ началѣ пятнадцатаго вѣка. Пошвая горячка зашла въ Англію съ войсками, завоевавшими ее при Генрихѣ VII, и свирѣпствовала въ ней, съ 1485 по 1551, съ ожесточеніемъ и смертоносностью, не уступающими почти чумѣ. Къ болѣзнямъ, которыя еще не исчезли, принадлежатъ: корь, оспа, венерическая болѣзнь и можетъ быть всѣ специфическія прилипчивыя болѣзни.

Заразы, подвергавшіяся измѣненіямъ въ силѣ и учащеніи, суть: чума, поносъ, перемежающіяся

лихорадки, прилипчивый тифусъ, скорбутъ и англійская болѣзнь.

Наконецъ нѣкоторыя сдѣлались теперь чаще, чѣмъ прежде; сюда принадлежатъ: скарлатинъ, чахотки, подагра, водяная болѣзнь, параличъ, апоплексія, различные роды сумасшествія и вообще всѣ болѣзни, коихъ главное мѣстопробываніе въ нервной системѣ. Приращеніе богатствъ, позволяющее большей части общества жить безъ нужды предаваться ручной работѣ; обширное распространеніе умственныхъ трудовъ; безпрестанно возрастающее число сидячихъ занятій; умноженіе торговыхъ и политическихъ выгодъ — преимущественно содѣйствуютъ преобладанію сихъ болѣзней, коихъ развитіе посему должно соображаться въ различныхъ странахъ съ различною степенью сихъ условий.

Если дикіе народы, подверженные только лихорадкамъ, флюсамъ и ревматизмамъ, почти не имѣютъ никакихъ другихъ болѣзней; то это должно приписать тому, что у нихъ еще въ младенчествѣ мрутъ дѣти слабаго и дурнаго сложенія, кои, въ нашихъ обществахъ, сохраняются попеченіями и искусственными средствами до болѣе зрѣлаго возраста и тогда гибнутъ жертвами болѣзней, для которыхъ не доступны люди крѣпкаго и здороваго сложенія.

Коротко сказать, кажется, только въ двухъ своихъ крайностяхъ, во время перваго дѣтства и совершенной зрѣлости, жизнь общественная наименѣе подвержена бываетъ разрушительнымъ бичамъ болѣзней; и что сила ихъ оказывае

дѣятельныя и опустошительныя въ періодѣ перехода ея изъ варварства къ гражданской образованности. Наипаснѣйшею изъ всѣхъ нынѣшнихъ болѣзней неоспоримо должно признать чахотку, зло ужасное, собирающее, можно сказать, десятиину съ поколѣній и пожирающее цѣлыя семейства. Отъ отношенія, въ коихъ она состоитъ теперь, въ нѣкоторыхъ странахъ, съ другими причинами смертности:

Парижъ и Лондонъ	22	чахот.	на	100	умерт.
Вѣна	17			100	
Петербургъ	1			6	
Нью-Йоркъ	1			5	
Восточная Индія	1			11	

Впрочемъ отношенія сіи не всегда сохраняются. Въ началѣ нынѣшняго вѣка, чахотка въ Лондонѣ испытала ощутительное уменьшеніе. Въ концѣ послѣдняго столѣтія, число умершихъ чахоткою простиралось отъ 15 до 22, на 100 общей смертности; съ 1799 по 1808, оно возвысилось до 27 на 100; съ 1808 по 1818, упало до 23, и наконецъ въ 1825 до 22 на 100.

Сколько не подвержено сомнѣнію вліяніе климата на здоровье человѣка и слѣдственно на смертность; столько достоверно и то, что человѣкъ съ своей стороны можетъ производить въ климатахъ весьма важныя перемѣны. Многіе мѣста, почиаемыя нынѣ отличнѣе здоровыми, обязаны тѣмъ единственно трудамъ рукъ человѣческихъ. За двадцать вѣковъ предъ симъ, Англія, Франція, Германія походили на Канаду и Кишайскую Татарію, которыя, подобно Европѣ, отда-

лены на равное разстояніе отъ полюса и экватора. Макиавели постигъ сію истину: „неблагопріятствующія здоровью страны, говоритъ онъ, перестаютъ быть таковыми, коль скоро народонаселеніе ихъ значительнымъ образомъ увеличивается; земля, людьми обрабатываемая, лишается злоторныхъ своихъ качествъ; а огни, ими возжигаемые, очищаютъ воздухъ; вопъ выгоды, коихъ природа сама собой доставить не можешь.“

Однѣ только постоянныя усилія людей могутъ упрочить здоровость какого бы то ни было мѣста: кольже скоро онъ хотя на мгновеніе прерываются, или если благоденствіе и образованность обитателей приходятъ въ упадокъ, то немедленно въ ндрахъ земли зараждающа сѣмена болѣзни. Число лихорадокъ всегда увеличивалось въ Римѣ по мѣрѣ уменьшенія народонаселенности. Извѣстно, что климатъ Соединенныхъ Штатовъ значительно шеперь улучшился чрезъ осушеніе почвы, истребленіе лѣсовъ и землепашество. Въ нихъ, многія мѣста, нагубныя первобытнымъ колонистамъ, нынѣ служатъ здоровыми жилищами. Безпрерывное улучшеніе климата Америки служитъ доказательствомъ, что власть чловѣка простираясь на самую природу, можешь производить такіа послѣдствія, которыа, по огромности и разнообразію основныхъ причинъ своихъ, казались совершенно внѣ круга его дѣйствій. За сто лѣтъ предъ симъ, въ Гвіанѣ, ошдаленной отъ экватора на пять градусовъ, первые обитатели, жившіе среди необозримыхъ лѣсовъ, принужденны были разводить ночью огонь, по причинѣ

холода; но съ уменьшеніемъ лѣсовъ уменьшилась и продолжительность дождливаго времени, и жаръ нынѣ до того тамъ силенъ, что огонь не только не нуженъ, но даже излишенъ. Громъ безпрерывно гремитъ надъ лѣсами, но рѣдко надъ воздѣланными мѣстами.

И въ климатѣ Европы произошло большое измѣненіе. Сравнивая настоящее его состояніе съ тѣмъ, о коемъ повѣствуютъ древніе писатели, усматриваемъ значительное между ними различіе, которое ни чему иному приписать нельзя, какъ вліянію промышленности на улучшеніе почвы земли; и нѣтъ сомнѣнія, что Америка насладишься тѣми же выгодами, когда, со временемъ, промышленность таковыми же трудами улучшитъ ее почву. Цезарь повѣствуетъ, что, въ его время, зимній холодъ препятствовалъ въ Галліи разведенію виноградныхъ лозъ. Лоси, которыхъ нынѣ находятся только въ Лапландіи, водились тогда въ Пиринейскихъ Горахъ; Тибръ часто замерзалъ, и земля въ окрестностяхъ Рима покрывалась снѣгомъ, въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, что въ наше время весьма рѣдко случается.

Долго предполагали навѣрное, что бѣдность содѣйствуетъ долголѣтію, потому что избавляетъ отъ множества болѣзней, причиняемыхъ роскошью и избыткомъ; а изъ этого заключали, что если человекъ богатый хочетъ долго жить, то долженъ подражать образу жизни крестьянина и довольствоваться пищею, имъ употребляемой. Нынѣ, напрошивъ того доказано, что вообще

бѣдность, и, неразлучныя съ нею, холодъ и сырость, наиболѣе вредятъ здоровью и препятствуютъ долголѣтію; и что довольство есть наиблѣжайшій стражъ здоровья. Взявъ равное количество дѣшей изъ класса богатаго и класса бѣднаго, видимъ, что въ послѣднемъ умираетъ вдвое болѣе противъ перваго. Гдѣ болѣе недостатка, тамъ болѣе смертности. Дознано, что эпидемическія болѣзни начинаются всегда и оканчиваются въ наибѣднѣйшихъ классахъ народа; въ нихъ-то онѣ наиболѣе свирѣпствуютъ: и не удивительно, что женщины (по крайней мѣрѣ въ Англіи) умираютъ въ меньшемъ количествѣ, и живутъ долѣе мужчинъ; ибо онѣ, обыкновенно, менѣе ихъ подвергаются различнымъ опасностямъ, перемѣнѣ климата и тяжкимъ трудамъ. Во Франціи, гдѣ женщины, какого бы то ни было званія, принимаютъ болѣе дѣятельное участіе во всякаго рода дѣлахъ, гдѣ, въ послѣднихъ классахъ общества, раздѣляютъ даже съ мужчинами ручныя и вѣдшія работы; смертность ихъ, съ 1817 по 1823, равнялась смертности мужчинъ. Самъ Бюффонъ замѣтилъ, что въ большей части плугомъ обрабатываемыхъ округовъ, смертность женщинъ нѣсколько превышаетъ смертность мужчинъ, по причинѣ трудовъ, несоотвѣщающихъ ихъ сложению, коимъ онѣ принуждены бывать предаваться и которыя на крестьянку, достигшую еще 40 лѣтняго возраста, полагаютъ печать преждевременной дряхлости.

Вопреки мнѣнію многихъ, доказано, что занятия науками вообще способствуютъ долго-

вѣчности: такъ Франкини, изслѣдовавъ время смерти 70 Италіянскихъ математиковъ, изъ 1,041, нашель, что 18 изъ нихъ достигли 80, двое, 90 лѣтъ; и то еще въ южномъ климатѣ, менѣе другихъ благопріятствующемъ долговѣчности. Дознано, что во Франціи, для каждаго изъ 172 человекъ, взяшихъ наудачу изъ посвятившихъ себя исключительно наукамъ или словесности вообще, 69 лѣтъ составляетъ среднюю пропорцію жизни, что приписать должно сколько вліянію просвѣщенія на образъ жизни, столько и самому роду занятій.

Весьма естественно, что недостатки и бѣдность не только сокращаютъ жизнь, но иногда поражаютъ болѣзни, которыя, разпространяясь, постепенно сообщаются и людямъ, въ благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ находящимся. Эпидемическія болѣзни въ Европѣ болѣею частью происходятъ отъ нищеты, господствующей въ низшихъ классахъ общества. Голодные годы, переходы войскъ, война и прерывъ обыкновенныхъ занятій, между людьми бѣдными, поражаютъ болѣзни, которыя нерѣдко сообщаются и богатымъ; такъ что, еслибъ состраданіе не заставляло имѣть попеченія о нуждающихся, то собственная безопасность богачей, долженствовалабы побудить ихъ, изыскивать средства къ прекращенію бѣдности, или по крайней мѣрѣ къ ея облегченію. Если чума давно уже не свирѣпствуетъ у насъ, то мы симъ не столько обязаны случайному отсутствію плетворна-

го, сколько произшедшей перемѣнѣ въ нравахъ, опрятности и чистотѣ воздуха въ домахъ.

Англичане радуются и дивятся здоровью, коимъ наслаждаются войско и флотъ ихъ въ весьма дальнемъ разстояніи отъ береговъ Англіи, что доказано преимущественно послѣднею Испанскою войною. Дѣйствительно ни одному полководцу древнихъ и новѣйшихъ временъ не содѣйствовали медики такъ успѣшно, какъ главнокомандующему Англійскихъ войскъ въ Испаніи. Въ 10 мѣсяцевъ, протекшихъ между осадой Бургоса и битвой при Викторіи, въ госпитали поступило больныхъ и раненыхъ болѣе 95,000; но старанія медиковъ были до того успѣшны, что передъ сраженіемъ въ арміи считалось только 5,000 больныхъ. Этого не довольно. Послѣ сраженія, въ продолженіе двадцати дней, она была въ непрерывныхъ движеніяхъ протѣкать непріятеля; и не взирая на то, черезъ мѣсяць, на смотру, оказалась столь же многочисленною, какъ и до сраженія, за исключеніемъ 30 человекъ, хотя ни откуда не получала подкрѣпленія. Сравнимъ же это съ повѣствованіями Ксенофонта, Цезаря и Полибія, о переходахъ войскъ въ древнія времена!

Улучшенія сіи наиболѣе замѣтны во флотѣ. Въ 1744 году, судно Капитана Ансона находилось въ морѣ 143 дня сряду, нигдѣ не приставая къ берегу, чѣмъ бы запасись свѣжей водою. Когда Ансонъ прибылъ въ Жуан - Фернандесъ, то половины людей его не было въ живыхъ, а изъ оставшихся 200 человекъ, только восемь бы-

ли въ состояніи исправлять службу. Напрошивъ того, въ 1794 году, семидесятичетырехпушечный корабль Суффолкъ, 162 дня не имѣлъ сообщенія съ берегами и прибылъ въ Индію не потерявъ ни одного человека; ни одинъ даже малярь не заразился ни скорбутомъ, ни другой опасной болѣзнію. Всеми извѣстно, какимъ успѣхомъ увѣщались попеченія Кука, и потомъ Капитана Парри, о сохраненіи здоровья ихъ экипажа. Перемена, произшедшая въ дѣйствительной силѣ Англійскихъ моряковъ такъ значительна, что нынѣ два корабля приносятъ службѣ болѣе пользы, нежели сколько приносили при равнотильныхъ судна, при старинной системѣ. Въ 1813 году, смертность на Англійскомъ флотѣ, въ разныхъ частяхъ свѣта, включительно съ больными въ госпиталяхъ, составляла 1 на 42.

Гуфландъ, по многочисленнымъ изслѣдованіямъ, утверждаетъ, что относителное количество мужчинъ къ женщинамъ, почти въ цѣлой вселенной, одинаково; то есть, что можно полагать 21 мужчину на 20 женщинъ. Нѣкоторые путешественники предполагали, что въ жаркихъ климатахъ рождается болѣе женщинъ, нежели мужчинъ. Вѣроятно мысль эту внушили имъ серали, въ которыхъ болѣе жители Востока держатъ на заперти множество женщинъ. Въ слѣдствіе сего, то предубѣжденія Монтескѣ утверждалъ, что во многихъ странахъ должно допустить многоженство. Но ни одинъ статистическій фактъ не подтверждаетъ сей теоріи; между тѣмъ,

изъ списковъ окрещеннымъ дѣтямъ, веденныхъ Транквебарскими миссіонерами, изъ швабскихъ же списковъ, веденныхъ Голландцами въ Амбойнъ и Батавіи, и изъ свѣдѣній, собранныхъ Нибуромъ въ Багдадѣ и Бомбаѣ, явствуешь, что какъ на Востоку, такъ и въ Европѣ, пропорція между обоими полами одинакова а).

Значительное произошло измѣненіе и въ количествѣ родящихся, относительно къ числу вступающихъ въ бракъ, какъ видно изъ результатовъ послѣднихъ наблюденій, сдѣланныхъ въ 1788 году въ Сен-Доминго, гдѣ считалось двое новорожденныхъ на трехъ бракосочетающихся, и оцѣновъ, представляемыхъ нынѣ нѣкоторыми Шотландскими селеніями, гдѣ число родящихся дѣтей не бываетъ менѣе семи на семейство. Въ Парижѣ оно = 2, 44; во всей Франціи 4, 21; а въ Англіи 4, 22. Вездѣ, гдѣ съ давнихъ временъ ведутся списки родящимся, умирающимъ и бракосочетающимся,

а) Г. Жирю, изъ многократныхъ оцѣновъ надъ животными, выводитъ слѣдующее заключеніе: если самецъ слишкомъ молодъ, а самка напротивъ того въ полной силѣ, то родится еще нѣкъ болѣе самокъ, нежели самцовъ, и обратно. И такъ, следуя сему правилу, можно имѣть, по желанію, большее количество самокъ или самцовъ въ овчарняхъ, на конскихъ заводахъ, или въ пчелиникахъ. Г. Жирю, приравнявъ изысканія сіи къ роду человѣческому, заключилъ что нѣкоторыя занятія, напримѣръ земледѣлство, способствуютъ увеличенію мужскаго населенія, между тѣмъ какъ другія, какъ-то: рукодѣлье, торговля, содѣйствуютъ распространенію женскаго пола.

вообще замѣчено, что улучшение общественнаго здоровья и уменьшеніе эпидемическихъ болѣзней идутъ рука объ руку съ соотвѣстственнымъ уменьшеніемъ бракосочитающихся и новорожденныхъ. Въ государствахъ, подвинувшихся впередъ на пути образованности, преждевременные, неблагоприятные браки становятся рѣже, а вмѣстѣ съ тѣмъ и число родящихся становится меньше. Такъ, напримѣръ, въ Англіи бракосочитающихся было.

въ 1750 . .	1 на 115 жит.
1801. . .	1 — 123 а родившихся 1 на 34,8
1811. . .	1 — 126 1 — 35,3
1821. . .	1 — 131 1 — 136,58

Этого достаточно для успокоенія поверхностныхъ наблюдателей, утѣшающихся тѣмъ, что народонаселеніе превыситъ наконецъ средства, доставляемые природой.

Смертность бываетъ сильнѣе или слабѣе, сообразно съ лѣтами. Слѣдующая таблица, обнародованная въ 1827 году въ Нью-Йоркѣ, служитъ тому доказательствомъ.

Изъ 5,181 человекъ, умершихъ, въ томъ году, въ Нью-Йоркѣ, было :

ниже 1 года	1,336
отъ 1 до 2 лѣтъ	546
— 2 — 5 —	389
— 5 — 10 —	185
— 10 — 20 —	192

отъ 20 до 30	—	.	.	.	.	.	.	682
— 30 — 40	—	.	.	.	.	.	.	657
— 40 — 50	—	.	.	.	.	.	.	501
— 50 — 60	—	.	.	.	.	.	.	285
— 60 — 70	—	.	.	.	.	.	.	221
— 70 — 80	—	,	.	.	.	.	.	124
— 80 — 90	—	.	.	.	.	.	.	50
— 90 — 100	—	.	.	.	.	.	.	12
свыше 100	—	.	.	.	.	.	.	1

Слѣдственно, высшая степенъ смертности бываетъ на первомъ году, а меньшая отъ 5 до 20 лѣтъ. Но за симъ наступаетъ бурная эпоха, отъ 20 до 40 лѣтъ, время, въ которое смертность значительно усиливается.

Труднѣе опредѣлить различіе въ смертности двухъ половъ, въ разные лѣта. Достоверно однако, что, переступивъ за средніе годы жизни, число умирающихъ женщинъ многимъ превышаетъ количество мужчинъ. Такъ, на примѣръ, въ Ирландіи, изъ 17 умершихъ послѣ 90 лѣтняго возраста, было 6 мужчинъ и 11 женщинъ. Въ Ваап-ландѣ, 1824 года, изъ 26 скончавшихся, свыше означеннаго возраста, умерло 8 мужчинъ и 18 женщинъ. Наконецъ, въ 1823 году, въ Швеціи, изъ 100 человекъ, переступившихъ за сто лѣтъ, умерли 1 только мужчина и 4 женщины. Въ слѣдующей таблицѣ, составленной господиномъ Риккманомъ, въ ревизіи 1821 года, показано количество особъ обоихъ половъ, имѣющихъ различные возрасты. Въ ней условное число мужчинъ и женщинъ = 10,000.

свы- ше лѣт.	опъ 5 до 10.	опъ 10 до 15.	опъ 15 до 20.	опъ 20 до 30.	опъ 30 до 40.	опъ 40 до 50.	опъ 50 до 60.	опъ 60 до 70.	опъ 70 до 80.	опъ 80 до 90.	опъ 90 до 100.	свы- ше 100.
М.	1538	1343	1169	988	1470	1153	941,0	665,6	447,6	221,9	56,25	4,15
Ж.	1444	1268	1056	995	1684	1210	932,6	653,3	458,0	228,2	64,85	7,55
М.	1514	1407	1210	1009	1433	1109	871,4	646,3	474,8	243,6	74,09	7,54
Ж.	1382	1281	1902	1003	1560	1163	911,6	672,6	535,5	281,4	104,76	10,95
М.	1494	1357	1247	1032	1490	1095	895,4	649	458,1	216,3	58,22	6,71
Ж.	1294	1177	1057	1048	1769	1204	937,9	711,6	502,2	225,5	65,18	7,42
М.	1397	1095	936	865	1718	1548	1203	730	353	128	22	1,69
Ж.	1216	995	834	959	2062	1567	1092	690	388	156	34	3,03
Лонд.												0,21
Шотл.												6,32
Англ.												6,32

Господинъ Жиру де Бузарейиъ, въ послѣднее время, сообщая Академіи Наукъ весьма любопытныя замѣчанія о неравенствѣ пропорцій новорожденныхъ обоихъ половъ въ разныхъ Департаментѣхъ Франціи; но прежде, нежели принять замѣчанія сіи за общее правило, надобно чѣмъ онѣ были повторены въ большемъ размѣрѣ.

Обозрѣвъ такимъ образомъ различныя измѣненія смертности, бросимъ взоръ на то, что содѣйствовало, особенно, въ Англіи, столь очевидному ея уменьшенію. Не будемъ говорить о частныхъ причинахъ: ихъ нынѣ умѣютъ цѣнить лучше прежняго, и мы всюду видимъ счастливые результаты слѣдствій яснѣйшаго о нихъ понятія.

Замѣтимъ, что главнѣйшею изъ общихъ причинъ есть разпространеніе торговой и земледѣльной промышленности, доставившей дозволеніе послѣднимъ классамъ общества, и давшей имъ средства имѣть жилища, болѣе просторныя, нежели прежде, чаще перемѣнять бѣлье, имѣть пищу болѣе здоровую и достаточнѣйшую; такъ что нынѣ можно опредѣлять среднюю степень смертности и здоровья цѣлаго народа вообще, помірѣ шого, какъ правительствовало поощряющъ промышленность, или по препонамъ, кои ей поставляетъ. Между здоровьемъ народа и политическими измѣненіями существуетъ тѣсная связь; и нѣтъ никакого сомнѣнія, что сила физическая или телесная, равно какъ способность переносить тяжкіе труды а), у всѣхъ народовъ земнаго шара имѣ-

а) Наблюденія Мерона, во время его путешествія въ Австралію, подтверждають сіе предположеніе. Онъ на-

ють непосредственное соотношеніе съ ихъ благоденствіемъ и образованностію.

Легко постичь различіе въ нравственномъ и физическомъ устройствѣ, между празднымъ

и трудящимся, что обитатели Новой Голландіи болѣе имѣютъ силы въ рукахъ и поясницѣ, нежели жители Ван-Димена, что уроженцы острова Тимора сильнѣе уроженцовъ Новой Голландіи, и что Французы, хотя сильнѣе всѣхъ ихъ, уступаютъ однакоже Англичанамъ. Баронъ Дюпенъ, въ первой лекціи курса Прикладной Геометріи рассказываетъ, что на Шарантонскомъ лишейномъ заводѣ Вильсона и Шампи, не нашлось ни одного Француза, способнаго выдерживать кузнечную работу въ теченіе потребнаго времени. Должно было выписывать изъ Англіи рабочихъ, безсмыслии и болѣе усердныхъ и искуснѣйшихъ, но одаренныхъ болѣею нѣлесною силой: что Г. Дюпенъ и приписываетъ различію въ пищу, употребляемой рабочими людьми обѣихъ націй. Во Франціи, и особенно въ Парижѣ, рабочий употребляетъ пищу слишкомъ легкую, состоящую изъ супа, сыра, овощей и нѣсколькихъ золотниковъ говядины. Экономія сія происходитъ отъ различныхъ причинъ: отъ желанія упрочить благосостояніе свое на будущее время, или отъ угожденія тщеславію женою и дѣтей, или наконецъ отъ страха разжиться по воскресеньямъ деньгами, заработаннымъ въ теченіе недѣли, на удовольствіи и излишества, сколько вредныя для здоровья, какъ и постъ, доставившій средства предаться имъ. Напротивъ того, Англійскій ремесленникъ прежде всего заботится о сытной пищѣ, состоящей болѣею честию изъ баранины и жареной говядины. Излишества, коимъ онъ предается, не вредятъ его здоровью, ибо дѣйствующую на сложеніе не слабое, не истощенное. Отъ того-то онъ способенъ переносить тяжкіе труды и менѣе досаждаетъ болѣзнямъ, опаснымъ для сложенія слабаго, а если когда и занемогаетъ, то въ силахъ долѣе бороться съ недугомъ, слѣдственно имѣетъ болѣе возможности выздоровѣть.

обитателемъ безлюднаго города, печально, безъ цѣли блуждающимъ по безмолвнымъ улицамъ, по мостовой, поросшей правою, и между дѣлательнымъ гражданиномъ, который чувствуетъ себя членомъ цвѣтущаго общества, и котораго все призываетъ къ развитію природныхъ его спосеобностей.

Доказано, что въ Англіи и въ городахъ, средняя пропорціи умирающихъ менѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ Европы. Сюда присовокупить можно, что въ Англіи, тѣлесныя и умственныя силы сохраняются долѣе, нежели гдѣ либо; ни гдѣ не бываютъ такъ слабы признаки приближенія старости, нигдѣ шакъ мало не проявляются они въ наружности. Сіе соотношеніе здоровья и силъ замѣтно даже въ живошныхъ и растѣніяхъ Англіи; и если изъяснить превосходство ихъ, изъ попеченій о нихъ принимаемыхъ, то тѣмъ изъяснится и совершенство физическаго бытія человѣческаго, о которомъ тамъ болѣе радятъ, и которое умѣютъ цѣнить выше чѣмъ гдѣ либо.

Если нравственныя и политическія причины щакъ непосредственно дѣйствуютъ на зародышъ и силу болѣзней, то медики обязаны изслѣдовать ихъ печеніе и пользоваться результатами. Каждый возрастъ имѣетъ свои болѣзни; и можно сказать, свойственный себѣ способъ лѣченія. Врачебное искусство, освобожденное отъ нелѣпыхъ таинствъ, порожденныхъ невѣжествомъ, не можешь домогаться продлить жизнь человѣческую далѣе предѣла, первоначально ей назначеннаго, но имѣетъ цѣлію довести слабого до естествен-

ныхъ границъ бытія его. Вообще причины, сокращающія жизнь человѣка, суть тѣ, кои составляютъ его несчастіе. Гдѣ народъ наслаждается высшей степенью благоденствія, благоразумнымъ просвѣщеніемъ и нравственнымъ чистотою, тамъ большая часть людей доживаетъ до срока, природой предначиненнаго.

(ЭКСТРАКТЪ) А. Ш.

VIII.

НОВОСТИ

НАУКЪ И ИСКУССТВЪ.

— НАБЛЮДЕНІЯ НАДЪ ЕГИПЕТСКОЮ ПОРОДОЮ ЛЮДЕЙ. — Въ засѣданіи Парижской Академіи Наукъ, 7 Ноября, Дюро де ля Мальи читалъ любопытную записку объ отличительныхъ примѣтахъ Египетской породы людей. Спрашно, что при нынѣшнемъ состояніи фізіологіи и антропологіи, сія столь рѣзко выражающаяся отлѣтна бѣлой или Кавказской породы ускользала отъ вниманія естествоиспытателей. Обитатели древняго Египта принадлежали хотя къ Европейскому поколѣнію, по отличаясь отъ него особеннымъ образованіемъ черепа. Еще Винкельманъ сдѣлалъ замѣчаніе, что на головахъ Египетскихъ статуй ухо лежитъ гораздо выше, чѣмъ на Греческихъ статуяхъ. Онъ не умѣлъ изъяснить иначе этой странности, какъ предположивъ, что Египтяне съ намѣреніемъ помѣщали такъ высоко уши въ изображеніяхъ своихъ царей, подобно какъ Греческіе художники увеличивали уголь лица у

своихъ боговъ. Въ Туринскомъ Музеумъ, столь богатомъ Египетскими Древностями, это особенное образованіе видно въ головахъ Фты, Мериса, Рамсеса и другихъ, кои всѣ принадлежали къ Египетско-Кавказскому поколѣнію. Теперь тоже самое образованіе замѣчено и въ муміяхъ; у кошорыхъ уголь лица совершенно сходенъ съ Европейскимъ: опверсіе уха находится у нихъ такъ высоко, что горизонтальная линія, чрезъ него проходящая, пересѣкаетъ глазъ; тогда какъ у Европейцевъ оно лежитъ на ровнѣ съ концемъ носа. Сверхъ того виски у мумій оказываются значительно вдавленными. Эта достопримѣчательная разность человѣческаго рода не исчезла еще совершенно съ лица земли: въ головахъ жителей Верхняго Египта; потомковъ древнихъ Египтянъ, замѣчается понынѣ этотъ характеристическій признакъ. У Профессора народнаго Арабскаго Языка, Іліи Боктора, уроженца Египетскаго, кошорый двадцать лѣтъ жилъ въ Парижѣ образованіе сіе было особенно замѣтно. (М. В.)

— ЛЮБОПЫТНЫЕ ПРИМѢРЫ ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХЪ СНОВЪ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ ДОКТОРОМЪ АВЕРКОМБИ. — Теорія душевныхъ способностей сдѣлается настоящею наукою тогда, когда факты, на коихъ она опирается, будутъ наблюдаемы точно и собираемы тщательно. Игра ихъ, во время усыпленія органовъ, ими дѣйствующихъ, и воли, ими управляющей, особенно любопытна для наблюденія: ибо тогда душа покаряется однимъ законамъ природы. Посему психологія не должна пренебрегать снами, если хочешь про-

пикнуть въ начало, ихъ производящее. Докторъ Аберкомби, въ своихъ *Исслѣдованіяхъ о Разумѣ-
ніи*, выставяя многія необыкновенныя явленія, за достовѣрность коихъ ручается. Вотъ одно, кошорое онъ причисляеть къ классу сновъ, возбуждающихъ усыпленныя идеи. „Одинъ изъ моихъ друзей“ — говоритъ онъ — „кассиръ одного изъ главныхъ банкировъ въ Гласгау, сидѣлъ однажды въ конторѣ, занимаясь вы-
дачей плашежей, какъ одинъ незнакомый человекъ подалъ ему билетъ въ шесть фунтовъ стерлинговъ. Многіе уже дожидались своей очереди и должны были получить плашежъ прежде его: но эшотъ, по несчастію безпощадный занка, показывалъ столько нетерпѣнія, производилъ такой ужасный шумъ и до того надоѣлъ всѣмъ другимъ, что одинъ изъ нихъ попросилъ моего пріятеля разчесать и выпроводить поскорѣ этого докучнаго гостя. Такъ и поступилъ онъ, не безъ нѣ-
которой досады, и, развлекшись, забылъ внести въ книгу учиненную выдачу. При концѣ года, спу-
стя восемь или девять мѣсяцовъ послѣ этого приключенія, онъ не могъ никакъ свести своихъ счетовъ: что ни дѣлалъ онъ, все выходилъ недоспашокъ именно шести фунтовъ стерлинговъ. Проведши нѣ-
сколько дней и ночей въ безполезныхъ розыскахъ, изнуренный усталостью, легъ онъ спать. И во время сна вдругъ видѣлся ему докучливый занка, громко требующій плашы по билету, и вся сцена, кошорую мы рассказали, съ малѣйшими подробностями. Другъ мой пробуждается съ надеждою, что эшотъ благословенный сонъ навелъ его на пушь истинный и что конечно этихъ шести фунтовъ

не достаесть въ кассѣ. — Разсмотрѣвъ книги, онъ увидѣлъ, что выдача заикъ дѣйствительно была не записана.“

Аберкомби рассказываетъ еще два сна, относимые имъ къ классу шѣхъ, въ коихъ живое чувство души какбы воплощается въ образъ, соотвѣтствующему, невѣдомо какъ, современному дѣйствительному событію. „Одинъ священникъ, пріѣхавъ изъ сосѣдней деревни въ Единбургъ, провелъ ночь въ гостинницѣ. Здѣсь, во время сна, видится ему, что его домъ загорѣлся и что одинъ изъ его дѣтей подвергается опасности лишиться жизни. Немедленно онъ всстаетъ, спѣшитъ оставить городъ и едва выходяиъ вонъ изъ стѣнъ, какъ видитъ дѣйствительно домъ свой въ огнѣ и прибѣгаетъ именно во время, чтобы спасти одного изъ малѣйшихъ дѣтей своихъ, котораго въ суматохѣ забыли среди огня.“ Вотъ другое явленіе. „Одинъ Единбургскій житель былъ пораженъ аневризмомъ берцовой артеріи. Два отличные хирурга, у коихъ онъ былъ на рукахъ, должны были чрезъ нѣсколько дней сдѣлать операцію. Женѣ больного вдругъ снился, что болѣзнь пропала и что предполагаемой операціи совсѣмъ ненужно; и въ самомъ, дѣлѣ поутру больной разсматривая свою болѣзненную часть, къ изумленію своему, увидѣлъ, что не осталось ни малѣйшихъ слѣдовъ болѣзни.“ Должно однако замѣтить, что подобныя излѣченія бывають весьма рѣдки и что болѣзни очень трудно разрѣшиться такимъ образомъ безъ пособія искусства. (R. B.)

IX

ТЕАТРЪ.

ГОРЕ ОТЪ УМА,

КОМЕДІЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ, А. ГРИБОВОДА.

Наконецъ *Горе отъ Ума* явилось и на нашей сценѣ. Петербургъ имѣлъ прежде это удовольствіе: тамъ комедія давно играется вся вполнѣ. Но у насъ, въ Москвѣ, по сю пору, она давалась только ошрывками. Ноября 27, она получила здѣсь полное сценическое существованіе.

Кому не извѣстно это странное созданіе *Грибодова*? Молва ходила, ходила объ немъ вездѣ, и наконецъ — уходилась. Затаскавшись въ спискахъ, большею частію искаженныхъ и обезображенныхъ, *Горе отъ Ума* препровождено уже было въ архивъ воспоминаній, эту широкую и глубокую могилу, въ которую общесмысліе, столь непостоянное, рано или поздно сваливаетъ всѣ свои игрушки. Нѣсколько счастливыхъ фразъ и рѣзкихъ выходокъ, оброненныхъ имъ во время нудшества по гостиннымъ, остались ходячими оспрошами бонтоннаго разговора, но такъ, что клеймо ихъ происхожденія заперлось отъ вседневнаго употребленія. Коротко сказать, *Горе отъ Ума* оживало уже почти вѣкъ свой, какъ появленіе на сценѣ воззвало его снова къ жизни. И теперь-то, сосредоточивая на себѣ общее, живое вниманіе, это, любопытное во многихъ отношеніяхъ, произведеніе, становится доступнымъ для подробнѣйшаго изслѣдо-

ванія и вѣрнѣйшей оцѣнки, коимъ не было еще подвергнуто.

Надобно видѣть *Горе отъ Ума* на сценѣ, чтобы удостовѣриться рѣшительно, какъ мало въ этой пьесѣ драматическаго. Первый и второй актъ, не смотря на остроумія, коими засыпаны, слишкомъ ощутительно отзываются пустою дѣйствіемъ. Пестроса знообразіе лицъ и бальная сумятица даютъ еще нѣкоторое движеніе концу третьяго акта: четвертый держится только запѣвливой новостію небывалой на нашемъ театрѣ сцены разѣзда. Но вообще, совершенное отсутствіе дѣйствія въ пьесѣ изобличается тѣмъ, что содержаніе и ходъ ея не привлекаютъ къ себѣ никакого участія, даже не раздражаютъ любопытства. Актъ смѣняются другъ друга, какъ подвижныя картины въ діорамѣ, доставляя удовольствіе собою, каждый порознь, но не производя никакого цѣльнаго эффекта. Взаимная связь и послѣдовательность сценъ, ихъ соснавливающихъ, отличается совершенною произвольностію, и даже иногда рѣзкою неестественностію, нарушающею всѣ приличія драматической истины. На театрѣ особенно бросается въ глаза, какимъ образомъ старикъ *Фамусовъ*, заставъ дочь свою, едва не въ спальнѣ у ней съ *Молчалинымъ*, начинаешь болтать всякой вздоръ и вершить все дѣло тѣмъ, что уходитъ спокойно подписывать бумаги? Да и предлогъ этотъ, коимъ *Молчалинъ* вывертывается изъ бѣды, какъ могъ показаться ему благовиднымъ? У *Молчалина* въ то время никакихъ бу-

магъ съ собой не было и немогло быть: ибо онъ шелъ на свое ночное дежурство къ дочери, вѣроятно, никакъ не предполагая встрѣтиться съ батюшкой. Еще страннѣе и неестественнѣе слѣдующая сцена перваго свиданія *Софьи Павловны* съ *Чацкимъ*. Какъ возможно, чтобы сей послѣдній, послѣ прехлѣпней разлуки съ своей возлюбленной, едва увидѣвъ ее, съ первыхъ словъ пускается острить, колоть и злословить всю родню ея, всѣхъ знакомыхъ, всю Москву, и притомъ тогда еще, когда необыкновенно холодный пріемъ долженъ былъ огромишь его совершенно? Въ представленіи эта невозможность поразительна. Мы не будемъ уже входить въ дальнѣйшія подробности; не будемъ, на примѣръ, спрашивать, какъ и для чего припущана ко второму акту сцена паденія съ лошади *Молгалина*; къ какой стати и съ какою пользою для піэсы *Репетиловъ* прилетаетъ, къ концу ея, сломя голову; какъ и зачѣмъ *Софья Павловна* сама рѣшается на опасное ночное путешествіе внизъ, когда *Молгалину* такъ хорошо была извѣстна дорога въ ея спальню; какимъ образомъ наконецъ послѣдняя сцена, происходящая подъ лѣсницей, не расстроживъ находившагося вблизи швейцара, могла дойти до *Фамусова*, котораго кабинетъ и спальня вѣроятно были не въ соседствѣ съ передней, и заставивъ уставшаго старика бѣжать внизъ, дозоромъ, съ лакеями? Замѣтимъ только, что даже мнимое сумасшествіе *Чацкаго*, составляющее единственный призракъ интриги, запутывающей и шевелящей нѣсколько піэсу, не вытекаетъ нисколько

ко изъ ея состава и хода, а примыкается къ ней такъ, совершенно случайно, по поводу одного словца, нечаянно вырвавагося у *Софьи Павловны*. Коротко сказать, явленіе *Горя отъ Ума* на сценѣ, показываетъ, что оно писано со-всѣмъ не для сцены!

Но, произнося этотъ неліценпріятный приговоръ, мы въ тоже время признаемся, что представленіе *Горя отъ Ума* видѣли съ удовольствіемъ. Отъ чегожъ это происходитъ? Отъ того, что эта пѣса имѣетъ другія достоинства, развлекающія безпрестанно вниманіе и не допускающее соскучиться драматическою ея пустою. *Горе отъ Ума* не есть комедія, но живая сатирическая картина, вставленная въ сценическія рамы. Эта картина представляетъ нашу добрую старушку Москву, съ ея сипранностями, причудами и капризами. Нѣтъ нужды, что фигуры, изъ коихъ она составлена, не движутся драматическою жизнію: ихъ фیزیоміи, изображающія различные опшѣнки Московскаго быта, такъ вѣрно схвачены, такъ рѣзко обрисованы, такъ счастливо поставлены, что невольно засматриваешься, признаешь подлинники и хохочешь. Всѣ сипихи Московской паркешной жизни имѣютъ въ ней своихъ живыхъ, списанныхъ съ натуры, представителей. Это панорама гостинныхъ Москвы, неподвижная, но выразительная, яркая, живописная!

И такъ вотъ гдѣ корень удовольствія, съ коимъ *Горе отъ Ума* принималось, принимается и будетъ приниматься! Произведеніе сіе, не смотря на свою

сценическую несообразность, можешь долго держаться и имѣть зрителей, какъ живой документъ изъ лѣтописей общественной жизни. Его захочется повидѣть и нашимъ дѣтямъ, какъ намъ нынѣ хочется видѣть изрѣдка *Недоросля*. Обѣ сіи піесы останутся для потомковъ нашихъ любопытными фактами, по которымъ они будутъ оправдывать ходъ и постепенность нашего просвѣщенія. Въ теченіе пятидесяти лѣтъ разделяющихъ эти два произведенія, наша общественная физиономія конечно значительно измѣнилась: но это измѣненіе относится только до ея наружности; фондъ остается пока тотъ же. Безсомнѣнія есть дистанція между *Простаконинымъ* и *Фамусовымъ*, между *Тарасомъ Скотниковымъ* и *Сергѣемъ Сергѣичемъ Скалозубомъ*: но это дистанція не огромнаго размѣра! Одно и то же начало двигаетъ ихъ мыслями и дѣйствіями:

Ученье зовѣтъ чума!

Это начало, выращавшее прежде въ степной глуши *Митрофанушекъ*, не умѣющихъ различить существеннаго отъ прилагательнаго, производящихъ нынѣ на выложенномъ паркѣтѣ *Репетиловыхъ*, которые *всестерою лѣпятъ водевилы* и готовы о *всемъ* сказать и написать *нѣчто*. Конечно, заря истиннаго просвѣщенія, занимающаяся всюду, гонитъ это мрачное невѣжество, но не прогоняетъ. Можешь быть *Хлестовой*, такъ живо еще напоминающей *Простакову*, и не найдешь уже теперь на Покровкѣ: но кто поручится за Басманную? Коротко сказать, *Горе отъ Ума* есть вѣрное повтореніе современной Московской жизни: и удовольствіе, съ которымъ оно принято и принимается

добродушною Московскою публикою, похоже на удовольствіе *Калмыга*, который лукаво кивалъ на *Петра*, когда ему читали про *взятки*.

Удовольствіе сіе, если не возвышается, то и не ослабляется игрою нашихъ артистовъ. Не трудно понять, съ какими затрудненіями должно быть сопряжено сценическое исполненіе этой піесы. Отсутствіе драматической жизни въ ея составѣ не можетъ быть иначе загдушено, какъ художественнымъ; во всехъ отношеніяхъ, выполненіемъ характеристическихъ фигуръ, ея составляющихъ. Каждая изъ нихъ имѣетъ свою особую фізіономію, содѣйствующую полнотѣ цѣлой картины: и потому для каждой нуженъ соотвѣствующій талантъ; способный научить и передать ее. Но какой труппы достанетъ на такую многочисленную и разнообразную коллекцію? Должно однако сознаться; что, судя по средствамъ нашей сцены, піеса вообще обещавлена изрядно и идетъ весьма нудно. Но *Горе отъ Ума* стоить; чтобы всехъ исполнителей разобрать въ частности.

Лица, составляющія оію піесу, можно раздѣлить на три разряда: *первостепенныя*, *второстепенныя* и *третьестепенныя*. Это раздѣленіе основывается не на важности ихъ относительно хода піесы; ибо, говоря правду, все онѣ принимаютъ въ немъ равное участіе или лучше равно не участвуютъ; но на большей и подробнѣйшей выработанности ихъ характерныхъ фізіономій.

Къ *первостепеннымъ* лицамъ относятся: *Фамусовъ*, *Чацкій*, *Молчалинъ* и *Софья Павловна*.

Фамусова играетъ *Г. Щепкинъ*. Не смотря на его талантъ, искусство и опытность, должно признаваться, что лице сіе исполняется имъ не удовлетворительно. Что такое *Фамусовъ* у *Грибодова*? Олицетворенный шицъ столбоваго барина, додремливающаго спокойно праздную свою жизнь, подъ шляпой съ плюмажемъ, въ ожиданіи Каммергерскаго ключа, за форелями и висцомъ. Москва, подобно кунст-камеръ, богата сими любопытными отрывками блаженной старины, сими драгоценными обломками.

Время *Очаковскихъ* и покоренія *Крыжа*! Ихъ отличительное свойство состоить въ флегматической недвижимости, считающейся доселѣ какбы одной изъ наслѣдственныхъ привилегій столбоваго дворянства. Всякое малѣйшее напряженіе, всякая штънъ работы кажется уничиженіемъ для нихъ гордой лѣнноти. Это оканчивается тѣмъ, что сіи почтенные представители нашей аристократіи, вступая въ пышый классъ, разучаются совершенно думать и даже чувствовать. Единственнымъ признакомъ жизненности остается въ нихъ еуешливая привязанность къ паркетнымъ преданіямъ и брюзгливое ожесточеніе противъ всѣхъ нововведеній. Таковъ именно *Фамусовъ Грибодова*! Само собою разумѣется, что сценическое исполненіе его необходимо требуетъ хладнокровія, шакъ сказать, рыбаго. Но у *Г. Щепкина* весь талантъ есть огонь. Имъ согрѣваетъ онъ, противъ своей воли, бездушную фигуру *Фамусова*: и это сообщаетъ ей совершенно не то выраженіе. Въ первомъ дѣйствіи, особенно, прогля-

дываетъ изъ ней *Транжирикъ*. По настоящему характеру *Фамусова*, онъ долженъ здѣсь уничтожать *Молчалина* не крикомъ, а холодною, убійственною важностью. Равнымъ образомъ, ему не слѣдуетъ разгорячаться и шумѣть слишкомъ на *Чацкаго*, во второмъ актѣ, зашыкая уши. Съ другой стороны обращеніе его съ *Чацкимъ*, въ двухъ первыхъ актахъ, не должно показывать никакъ фамильярности. *Фамусовы* обыкновенно трактуютъ молодыхъ людей, на которыхъ не имѣютъ ни какихъ видовъ, съ величавостью папროновъ и наставниковъ. Гораздо вѣрнѣе выдерживаетъ себя *Г. Щепкинъ* въ разговорѣ съ *Сколозубомъ*, хотя и здѣсь не мѣшало бы ему быть похолодѣе и поспокойнѣе. На своемъ совершенно мѣстѣ онъ только въ послѣднемъ дѣйствіи, гдѣ испуганъ, имъ представляемый, задѣтый за живое, по неволѣ долженъ выдти изъ себя и вспылить всѣмъ, что ни есть въ немъ человѣческаго. Здѣсь мы видѣли точно *Щепкина*, по справедливости признаваемого украшеніемъ Русской сцены. Советуемъ только ему, для большей вѣрности и сильнѣйшаго впечатлѣнія, произносить послѣднія слова, коими заключаешь пѣсу, подумавши, опустивъ дочь и собравшись съ мыслями. Въ этихъ послѣднихъ словахъ заключается символъ вѣры *Фамусовыхъ*!

Чацкимъ былъ *Г. Могаловъ*. Эта роль по его таланту и средствамъ; не лзя сказать, чтобы *Г. Могаловъ* не понималъ ее: и однако она исполняется имъ весьма неудачно. Изъ всѣхъ лицъ комедіи, *Чацкій* менѣе всѣхъ имѣетъ положительной истины. Это не столько живой портретъ,

сколько идеальное созданіе *Грибодова*, вынужденное имъ на сцену дѣйствительной жизни для того, чтобы быть органомъ его собственнаго образа мыслей и истолкователемъ смысла комедіи. *Грибодовъ* далъ ему свѣтлый, возвышенный взглядъ, пылкое, благородное чувство: но растворилъ его душу и языкъ желчью ѣдкости, не достигающей до Байроновской мизантропіи, и между нѣмъ возвышающейся надъ паркетнымъ цинизмомъ *Репетиловыхъ*. Это родъ Чайльд-Гарольда гостинныхъ! Тамъ, гдѣ юморизмъ *Чацкова* переходитъ въ страстное одушевление, *Г. Могаловъ* очень хорошъ, мѣстами даже прекрасенъ. Но гдѣ должно ему быть снокофате и обливашъ свои острофы холодною желчью, тамъ онъ рѣшительно дуренъ. Сбиваясь безпрестанно на шривіальность, онъ представляетъ изъ себя презваго *Репетилова*. Не обременяемъ уже его безполезными пребываніями ловкости и развязности, свойственной свѣтскому образованному чловѣку: но не можемъ не пожаловаться, что, въ роль *Чацкова*, онъ какъ будто нарочно уволилъ себя отъ всѣхъ приличій, предпринимаемыхъ людскостью. Хлопашъ себя по ногамъ, за кидывать назадъ голову и наконецъ такъ небрежно разваливаться на креслахъ — нестерпимо! Замѣтимъ также, что и костюмъ его на вечеръ былъ не очень приличенъ,

Роль *Могалина* исполняеишя *Г. Ленский*, Это курьезное лице, не смотря на свою безгласность, весьма важно и спонитъ изученія. Подобно какъ въ *Фалусовѣ* выражается типъ крупныхъ Високородій, *Могалинымъ* представляется

не менѣе любовныя физіономія мѣлкихъ насть-
комыхъ, выплывающихъ себѣ Высокоблагородіе
въ старушечій бослонъ и пропалзывающихъ къ
крестамъ, на четверенькахъ, играя со шпигами.
У *Г. Ленскаго* нѣтъ недостатка въ средствахъ
передать живо и вѣрно это домашнее животное,
коего обыкновенныя достоинства составляютъ:
смазливое личико, сладкая рѣчь, спина гибкая,
лобъ мѣдный. Онъ и дѣйствительно былъ хорошъ
ездѣ, гдѣ являлся, такъ скажетъ, оффиціально.
Мы съ особеннымъ удовольствіемъ замѣтили его
прощанье съ шпигомъ *Хлестовой* и шепель-
ность, съ которою онъ обтиралъ съ себя пыль,
поднявшись съ колѣнъ предъ *Софией Павловной*:
такъ именно поступаютъ *Молталины*. Но въ сце-
нахъ съ служанкою онъ измѣняетъ истинному
значенію своей роли. Вѣроятно *Г. Ленскій* увле-
кается ложнымъ мнѣніемъ, что *Молталины* есть
Русскій Тартюфъ. Ничего не бывало! Низость
нашихъ *Молталиныхъ* не есть лицемеріе и при-
творство: это ихъ природа. Въ *Тартюфѣ* ки-
пятъ страсти, прорывающіяся сквозь носимую
имъ маску; у *Молталины* нѣтъ вовсе сердца.
Если онъ заигрываетъ съ *Лизой*, то такъ, ми-
моходомъ, шутя, для занятія пустоты праздни-
го времени. И такъ ему не слѣдуетъ нисколько
перемѣнять съ нею обыкновенный свой тонъ:
самая наглость его должна быть запечатлѣна
низостью, составляющею стихію его суще-
ствования. Мы надѣмся, что *Г. Ленскій* обра-
титъ на это вниманіе и воспользуется нашимъ
замѣчаніемъ.

Софью Павловну играла *Гжа Львова-Синецкая*. Жалко было видѣть эту унную и достойную актрису въ роли, которая нейдетъ къ ней. Сколь ни зыбко обрисована въ самой комедіи фizioномія *Софьи Павловны*, больше однако причинъ согласиться, что въ ней предполагалось изобразить идеаль *Московской Барышни*, дѣвы, съ чувствованіями не высокими, но съ желаніями сильными, едва воздерживаемыми свѣтскимъ приличіемъ. Романической дѣвушкой, какъ полагають нѣкоторые, она бытъ никакъ не можешь: ибо, въ самомъ пылкомъ изступленіи воображенія, невозможно замечаться до того, чтобы отдать душу и сердце куклѣ *Молчалину*. Кажется, что *Гжа Львова-Синецкая* придерживалась этого послѣдняго мнѣнія: она играла слишкомъ томную, мечтательную героиню Нѣмецкой сѣмейственной драмы. Что-то меланхолически-унылое выражалось въ ея тонѣ, который конечно долженъ звучать совѣтъ не такъ, произносятся эти слова:

А кѣмъ въ нихъ я дорожу?

Хочу люблю, хочу скажу!

Въ послѣднемъ дѣйствіи, гдѣ негодованіе озлобленной любви и гордости возвышаетъ положеніе *Софьи Павловны* до нѣкотораго достоинства, *Гжа Львова-Синецкая* брала вѣрнѣе: но и здѣсь въ ней должна обнаруживаться не столько благородная твердость, которая прилична только совершенной невинности, сколько гнѣвъ и досада, простирающаяся до самозабвенія. Сверхъ того играть ей вообще не доставало ловкости *Москов-*

ской барышни. Коротко сказать, роль эта составлена не для *Гжи Львово-Синецкой*. Она и не дается теперь, послѣ трехъ представлений, *Двицу Куликовой*.

Къ второстепеннымъ лицамъ комедіи мы причисляемъ: *Сколозу*, *Репетилову* и *Лизу*; первыхъ потому, что они привязаны слишкомъ слабо къ цѣлому составу пьесы: послѣднюю потому, что физіономія ея заключаетъ въ себѣ слишкомъ много общаго и условнаго. *Сколозу*, это любопытное

созвѣдіе маневровъ и мазурки, такъ часто являющееся на горизонтѣ Московскихъ гостинныхъ, исполненъ былъ *Г. Орловымъ* превосходно. Безпристрастно можно сказать, что онъ составлялъ лучшее украшеніе пьесы: его басистый лаконизмъ, сиплая усмѣшка, величавое побряхиванье эпюлами и наконецъ штука, выкидываемая въ мазуркѣ, уморили всѣхъ со смѣху. Совершенно противное должно сказать о *Г. Живокини*, представляющемъ *Репетилова*. Онъ ломается и коверкается несдержимо. Кажется это происходитъ отъ ложнаго понятія о *Репетиловѣ*, въ слѣдствіе котораго *Г. Живокини* играетъ его слишкомъ пьянымъ. Этого образецъ Московскихъ фашіонаблей, сколь ни громко сознается въ своей глупости, никогда не можешь забыть до того, чтобы пріѣхать на балъ, едва держась на ногахъ. Сверхъ того, ему ни на минушу не должно выпасть изъ свѣтскаго тона, который у людей, выросшихъ на паркетѣ, не теряется никогда совершенно. Роль служанки *Лизы* выполняется

Гжѣ Нагаевой очень удовлетворительно. Нѣкоторые находятъ, что она обивается на тонъ Французской субретки: но какъ же быть, когда это лице не имѣетъ подлинника въ нашей общественной жизни, а дѣйствительно заимствовано изъ общихъ мѣстъ Французской драматургіи?

Третьестепенныя лица суть гости, пріѣзжающіе на балъ въ третьемъ и развѣзжающіеся въ четвертомъ дѣйствіи. Лица сіи, не смотря на то что говорятъ и дѣйствуютъ очень мало, весьма важны для пьесы: ибо ими выражаются различные опшѣнки фیزیонеміи Московскаго общества. Оні исполняются не равно удачно. Оригинальнѣе и любопытнѣе всѣхъ изъ нихъ, безсомнѣніи, *Князь Тугоуховскій* и *Графиня Хрюкина*, эти два, какъ сказать, идиотизма Московскаго общества, составляющіе его исключительную принадлежность: ибо гдѣ, кромѣ Москвы, старость и разстроенное здоровье, а шѣмъ болѣе потеря слуха, не снимающъ съ людей оковъ общекниія и не дозволяющъ имъ спокойно доживать вѣкъ свой въ нѣдрахъ семейства? Хотя, въ роли *Князя Тугоуховскаго*, *Г. П. Степановъ* ничего не говоритъ, а только кашляетъ; но это молчаніе краснорѣчиво; и роль сію можно отнести къ числу тѣхъ, кои онъ отдѣлывается съ особеннымъ искусствомъ и прелестью. Напротивъ *Гжѣ Божановской*, предсказавшей *Графиню Хрюкину*, замѣшимъ, что ея ухватили совсѣмъ не старушечьи и что въ ней вообще непримѣтно ни какой дряхлости, а только одна принужденная неловкость, обезображиваемая

еще болѣе произительнымъ ея вскрикиваньемъ. *Вкуску* ея, въ оба послѣдніе раза, играла, на мѣсто *Гни Кариковой-Богдановой*, *Дѣвца Виноградова*, кошорая, хотя очень хорошо понимаетъ эту небольшую роль, но слишкомъ еще молода для злой застарѣлой дѣвки. *Г-жа Сабурова*, въ роль *Наташи Дмитриевны*, очень вяла и безцѣпна: она совершенно не постигаетъ и насколько не выражаетъ той суешливости, съ которою должно ей застѣгивать и беречь отъ сквознаго вѣтра своего милаго *Платошечку*. *Платошечка* представляется *Г. Третьяковымъ*, кошорый, вѣрный своему обычаю, не задохлѣвъ вытвердишь нѣсколькихъ словъ, ссѣпавляющихъ роль его. *Г-жа Кавалерра* образовала очень хорошо роль *Хлестовой*; она весьма похотѣвъ на избалованную общей снисходительностью сѣбаруху, выжившую себя наконецъ право бытъ со всѣми дерзкою; только сѣдовало бы ей спорить съ *Фамусовымъ* объ имѣніяхъ погорячѣе, ссрдишсь на *Чацкаго* сильнѣе и выдерживать ровнѣе свой возрастъ. Въ роли *Загорѣцкаго*, *Г. В. Степановъ* также очень хорошъ, не смотря на свою наружную скудость. Всѣ эти лица, въ прешемъ дѣйствіи, до отккрытія бала, толкутся какъ-то въ тучѣ; но за то самый балъ, оканчивающій вѣтъ дѣйствіе, исполняешия прекрасно. Должно замѣтити, что въ пѣсѣ нѣтъ настоящаго бала, а гости собираются только на вечеръ, пощанцоватъ подъ фортепьяно. Но мы нисколько не въ претензіи на Дирекцію, пополнившую этой дѣмой картиной любопытную панораму Москов-

ской общественной жизни. Между гостями, участвовавшими въ балъ безъ рѣчей, обратили на себя особенное вниманіе ГГ. А. Богдановъ и Никифоровъ, коихъ странныя костюмы и особенные манеры въ танцахъ напоминали что-то знакомое въ довольно смѣшномъ видѣ. Публика оглушала весь балъ рукоплесканіями.

Вообще сценическая постановка пьесы дѣлаетъ честь нашему театру. Мы съ удовольствіемъ замѣтили, что для соблюденія вѣрности, внимательность простирается даже до мѣлочей. Такъ, на примѣръ, при разѣздѣ, хилого старика, *Князя Тогоуховскаго*, окушывающъ шубой еще въ передней, тогда какъ всѣ прочіе одѣваются на лѣстницѣ. Нѣкоторые недоумѣваютъ только, какимъ образомъ *Лиза* могла пугаться и не примѣтивъ *Чацкаго* въ снѣгахъ, при весьма яркомъ свѣтѣ фонаря, и для чего было *Фамусову* кричать, чтобы принесли свѣчей, когда и безъ нихъ было очень свѣтло.

Горе отъ Ума повторено 30 Ноября и 10 Декабря. Замѣчательно, что игра актеровъ съ каждымъ разомъ ощушительно улучшается. Такъ какъ непомѣрная обширность сцены Большаго Театра, заставляя артистовъ прибѣгать къ напряженію, составляетъ непреодолимое препятствіе къ успѣшному выполненію всякой пьесы, гдѣ естественность и истина составляютъ главное условіе очарованія; то мы надѣемся, что *Горе отъ Ума*, при переводѣ на Малый Театръ, явится въ наибольшемъ совершенствѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЯТОЙ ЧАСТИ.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

	Стран.
Пожаръ. (<i>Н. Языкова</i>)	11
Стремленіе. (изъ <i>Шиллера</i> , перев. <i>Эдуарда Губера</i>)	43
Фолетто. (<i>Д. Ознобишкина</i>)	170
Преступнищъ. (* * *)	211
Богатырь. (<i>Трилуннаго</i>)	327
Женщинъ. (<i>С. Шевырева</i>)	369
Сициліянка. Отрывокъ. (<i>А. Огильви</i>)	472
Звѣздочка. (<i>К. Бахтурина</i>)	538

ПРОЗА.

Невѣста Аристократка. Повѣсть изъ лѣтописей современной жизни 13.175 и 359	
Наполеонъ, или Тридцать Лѣтъ Фран- ціи. Историческо-Драматическая кар- тина <i>А. Дюма</i>	212, 370 и 445
Государственный человекъ. Изъ <i>Запи- сокъ Медика</i>	473

НАУКИ

Человѣкъ. Изъ сокращенной системы жи- вотнаго царства. (<i>М. Максимовита</i>)	1
Взглядъ на прошедшее пятнадцатилѣтіе Нѣмецкой Литературы. (<i>В. Менцеля</i>)	145
Политическое краснорѣчіе древнихъ и новыхъ народовъ. (<i>Лорда Бруггама</i>)	297

КРИТИКА

Сокращенная Русская Грамматика, для
употребленія въ низшихъ учебныхъ
заведеніяхъ, составленная *Александромъ Востоковымъ* 78 и 235
Библиографія

Русскія книги :

- Церковная Исторія, излагающая всѣ
достопамятныя въ Церкви происше-
ствія отъ Р. Х. до 1778 года. Перев.
съ Француз. *Протоіереемъ Іоан. Бе-*
дринскимъ 97
- Жизнь Его Императорскаго Высочества,
Цесаревича и Великаго Князя Констан-
тина Павловича 102
- Адольфъ, романъ Бенжамен - Констанана 102
- Українскій Альманахъ 104
- Краткія Записки Адмирала *А. Шникова* 256
- Записки 1814 года, *А. Михайловскаго-*
Данилевскаго 259
- Гаральдъ и Елисавета, или Вѣкъ Іоанна
Грознаго, исторія. романъ: соч. *В.*
Эртеля 260
- Гребенскій Козакъ, повѣсть *А. Шидлов-*
скаго 262
- Русская Слава, стихошвореніе *В. Жу-*
ковскаго 450
- О Умственномъ Воспитаніи дѣтскаго
возраста, сочиненіе Доктора *Ястреб-*
цева 409
- Человѣкъ въ незнакомомъ мірѣ, или отчуж-
ство Графа ***, романъ, соч. *Клаурена* 419
- Руководство къ содержанію и произведе-
нію новыхъ сортовъ розъ, перев. съ
Нѣмецкаго, съ приваровленіемъ къ на-
шему климату 420

Логика, выбранная изъ Клейна <i>А. Галлемъ</i>	556
Система Логики Бахмана. Часть I.	—
Вечера на хуторѣ близъ Диканьки, по- вѣсти издавныя <i>Паскикомъ Рудымъ</i> <i>Панькомъ</i>	558
Справникъ, сочиненіе <i>А. Веллмана</i> , Часть II	563
Начальныя правила Французскаго Языка, собранныя трудами <i>Гейнриха Веллера</i>	564
Начальныя правила Италіянскаго языка, изложенныя трудами <i>Гейнриха Веллера</i> .	—

Иностранныя книги :

<i>Dissertation Critique et Apologétique sur la Langue Basque, par un Ecclésiastique du Diocèse de Bayonne</i>	107
<i>Mémoires sur les chaînes de montagnes et sur les volcans de l'Asie intérieure, par А. Humboldt</i>	264
<i>Histoire des sectes Religieuses; depuis le commencement du dernier siècle jusqu'à l'époque actuelle; par M. Grégoire, an- cien évêque de Blois</i>	421

СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ

Эленшлегеръ	45
Египетъ, во время Французской Экспе- диціи. (изъ <i>Записокъ Наполеона</i>)	113
Сравнительное Изслѣдованіе долготы жизни человѣческой въ главнѣйшихъ странахъ Европы и Америки 268,425 и	565
Воспоминанія о <i>Ленинѣ</i>	539
Современная Хроника	
Открытіе Лондонской Королевской Кол- легіи	438
Некрологія Гегеля	439
Новости Наукъ и Искусствъ	
Нѣкоторыя достопримѣчательныя явле- нія звука	128

Таблица народонаселенія важнѣйшихъ го- родовъ въ свѣтѣ	134
Новыя явленія Парижскаго Театра . .	292
Стастистика сумасшествія	296
Воздушное путешествіе Доктора Фор- сшера	441
Жемчужная ловля во внутренности Ве- ликобританіи	442
Наблюденія надъ Египетскою породою людей	579
Любопытныя примѣры знаменательныхъ словъ, представленные Докторомъ Аберкомби	581

СМѢСЬ

Асстова Исторія Философіи. (<i>Критика</i>)	137
Объ умерщвленіи Графа Каподистріи, Письмо Г. Эйнера къ Издателю Жур- нала Преній	286
Театръ. Горе ошъ Ума, комедія въ че- тырехъ дѣйствіяхъ, <i>А. Грибоедова</i>	586

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены
были въ Цензурный Комитетъ при экземпляра.

Москва. Декабря 3 го дня 1831 года.

Ценсоръ Сергей Аксаковъ.